

Истребитель порчи

РОМАН О ГОТРЕКЕ ГУРНИССОНЕ

Автор РИЧАРД СТРАЧАН

Перевел ОЛЕГ СТАРОДУБЦЕВ

Владения Смертных опустошены. Разоренные последователями богов Хаоса, они стоят на грани полного уничтожения.

Города-крепости Сигмара - островки света в море тьмы. Постоянно штурмуемые маниакальными полчищами хаоситов и чудовищных зверей. Кости хороших людей толстым слоем лежат за воротами. Оплоты Порядка сражаются не только снаружи, но и внутри, ибо Хаос соблазняет жителей обещаниями могущества.

И все же поборники Порядка продолжают борьбу. С рассветом звонит Походный Колокол, и новый поход отправляется в путь. Грозорожденные Вечные идут плечом к плечу с храбрыми ополченцами, стойкими дуардинами и грациозными эльфами. Облаченные военной мощью, Рассветоносные походы отправляются для основания новых очагов цивилизации. Эти мрачные первопроходцы несут с собой огонь надежды. И все же они идут в адскую пустошь.

В диких землях колонисты восстанавливают порядок в разрушающемся мире. Пристальные взгляды направлены на горизонт в ожидании нашествий орд варваров, влачащих своё существование на костях древних империй, среди проклятых земель и ледяных морей. От доблести поселенцев будет зависеть судьба Владений Смертных.

Настигающие поселенцев ужасы принимают самые разнообразные формы. Варвары-каннибалы и безумные убийцы выползают из потайных логовищ. Из разрушенных замков выходят одетые в черную сталь воины Хаоса. Дикие орды Разрушения громят приграничные города до тех пор, пока не останется камня на камне. В темноте ночи приходят воюющие толпы нежити, жаждущие полакомиться живыми.

Против таких врагов храбрость - самая верная защита и самое эффективное оружие. Избранные Сигмара не испытывают в ней недостатка. Но не всегда их сил хватает на то, чтобы одержать победу, и даже в случае победы каждая новая битва все больше опустошает их души.

Это - время смуты. Эра войны.

Это - Эпоха Сигмара.

ПРОЛОГ

Мертвые деревья трепетали на ветру. Их черные ветви тянулись к сумрачному небу, а по лику луны тянулись шлейфы серых облаков. То тут, то там рябились от ветра глубокие лужи. Ночные цветы дьявольские зубы и кровавые корни выпистили свой холодный аромат в воздух. Ветер рвался и стонал над трясиной, и ветви деревьев выглядели, как воздетые к небу молитвенные руки.

Над стеблями травы порхал мотылек, похожий на лоскут порванного кружева. Его крылья были широкими, как дамский веер, и на каждом из них красовался пристальный взгляд. Ветер трепал и подбрасывал существо, оставляя за крыльями шлейф сверкающей серебристой пыли. И все же оно продолжало свой путь, все дальше и дальше, обходя трясины и глубокие лужи, пробираясь сквозь ветви деревьев, пока не добралось до россыпи черных камней, которая когда-то могла быть замком.

Из болота, как указующий перст, под кривым углом торчал шпиль. Под ним виднелась широкая полоса разрушающейся стены - остатки старого двора, руины крепостной стены и башни. Мох и виноградная лоза росли на камнях, и сугробы мертвых осенних листьев шуршали на ветру на древней площади. Мотылек летел дальше, бешено порхая на ветру, шлейф серебристой пыли, похожий на хвост кометы, тянулся за ним. Откуда-то из глубины башни донесся крик - вой человека, потерявшего всякую надежду, жаждущего смерти лишь как облегчения от бесконечных мук.

Мотылек взлетел по стене башни и добрался до края стрелоподобного окна. За ним была лишь густая и гнетущая тьма: тени, похожие на живых существ, холодные и мстительные, и ощущение, что за ними скрывается злобный разум. Но мотылек не чувствовал ни страха, ни тревоги. Перья его усиков затрепетали на границе тьмы, а через мгновение он поднялся с камня и, пролетев сквозь окно, скрылся во тьме. В непроглядном мраке был виден лишь слабый след серебристой пыли, падающей с крыльев.

'Ты вернулся...' - прошептал голос. Голос был сухим, как мертвые листья во дворе, и безжизненным, как дрожащие в трясине деревья. Это был древний голос, лишенный жалости, и для которого милосердие было

давно забытой вещью. *'Приди, дитя мое... Расскажи мне все... Расскажи мне, что за ночь была в Кранзиннпорте'*.

Из глубины шпиля, из подземелий, расположенных далеко под землей, по коридорам из крошащегося камня донесся еще один приглушенный крик. Мотылек пронесся сквозь тени. Быстрая, как молния, серая клешня вырвалась из темноты и подхватила его.

Снаружи, в сумерках, разошлись тучи. Луна сияла бледным светом, и болота под ней трепетали. Шпиль возвышался среди мертвых деревьев и сухой травы - черная колонна, в которой не светился ни один огонек. А потом, медленно раскатываясь в ночи, раздался ужасающий хохот.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Город Кранзиннпорт

Утро выдалось холодным и ясным, небо было безоблачным, и это обещало быть еще одним прекрасным днем в Кранзиннпорте. Одгер проснулся рано, как и всегда, соскользнув с кровати, где еще спала его жена Мелита. Она могла проспать и ледоход, и один из тех безумных и грозных штормов, что налетают с моря в середине зимы, но Одгер спал чутко. Сны - это, конечно, хорошо, но настоящая жизнь происходит, когда ты бодрствуешь.

Он наклонился и поцеловал Мелиту в щеку. Она натянула одеяло на голову. Все, что он мог видеть, это вихрь ее светлых волос на подушке.

'Ты уже встал?' - простонала она. 'Сейчас глубокая ночь - рынок открывается только в шесть.'

"Уже рассвело", - сказал он, улыбаясь. 'Я поставлю чай. А рынок не откроется, пока я не приду и не прослежу, чтобы все прилавки были расставлены в правильных местах'.

Она еще больше натянула одеяло на голову. Из-под него донесся ее голос, приглушенный и жалобный.

'Самый важный человек в Кранзиннпорте, не так ли? Удивительно, что совет вообще открывает свои заседания, не спросив твоего мнения'.

'И только подумай, насколько мудрыми были бы их решения, если бы они так поступали', - сказал он с напускной торжественностью.

'Одгер Пеллин, спаситель своего города...'

'И не забывайте об этом', - рассмеялся он.

Пока он хлопотал по дому, заваривая чай из ксинтилийских цветов и готовя сыну завтрак, Одгер позволил себе поразмышлять о том, каково это - быть членом Совета. Кранзиннпорту всегда нужны были хорошие люди, которые бы управляли его жизнью, и он не мог придумать лучшей тренировки к беспощадности городской политики, чем работа главным управляющим рынка. Лавочники и торговцы всегда были готовы перегрызть друг другу глотки. Не проходило и одного базарного дня, чтобы кто-нибудь не спорил о том, у кого участок лучше, или кто кому

должен за обещанные и полученные товары, или кому следует заняться снижением цен на законные приспособления..... Кровь Сигмара, в некоторые дни это продолжалось до бесконечности. На швею вроде Меросис можно было посмотреть, как на приятную, трудолюбивую девушку, довольную тем, что она сидит в своем портновой лавке и демонстрирует тонкие вердийские шелка, но за ее глазами скрывался холодный расчет опытного воина. После нее дебаты в зале заседаний городского совета покажутся детской песочницей.

Одгер улыбнулся, наливая кипяток в кастрюлю. Это был сон, не более того, и, как он всегда говорил, сон не заменит реальности. Он не был вождем людей.

Запах чая быстро заполнил кухню и распространился по дому. Одгер открыл дверь на задний двор - небольшой квадрат ухоженной травы и раковин, расставленных Мелитой, - и посмотрел на безмолвные серые улицы, спускавшиеся вниз серые улицы, уходящие к скалам на дальнем краю города. Он окинул взглядом купола и высокие витые шпили, башни, похожие на свернувшиеся раковины моллюсков, стены, покрытые солеными брызгами. Он смотрел на мощенные булыжником улицы, отмечая то тут, то там, на крышах и мостовых, отблески перламутра. Это был мрачный город с извилистыми улочками и переулками, с высокими темными стенами и домами, такими же прочными и хорошо защищенными, как подобные железу раковины глубоководных созданий, и на которые они также рассчитывали в случае опасности, но для Одгера это был еще и прекрасный город. Расположившийся здесь, на краю Роканийского Побережья и прижимающийся к отвесным скалам, он был одновременно и морем, и сушей, и тем было лучше для него.

Насколько он мог судить, никто еще не вставал. Даже торговцы могли еще часок поспать, прежде чем начать готовить свои товары. Рыбаки тоже скоро проснутся, поднимут свои измученные тела с постели, соберут снасти грубыми, покрытыми солевыми пятнами руками, и поковыляют к гавани. Охранники караванов - крепкие, суровые мужчины с отсутствующими глазами и пальцами - скоро выйдут из таверн и наточат свои клинки перед тем, как первые торговые караваны отправятся в дальние страны. Пьяные еще валялись в сточных канавах, а несколько трупов со всем терпением мертвецов ждали, пока городская стража заберет их с восходом солнца. На стенах сменялись ночные

дозоры из "Сабли Кранзиннпорта", городского подразделения Вольной гильдии. Одгер любил это время суток. Все тихо и спокойно, почти чисто, до ссор и суматохи городской жизни еще несколько мгновений. Он думал о Мелите, дремлющей в постели наверху, женщине, с которой он был женат уже десять лет. Он думал о своем сыне Кловисе, который, как он слышал, уже спускался по лестнице за завтраком. Он мог по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз за последнее десятилетие в этом доме произносилось грубое слово.

Это суровое, крепко сбитое место, думал Одгер, потягивая чай, но Сигмар все равно благословил его. Почти два года здесь не было ни одного набега отрядов оружков, и он не мог припомнить, когда в последний раз здесь происходили серьезные беспорядки. Он согрел руки о кружку.

Воистину, я самый счастливый человек на свете.

Несмотря на все его опасения, день на рынке прошел достаточно спокойно. Меросис не угрожала никому своими ножницами, Старый Тамсер хоть раз использовал правильные гири на своих весах, а давнее и безжалостное соперничество между Креннином Брискером, старейшим в городе поставщиком пирогов, пирожных и выпечки, и Драветтом Пинном, импортером лучших в Кранзиннпорте булочек, булок и хлебных батонов, похоже, перешло в состояние шаткого перемирия. Астромант Изувелл составлял гороскопы, утверждая, что такое новое соединение лун не повторится еще тысячу лет, и это самый благоприятный случай, чтобы узнать свое будущее. Впрочем, сегодня никто не обращал внимания на его бредни. Никого не зарезали. Никого не ударили из-за спора о сдаче, и ни одна пьяная потасовка не обернулась чем-то более серьезным, чем проломленный череп и ночь в городской тюрьме. Солнце светило высоко и ясно, а резкий привкус морского ветра бодрил. В центре площади сверкал, наполняясь водой, аквалит.

Когда Одгер шел между прилавками с кошельком для мелочи на бедре, все говорили ему добрые слова. Мелита постоянно уговаривала его носить с собой оружие на случай, если кто-то попытается присвоить себе рыночную выручку, но Одгер считал эту идею смехотворной. Он не был бойцом, да и вообще - это был рынок Кранзиннпорта, едва ли не самое мирное место во всем городе. Кто бы мог его ограбить?

Обойдя рынок, Одгер убедился, что все довольны своими местами и не имеют претензий жалоб, которые он мог бы вынести на следующее заседание Комитета по торговле. Не раз в его руки вкладывали отборный кусок мяса, зажатый между двумя листами жирной бумаги, или бутылку отличного марочного вина, кивая и подмигивая, но Одгер всегда был уверен, что платит по рыночной цене. Все знали, что с Одгером Перрином можно получить честную сделку: ни больше, ни меньше.

Когда солнце перевалило за полдень, он остановился у святилища Сигмара на восточной стороне рыночной площади. Он зажег свечу и некоторое время читал молитвы, которые были приколоты к шипам геральдической короны Сигмара. Бог стоял золотой статуей высотой в три фута, с поднятым молотом, по спине волнами струились волосы. Его доспехи состояли из позолоченных ракушек, а к бороде прилипли морские звезды. Вся статуя была покрыта легкой пылью сухехой соли. Одгер молча поблагодарил за все, что у него есть, и за все, что есть у города.

После обеда пришли Мелита и Кловис, неся между собой корзину. Одгер почувствовал запах одного из караваев Пинна из Живого города, а под клетчатой тканью, похоже, было спрятано еще и полбутылки тирийского фруктового вина.

'У мамы есть четыре булочки Брискера с нефритовыми пряностями', - сказал Кловис, - 'но она говорит, что на старости лет ты растолстеешь и можешь съесть только одну'.

'Это правда?' спросил Одгер, широко раскрыв глаза. 'Я тебе покажу, что такое жир!' - прорычал он и взвалил Кловиса себе на плечи, а мальчик заверещал от смеха.

'Поздний обед', - сказала Мелита, взяв его за руку. 'В награду за все твои труды. Я подумала, что мы могли бы спуститься к обрыву и посмотреть на залив'.

"По-моему, звучит замечательно".

Когда поднялся ветерок, они вышли на площадь с другой стороны города, на широкое треугольное пространство на самом краю утесов. Мраморные камни под ногами были затерты и грязны от множества проходящих по ним ног.

Вся площадь была окружена длинной балюстрадой из голубого коралла, прутья которого были выточены в форме угрей и рыб. В центре площади находился квадратный проход, окруженный потускневшими латунными перилами, который вел на железную лестницу. Люди поднимали товары из грохочущих лифтов, которые спускались в гавань, расположенную далеко внизу, у подножия скал. Одгер, как и всегда, позволил себе полюбоваться открывшимся видом. От него захватывало дух: весь горизонт с востока на запад был заполнен величием океана - Тендрильского моря во всем его величественных подъемах и опусканиях. Морские птицы кричали и рассеивались над волнами, следуя за рыбацкими лодками, отплывающими от гавани, их разноцветные паруса выделялись на фоне синевы оружейного металла.

Далеко-далеко в море, на расстоянии сорока и более миль, виднелись воздушные стаи левиафанов, рассекающих над волнами. За ними, как утверждали, и так далеко, что в Кранзиннпорте не нашлось ни одного моряка, который бы хоть раз попытался совершить такое путешествие, простирался край Владения в вихрях магии, настолько дикой и опасной, что она была способна выжечь плоть с костей, если оказаться ближе сотни миль от нее.

Они сидели на скамье у края утеса, ели и пили, пока полдень уплывал вдаль. После долгих и серьезных переговоров Одгер согласился разделить с Кловисом последнюю булочку с нефритовыми пряностями, и парень отправился с ней на другой конец площади, чтобы посмотреть на западную часть океана, где Роканийское побережье изгибалось в сторону Йска. Это был прекрасный мальчик - восьми лет от роду, любопытный и смелый одновременно. Одгер наблюдал, как он бежит по камням, и его черные волосы развеваются на ветру. Он никогда ничего не делал вполсилы. Да и зачем? Он бежал по жизни на полном ходу, как и любой мальчишка его возраста.

'Интересно, кем он вырастет? тихо сказала Мелита, положив голову ему на плечо. 'Торговцем на рынке? Чиновником в совете? Может быть, солдатом городской стражи?'

Одгер рассмеялся. "Любой такой его выбор станет для меня гордостью", - сказал он. Он посмотрел на море, где синяя полоса начинала по краям обрастать темными облаками. Море выглядело беспокойным, медленные волны начали превращаться в украшенные белыми

гребнями. Он нахмурился. 'Только бы он не стал рыбаком,' - мягко сказал он. 'Сигмар знает, что мы ценим их здесь, но это тяжелая и опасная жизнь...'

Тучи сгущались. С востока и запада они, казалось, собирались вместе, перекатываясь, как берега тумана, над беспокойной водой. Ветер усилился. В нем было что-то нездоровое, и волны вздымались все выше, как будто преследуя какой-то странную цель. Раскачивающиеся рыбацкие лодки поворачивали обратно в гавань.

Одгер медленно встал со скамейки и облокотился на перила балюстрады. Потемнело. Он смотрел на океан. Там, на юге, что-то двигалось. Казалось, что море кипит в двадцати милях от него. До него доносилось шипение, словно кипящая кастрюля на плите, жидкость яростно бурлила. Небеса над ним, казалось, пронзило копье облаков, черных как смола. Над водой стелился густой, плотный туман, бледный и клубящийся, как дыхание, выдыхаемое в холодный день.

Мелита примостилась у перил, нахмутив брови. Она положила свою руку на его. С высоты семисот футов до них доносились крики рыбаков, направлявших свои лодки в гавань Кранзиннпорта, расположенную у подножия скал.

'Что это?' - спросила она. 'Вода там, это... Это левиафан? Я никогда не слышала, чтобы левиафан подплывал так близко к берегу'.

Одгер покачал головой. 'Не думаю...' Он посмотрел на другую сторону площади. 'Где Кловис? Думаю, нам следует вернуться на рынок'.

Но, казалось, весь рынок пришел на площадь. Все больше и больше людей подходили к балюстраде, облакачивались на перила, показывали пальцем и спорили, глядя на море.

"Это - не левиафан", - сказал один пожилой человек. Он откинул соломенную шляпу назад на голову. 'Это проклятый кракен'.

"Кракен?" - ответил кто-то другой. 'Ты что, опять упился морского эля, нет такого'.

"Это так. Я видел его, когда был мальчишкой, там, на воде. Огромное, как здешние скалы, со щупальцами длиной с самую высокую башню Кранзиннпорта и глазами шире луны".

На это раздался смех, а старик заворчал в бороду.

'Это не кракен', - уверенно сказал Одгер.

Он заслонил глаза рукой, наблюдая, как надвигается туман, как рябят и уплотняются над водой облака. Вскоре они распространились над бухтой, и вместе с ними пришло липкое ощущение холода. Он чувствовал, что все вокруг смотрят на него, уважая как человека, который никогда никого не обманывал. Если это говорит Одгер Пеллин, подумали они, значит, к этому стоит прислушаться. Одгер прочистил горло и снова посмотрел на собравшихся.

'Это и не левиафан, - сказал он. 'Похоже на... Похоже на проклятый остров, поднимающийся из воды'.

Ничего другого быть не могло, и вскоре все увидели то же самое. Сквозь дымку тумана Одгер разглядел низко нависшую черную фигуру, пену, стекающую в море с выступов, скал и мысов. Он был похож на изрезанный каменный диск, сияющий черным светом, удаленный на двадцать миль и имеющий размеры не более чем пять на пять миль. По воде прокатился гул, словно само морское дно протестовало. Волны сотрясались и грохотали вокруг острова, откатываясь назад и разбиваясь о скалы длинными и сердитыми бурунами.

Казалось, на всех опустилась тяжелая пелена. Это было нечто большее, чем набегающие на город тучи, и нечто большее, чем туман, который все ближе и ближе подбирался к заливу. В мир пришло нечто новое, неожиданное и нежданное, и в Кранцинпорте не было ни одного человека, который знал бы, что сказать по этому поводу.

Одгер потер щетину на подбородке. Он отыскал в толпе Кловиса, пробиравшегося к матери.

'Ты видел, папа?' - сказал он. 'Вышел прямо из воды, я такого никогда не видел! Что это?'

'Я не знаю, сынок', - тихо сказал он. 'Хотел бы я знать.'

Он повернулся, чтобы уйти, взял Мелиту за руку и потянулся за Кловисом. Он хотел вернуться на рынок, убедиться, что все в порядке. Более того, он хотел попасть домой. Он не мог сказать почему, но ему хотелось просто закрыть двери, зажечь огонь и посидеть с семьей. И это было все, чего он хотел.

Начался дождь. Темные тучи разошлись, и маслянистая морось брызнула на камни. В воздухе внезапно появился запах, от которого он сморщил нос. Запах гнили и разложения. Все колокола казарм Вольной Гильдии зазвонили, собирая гарнизон. Город был еще недостаточно велик, чтобы в нем был размещен контингент Грозорожденных Вечных, но в случае опасности он будет надежно защищен. Одгер был в этом уверен. Это был суровый город, вырубленный в скалах на суровом побережье. Он не волновался. Не о чем.

Жаль, подумал он, торопясь дальше. А ведь утро выдалось таким прекрасным.

ГЛАВА 2

Глас в пустыне

Город назывался Ксил'антос и располагался в складке земли на расстоянии двух миль. Его очертания казались зыбкими и искаженными в жаркой дымке, поднимавшейся от зеленеющей, изобильной земли.

Амара Фиделлус всмотрелась в него, прикрыв лицо от солнца тыльной стороной ладони. Она могла видеть высокие стены, изгибающиеся вокруг, чтобы обхватить землю там, где она поднималась на севере, крыши домов и домовладений, едва видневшиеся над зубчатыми стенами. В центре города возвышались высокие черные шпили, похожие на стебли тростника посреди озера. Как и в большинстве поселений в полосе Вечной весны, те, кто основал город, сначала обратились за материалами к щедротам Владения. Стены выглядели так, словно были сделаны из высушенных стеблей высоких цветов мегалантоса, которые росли далеко на северо-западе в зеленых лесах Йска. Шпили этих зданий в центре вполне могли быть выдолбленными стволами йскийских черных деревьев, некоторые из которых поднимались в воздух более чем на триста футов.

Впрочем, судить об этом было трудно. Восходящее солнце выбило из травы горячий туман, и от этого все вокруг казалось размазанным и нечетким. Амара видела широко распахнутые ворота во в городской стене, по обеим сторонам которых, словно часовые, стояли побитые непогодой идолы-хранители. Она могла видеть струйки дыма,

поднимающиеся из дымоходов и кухонных очагов. Дорога, проложившая себе путь по равнине, устремляясь к гряде невысоких холмов, которые возвышались на западе, сгорбленные и настороженные под шапкой облаков. Над городом потрясающее голубое небо Гирана было испещрено пурпурными и красными полосами, а облака походили на воздушные соборы, возвышающиеся посреди кристально чистого моря.

Ксил'антос, подумала она. Она запахнула свои изодранные одежды, которые когда-то провозглашали ее боевой жрицей Сигмара. *Город, созревший для того, чтобы услышать правду.*

Она никогда раньше не была в этом месте, но прекрасно знала, чего ожидать. Это будет одно из тех ветхих, захолустных поселений, которые вырастали со временем, основанные в глуши суровыми людьми, снабжаемые с мучительной медлительностью бронированными торговыми караванами, половина из которых пропадала в пустошах, так и не добравшись до места назначения. Затем, день за днем, защищаемая копьем, клинком и арбалетом, деревня превращалась в город, а город постепенно обрастал новыми кварталами и районами, стены которого шаг за шагом углублялись в пустоши, земля вокруг него расчищалась, военные патрули расширялись, новые жители привлекались на развивающиеся производства. Крестьяне, крепкие и выносливые, трудились на окраинных землях. Прибывали ремесленники для изготовления предметов роскоши, которые требовал растущий торговый класс. И вскоре поселение, построенное кровью и потом, нарушило свои исходные границы и оказалось более устойчивым, чем предполагалось. Большинство таких поселений исчезало в диких землях, и о них больше никогда не было слышно, их разграбляли и разоряли налетчики или военные отряды, а жителей убивали или обращали в рабство. Однако некоторые из них продержались, как правило в наиболее труднодоступных местах.

Она мрачно улыбнулась про себя. Если она чего и не терпела, так это так это людей, претендующих на что-то большее, чем они есть.

Смуглая кожа Амары покрылась солнечными пятнами. Ее некогда бритые волосы теперь отросли и превратились в тусклую медную пыль на голове. Она была молода, но выглядела сильно исхудавшей от суровых условий дикой природы, а ее лицо было твердым, будто вырезанным из

дерева. Она сражалась со стаями плотоядных змеев и убегала от зверолодей-налетчиков, которые охотились на любого, кто был настолько глуп, чтобы путешествовать в одиночку. Шрам пересекал по диагонали ее губу, и рот казался издевательски изогнут. На скуле начал исчезать синяк - сувенир, который она получила, когда две недели назад проходила через Тиллистин на востоке Роканийского побережья, где местные жители не обратили внимания на ее послание. Хотя ее пронзительные серые глаза были твердыми, как кремнь, в них была и грусть. На мгновение она оперлась на посох, вырезанный из ветки железного дуба, обеими руками ухватившись за кожаный ремешок на запястье.

Может, она и носила одеяния боевой жрицы, но Амара оставила эту жизнь позади уже много месяцев назад. Доспехи были выброшены по дороге, боевой молот утоплен в болоте, где поход принял свой последний бой. Жрица умерла там, в пустошах. В долинах Тирии она наблюдала, как Гедонисты спускались с гор, волна за волной, выкрикивая вычурные боевые кличи и хлестая по собственным телам шипастыми кнутами. Когда же Рассветносцы пытались сплотиться вокруг своих повозок, жрица сражалась, используя всю силу Сигмара, пока не была побеждена, а когда очнулась, в ней осталась только Амара.

Сигмар ушел. Сигмар бросил их всех.

Она вздохнула от боли, вызванной этими воспоминаниями, и закрыла серые глаза. Она натягивала ремешок на запястье до тех пор, пока кожа не стала резать руки, а потом затянула пояс на пыльных одеждах и зашагала по равнине в сторону Ксил'антоса.

Она вышла на дорогу в том месте, где она сворачивала с восточных холмов и пролегалла через луга. Она миновала группу крестьян, которые везли корзины с фруктами из садов, раскинувшихся в пышных рощах к югу от города: одни - с корзинами, высоко поднятыми на спинах, другие - с телегами и повозками, запряженными длиннорогими быками и волами. Это были крепкие на вид люди, у некоторых на лицах были глубокие шрамы, у некоторых отсутствовали руки и пальцы. Все они были вооружены, и Амара увидела на их бедрах серпы и шипастые мечи. Они внимательно рассматривали ее, когда она проходила мимо, прикрывая глаза от солнца или выглядывая из-под широкополых соломенных шляп. Они ничего не говорили, не бросали вызов, просто смотрели на нее с

настороженной подозрительностью, свойственной всем деревенским жителям, когда в их среде появляется новый человек. Амара ничего не говорила в ответ. Один из мужчин приостановился и сделал знак кометы на груди, увидев ее одеяние и суровый взгляд, придя к очевидному выводу. Она опровергнет его еще до конца дня.

Под сапогами Амары дорога была не более чем сбитой землей. Никто не посещал такие места, как Ксил'антос; это были укрепления, аванпосты, установленные в пустошах. Стены возвысились над ней, когда она подошла ближе; как она и предполагала, это были двадцати футовые стебли цветка мегалантоса цвета хаки. Они были скреплены между собой и укреплены скобами из железодуба, но Амара знала, что никакие стены не могут надолго защитить от опасностей внешнего мира. Они были необходимой иллюзией, чтобы местные жители могли спокойно спать по ночам, вот и все. Амара с трудом протиснулась сквозь вонючих крестьян и фермеров, везущих свои товары на рынок, и проскользнула мимо стражников, стоявших по обе стороны ворот с копьями и в черных стальных шлемах.

Ворота выходили на широкую аллею, окаймленную колышущимися деревьями кислицы. За аллеей находилась площадь, выложенная пыльными камнями. Над крышами домов на дальней стороне площади виднелись высокие черные шпили - полые стволы Йскийских черных деревьев, как она и предполагала. Она знала, какие люди будут жить в этих башнях. Верховные жрецы и советники. Мэры, капитаны гвардии, богатые купцы. Всем остальным приходилось обходиться улицами. Над лавками и тавернами по обеим сторонам площади были натянуты тенты, защищавшие их от солнца, сиявшего в голубом небе. Тут и там стояли каменные скамейки, где все жители Ксил'антоса могли отдохнуть и обменяться дневными слухами. Она видела уличных торговцев с лотками сладостей, нищих с мисками, продавцов чая, пробирающихся сквозь толпу с латунными урнами на спине и подставками для глиняных чашек в руках. Здесь были и фонарщики, широкополые латунные шляпы которых украшали горящие свечи, и проповедники в испачканных набедренных повязках, с тяжелыми кожаными переплетами священных книг, прикованными к шее, и крысоловов в накидках, сплетенных из крысиных шкурок с лохматыми маленькими терьерами у ног. Слева от нее под тенью навеса сидела пара аэльфийских следопытов, потягивая из

бокалов таунитовое вино и наблюдая за толпой. Справа от нее под тенью колючего дерева стоял странствующий иллюзионист, на его голубом шелковом одеянии сверкали вышитые серебряные луны. Амара наблюдала за тем, как он подбрасывает в воздух горсти красного порошка, под аплодисменты превращая каждую горсть в стаю крошечных порхающих малиновых птиц. На площади царила суeta и спешка, люди покупали, продавали, смеялись или просто проходили мимо, направляясь в глубь города по своим делам.

Удобное место, думала про себя Амара, шагая дальше по камням. Удобное, но не более благополучное, чем нужно, не имеющее ни малейшего представления о том, каков на самом деле мир снаружи, и не интересующееся тем, как страдают другие. Как страдала она.

Рука, тянущаяся к ней из безопасного шатра. Голос, взывающий в пустошах. Красные клинки, красное убийство и конец всех ее сил.

На дальней стороне площади стоял храм Сигмара: высокое, с плоским фасадом сооружение из белого мрамора, с двумя широкими колоннами, поддерживающими сверкающую перемычку из полированного золота. За ним, в центре храмового комплекса, виднелся прохладный дворик и статуя самого Бога-Короля, стоящего на мраморном помосте с поднятым к небу молотом и выражением бесконечного, сурового сострадания на резном лице. Перед статуей висело знамя герольда города - символ того крестового похода, который основал это поселение, потускневшее от времени. Короткая мраморная лестница вела ко входу в храм, где сидели жрецы и прихожане и обсуждали богословие, спорили о тонкостях *Знамений Кометы*, некоторые из них призывали своих сограждан молиться и поклоняться во славу того, кто охраняет и защищает их всех.

'Подходите, друзья мои!' - обратился к толпе на площади белобородый священник. Он был одет в красную, доходящую до щиколоток рясу лектора, лацканы которой были вышиты золотом, а талию охватывал белый хлопчатобумажный пояс. На шее у него висел тяжелый золотой знак - символ молота Бога-Короля, а в центре лба была вытатуирована золотисто-голубая комета Сигмара. Его борода была седой, словно усыпана пеплом, а на лице блестели ритуальные шрамы. Он встал на помост и поднял руки, как бы собирая всех в кучу. 'Возвысьте свои голоса в поклонении Всевышнему! Обратите ваши молитвы тому, кто надзирает за всеми нами, суровый в суждениях, справедливый во всем!'

Амара почувствовала, как кровь запульсировала в ее жилах. Инстинктивно она потянулась к петлям на поясе, где когда-то хранились молот боевого жреца и копия *Знамений*, но теперь они были пусты. Молот, который она бросила в болота Тирии. Книга, которую она разорвала в клочья, пока кричала в пустошах, и ее руки были красны от крови тех, кого она похоронила. Она сжигала эти страницы в ярости, которая, как ей казалось, никогда не ослабеет.

Шрам на губе запульсировал. Боль от старых ран расцвела заново. Она пробивалась вперед, пока лестница не скрылась за ней, и от ее взгляда у белобородого священника пересохло в горле.

'Ах...' запнулся он, наконец-то. Он протянул руку, чтобы ввести ее в храм. 'Одна из храбрых жрецов Сигмара, взывающая к Богу-королю в пустошах! Смотрите, друзья мои!" - воскликнул он. 'Давайте последуем примеру этой девушки и возьмем в руки оружие, чтобы воздать хвалу и поклонение Молотодержцу!'

Она посмотрела на галерею, где во всем своем великолепии стоял Сигмар. Сигмар, во имя которого они шли из Даголета - и мирные жители, и солдаты, и священники, и пророки, и кающиеся - с хвалебными гимнами на устах, устремляясь в дикие земли, чтобы основать новые поселения и раздвинуть границы цивилизации. Металлиты парили высоко над ними, волоча за собой цепи из благословенной латуни и железа, неся все необходимое для строительства новых домов и расчистки земли под посевы. Она помнила все это так ярко, хотя уже и прошло уже несколько месяцев. Она покидала Даголет с такой яростной решимостью, с чувством, что они выполняют его работу. Она верила, что будет в безопасности.

Амара повернулась и посмотрела на толпу. Большинство из них по-прежнему занимались своими делами, прогуливаясь между рыночных лавок и отдыхая на каменных скамьях, но несколько человек повернулись, чтобы посмотреть на священника, когда он восхвалял ее пример. Ей было интересно, кого они видят в ней сейчас. Как могли они, глядя на это покрытое шрамами и камнями лицо, увидеть что-то, кроме боли, которую она испытала?

‘Люди Ксил'антоса!’ - крикнула она, подняв посох над головой. Голос ее был суров и сух, как пыль, рассыпавшаяся по камням. Она не разговаривала ни с кем почти две недели. ‘Не слушайте этих лживых жрецов, которые лгут только для собственного обогащения! Сигмару нет дела до ваших жалких молитв и рабского поклонения, ибо Сигмар покинул нас! Бог-король отвернулся от человечества во всей своей надменности и лжи, и ему нет дела до того, живете вы или умираете! Да, вы можете ползать на брюхе перед его алтарями все дни своей жизни и мочить камень бесконечными слезами раскаяния, но для него это будет не более чем утренняя роса, быстро сгорающая в мимолетном тумане!’

Она почувствовала, как чья-то рука схватила ее за запястье, и обернувшись, увидела белобородого лектора, с недоверием смотрящего на нее. На его лице белели шрамы.

‘Во имя всего святого’, - прошептал он, дрожа. ‘Что ты делаешь? Чего ты добиваешься своими ужасными богохульствами?’

‘Я хочу рассказать им правду’, - прорычала Амара. Она вырвала свою руку. ‘Я видела Сигмара в пустошах, старик, и он не более чем тень, проносящаяся по пустому небу, равнодушная к нашей боли. Уповай на него, если хочешь, но я больше не стану этого делать. Он отнял у меня все, что у меня было”.

Она снова увидела колонну, шедшую из Даголета, красные знамена на стенах ее города, трепещущие на ветру. И она видела тела, падающие на обочину, когда они пересекали пылающие равнины Тирии, людей, которые поддались болезни или истощению, упали от ран или усталости и остались умирать в грязи, пока поход продолжался. А потом, когда их измотали стихии, когда закончилась вся пища и вода, она вспомнила призывный клич слаанешитских воинов, проносящихся по равнине на своих легких скакунах, их колючие стрелы мелькали и уносили жизни направо и налево. Рассветоносцы отдавали свои жизни за своего бога, а культисты Слаанеш забирали жизни за своего - и в конце концов, чего все это стоило, кроме пяточка никчемной земли в глуши, омытой кровью? Что толку в их преданности, если в трудную минуту она не была вознаграждена?

Амара снова повернулась лицом к площади, но толпа уже начала волноваться. Старый жрец попятился назад по лестнице в безопасное

помещение храма. Что-то вылетело, ударило ее по плечу и упало на мраморную ступеньку с мокрым хлюпом - это был кусок фрукта с рынка. Навстречу ей полетел еще один, и она мотнула головой, чтобы увернуться. Следом полетели насмешки и пренебрежительные возгласы, разнесшиеся по залитому солнцем полудню.

Все снова как в Тиллистине. Воистину, нет таких глухих, как те, кто не хочет слышать.

'Послушайте!' - воскликнула она. 'Выслушайте правду, которую я хочу сказать, и больше не живите во тьме! Я была голосом, потерянным в пустошах, и все мои товарищи погибли у моих ног, а Сигмар не ответил на наши молитвы! Мы шли в дикие земли, чтобы основать новое поселение во имя его, но когда на нас напали, он не защитил нас. Мы стояли плечом к плечу против ярости гедонистов и сражались до тех пор, пока не смогли больше стоять, и хотя наши молитвы были пылкими, как огонь, Сигмар не избавил нас от ужасов, с которыми мы столкнулись. Он оставил нас умирать! Спасайтесь сами и не ждите помощи от богов, ибо напрасно будете ждать ее все дни своей жизни'.

В ее сторону все больше несло все больше недовольных голосов, непристойных жестов, искаженных гневом лиц. Жители Ксил'антоса потрясали кулаками, понимая, что на самом деле говорит эта молодая боевая жрица. Амара подняла посох, призывая к тишине, но тут из толпы полетел камень и ударил ее по голове. Она пошатнулась, в глазах потемнело, и боль пронзила ее насквозь. Кровь брызнула на мрамор. Еще один камень треснул по костяшкам пальцев, заставив ее выронить посох, и она кувырком полетела вниз по лестнице, где её бросилась избивать толпа.

'Повесить ведьму!' - крикнул кто-то. Кулак ударил ее в спину, отчего она покачнулась, пытаясь встать.

'Она отринула Сигмара! Она отрицает богов!'

Тяжелый сапог врезался ей в живот, выбивая из нее дыхание.

'Это Ксил'антос, богохульница! Мы поклоняемся здесь богу-королю, а теперь уноси свою грязь с собой!'

Амара перекатывалась по камням с кровью во рту, пытаясь обхватить голову руками. Кто-то выплеснул ей в лицо остатки эля из кружки, а затем

сильные руки подняли ее на ноги. Она прищурилась от солнца, почувствовала резкий медный привкус крови и застонала, когда очередной кулак с размаху ударил ее в челюсть. Несмотря ни на что, она не стала сопротивляться. Все эти месяцы она бродила по диким местам, рассказывая суровые истины, которые обычные люди не желали слышать, ибо были слишком трусливы или глупы, и она ни разу не подняла на них руку. Она уходила из городов и деревень под ливнем оскорблений больше раз, чем могла вспомнить, и каждый раз с гордо поднятой головой. Она больше не прольет крови во имя богов.

Оглушенная и избитая, Амара обмякла в руках своих мучителей. Двое привратников из одной таверны держали ее за руки, их пальцы были похожи на стальные оковы. Кто-то схватил ее за горло и пытался задушить; другой сорвал с ее одежды выцветшую комету. На нее надвигалась толпа разъяренных лиц, тычущих пальцев, зловонного дыхания, пропитанного элем, - вся эта безумная какофония кричала и вопила на нее. Этот шум был похож на грохот разливающейся реки, совершенно неумолимый и не знающий жалости.

В поле ее зрения попал крепкий мужчина с всклокоченной черной бородой, его рука потянулась, чтобы схватить ее за челюсть. На нем был потрепанный кожаный фартук, рукава закатаны, через плечо перекинута кухонное полотенце. Амара решила, что это хозяин таверны. Глаза его пылали, на губах выступила слюна. Кто бы мог подумать, что хозяин таверны окажется таким набожным?

‘Что ты скажешь против Сигмара, ведьма? А? Что ты скажешь? Выбирай слова тщательно, ибо они могут стать твоими последними!’

Амара улыбнулась ему потрескавшимися и кровоточащими губами. Она чувствовала, как кровь стекает по ее подбородку, как тьма окутывает края ее зрения.

‘Сигмар заботится о тебе так же, как плуг заботится о червяке под ним, - сказала она. ‘Не больше и не меньше.’

Зарывав от негодования, он отвел кулак и ударил ее прямо в лицо.

‘Сигмар награждает только добродетельных!’ - закричал он. ‘Его могущество больше прочих, его не перехитрить!’

‘Довольно!’

Волна повиновения прокатилась по толпе. Чернобородый мужчина отступил назад, потирая костяшки пальцев и вытирая слюну с губ полотенцем. Когда толпа расступилась, Амара увидела, как к ней через площадь приближается старый жрец. Он держал в руках ее посох, и лицо его было таким же холодным, как белый мрамор храма за его спиной.

‘Она отрицает Сигмара, хотя на кону стоит ее жизнь, лектор!’ - воскликнул чернобородый мужчина. ‘Она не боится богов, совсем!’

‘Тише, Даниель’, - сказал жрец. ‘Ты сделал работу Сигмара, задержав ее’. Жрец похлопал его по плечу, а затем повернулся к Амаре. ‘Ты ясно выразилась’, - сказал он. Голос его дрожал, словно ему требовалось все самообладание, чтобы не прокричать свои слова ей в лицо. Он заглянул в ее серые глаза. ‘Я не знаю, какое темное касание Хаоса заставило тебя так жестоко отринуть своё призвание, если ты и была когда –то боевой жрицей. Но мы покажем тебе, что делаем с теми, кто отрекается от богов в Ксил’антосе. Сложите костер!’ - призвал он. ‘Мы выжжем богохульство в ней’.

ГЛАВА 3

Плата за грехи

Должно быть, она на мгновение потеряла сознание. Когда она пришла в себя, Амара лежала на камнях с крепко связанными за спиной руками. Она чувствовала на лице твердые припухлости синяков, а в челюсти - шатающийся зуб.

Солнце ползло по небу, и на площадь падали косые тени. Высокие железнодубовые шпиль в центре города отбрасывали свои, похожие копьё, на камни площади. После полудня мрамор огромного арочного фасада храма казался прохладным и окрасился в слабый розовый цвет. Она увидела, что снаружи зажигают лампы. Из таверн доносились раскаты смеха и веселья, люди опрокидывали в себя кружки с элем и кубки с вином.

Амара перекаtilась на спину, морщась от боли в связанных руках. Она увидела костер, который они сложили позади нее, в самом центре площади, где всем было бы лучше видно.

Ничто не могло заставить ее быть более упорной в своих суждениях, чем вид этого костра. Стулья и скамейки, двери и оконные рамы, даже связка деревянных ложек, перевязанная яркой красной лентой, были брошены в костер. Жители Ксил'антоса крушили все, что попадалось под руку, торопясь поскорее приступить к сожжению.

Воистину, подумала она, страх перед богами сводит людей с ума.

Возле таверны люди звенели тарелками, смеялись и шутили, глядя на костер со спокойной гордостью мастеров, удовлетворенных своей работой. Высота костра не превышала пяти футов, но этого было более чем достаточно, чтобы сжечь ее, она была в этом уверена. Другие люди заняли места на каменных скамьях, выстроившихся вдоль площади, обрадованные перспективой такого редкого развлечения, а продавцы кондитерских изделий и торговцы, пробивающиеся сквозь толпу, вели бойкую торговлю. Некоторые продавали плетеные талисманы, которые, по их словам, надежно защищали от нечистой хулы, принесенной этой женщиной в Ксил'антос. Уличный музыкант елозил по своей скрипке катгутовым смычком и играл такую визгливую и диссонирующую мелодию, что Амаре показалось, что смерть от сожжения стала бы милосердием. Могильщики, лица которых были закрыты черными кожаными масками и круглыми шапками из пожелтевшей кости, стояли у своих тележек и ждали, чтобы собрать обгоревшие останки, когда костер догорит; из них получится хорошее удобрение для полей, и они будут стоять хороших денег, если кто-то из крестьян захочет заплатить. Старый жрец стоял перед костром, опираясь на посох, который когда-то принадлежал Амаре, с напыщенным видом.

‘Ты не получишь от меня признания’, - пробормотала она разбитыми губами. ‘Ни неистовых мольб о пощаде, ни сожалений. Извините, что разочаровала’.

Она попыталась подняться на колени, но удар ногой в спину заставил ее снова упасть лицом на камни.

‘Увы, уже слишком поздно, дитя мое’, - сказал священник. ‘Слишком, слишком поздно.’

Он кивнул, и сильные руки снова подхватили ее под руки и потащили к костру. При виде этого толпа разразилась бурным ликованием.

Взметнулись кубки, и визгливая мелодия скрипача запрыгала и заплясала в мягком воздухе позднего вечера.

Вот так я и умру, думала она, пока ее тащили к костру. Это могло бы произойти в той долине, с оружием в руках, на руинах всего, что я любила. Но нет, вместо этого - вот это. Вечернее развлечение для легковых и слабых.

Из таверны принесли деревянный стул, поставили его на вершину костра и привязали её к нему толстой веревкой. Когда завязывали последний узел, тот, кого лектор называл Даниелем, засмеялся и тихо зашептал ей на ухо. От его дыхания несло кислым пивом, а когда он наклонился ближе, Амара разглядела длинный шрам, пересекающий его незрячий левый глаз.

'Говорят, когда пламя разгорается, тебя убивает сначала дым', - сказал он. 'Но не волнуйся - это сухое дерево и не должно коптить'.

Они поднесли пламя на пытающем клейме, раскаленном от ламп у входа в таверну. Старый жрец взял его и торжественно двинулся к основанию костра.

Когда он поднес пламя к дровам, толпа одобрительно зашумела. Она видела в их глазах вождение, обычную жестокость простых людей.

Амара направила взгляд в пустое небо. Пурпурные и красные полосы уже потускнели, голубой цвет стал ровным лазурным. Она видела черные точки птиц, медленно кружащихся в его глубине, и почти видела первый слабый блеск сфер, когда день переходил в сумерки. Она чувствовала несущийся от толпы запах пота и пролитого эля - и, кроме того, теплый аромат ксинтильских цветов с плантаций вокруг площади; свежий, непокорный аромат Гирана за городскими стенами, во всем его цветущем великолепии. Она закрыла глаза, когда пламя окружило ее, и постаралась заглушить страх, разворачивающийся в животе.

Краска на оконных рамах и дверных панелях вспыхнула от жара. Дерево затрещало, как от выстрела черного пороха. Амара расслабилась, прижавшись к удерживающим ее веревкам. Она могла попытаться отвлечься от происходящего, послать свои мысли в синеву, пока огонь трещал на ее коже. Она могла бы отпустить себя, и боль была бы не более чем кратким, затмевающим мгновением, прежде чем тело ослабит

хватку на ее душе. Она могла позволить себе умереть здесь. Она могла бы освободиться - от горя, от воспоминаний, от всего, что ей пришлось пережить. Разве это - не милосердие?

Заиграла скрипка. Добрый народ Ксил'антоса смеялся и танцевал в свете пламени. Старый жрец возвел глаза к небу и прочитал молитву.

Амара улыбнулась про себя. Она могла бы сделать все это. Но почему, во имя бога, в которого она больше не верила, она должна доставлять этим болванам удовольствие?

Веревки туго стягивали ее грудь, но она чувствовала, что стул в таверне, к которому она была привязана, - старая и шаткая вещь. Когда она резко переместила свой вес вниз и оттолкнулась пятками, правая задняя ножка подломилась и она кувыркнулась назад. Посыпались искры, пламя плесало и шипело вокруг нее, как потревоженное гнездо гадюк. Жар опалил лицо, пламя лизнуло бока ее изорванной одежды, но когда она скатилась вниз по склону костра и ударилась о твердые камни, спинка стула разлетелась на куски, а веревки повисли.

Она слышала рев толпы, смех, протесты. Через мгновение Амаре удалось, шатаясь, подняться на ноги и выпутаться из оков. Ее руки были связаны, но сквозь толпу она видела длинную аллею, ведущую к городским воротам. Она могла бежать, прорваться через них, воспользоваться сумерками и спрятаться в кустарнике за городом. Она могла бы даже направиться к тем холмам на западе - опасность, конечно, страшная, но, несомненно, не более опасно, чем оставаться здесь? По крайней мере, был шанс, что время и расстояние охладят жажду крови этих людей, и они не станут ее преследовать.

Она поморщилась от боли в голове, от пульсирующего синяка на челюсти, от разбитой и кровоточащей губы. Они могли считать, что им повезло, что они не встретили ее, когда она ещё носила молот боевого жреца...

Пламя плевалось и трещало позади нее, пока она кружила вокруг костра, ища разрыв в толпе, щель, через которую можно было бы пробежать. Она увидела старого священника, его белая борода была бледно-желтой в отблесках огня. Он покачивал головой, и натянутая улыбка на его лице выражала жалкое самодовольство, которое Амара ненавидела в тех, кто утверждал, что следует за богами. Он наслаждался этим, она знала.

Попытавшись сбежать, она дала им возможность немного порезвиться, но это было все. Выхода не было.

‘Смелая попытка, богохульница’, - усмехнулся жрец. ‘Но посмотрим, как ты попробуешь повторить этот трюк, когда мы сломаем тебе руки и ноги’.

Раздался смех, звон олова, а затем быстрый шквал нот: скрипач заиграл веселую щипковую мелодию. Священник подал знак, чтобы ее снова схватили, и одноглазый трактирщик Даниэль вышел вперед с деревяшкой в руке и уверенно шлепнул ею по ладони. Его бороду украшала красная ухмылка.

Голос, внезапно раздавшийся на площади, был настолько громким, что люди вздрогнули от него. Он был похож на лавину, на грозовую тучу, разверзшуюся в небе.

‘Я скажу это только один раз, вы, ублюдки’, - ревело оно. ‘Но если вы не уймете этот чертов шум, то устроите свою маленькую вечеринку в подземных мирах, или куда там вы, проклятые, думаете попасть после смерти! Неужели гном не может спокойно проспать с похмелья, без вот этого балагана?’

Толпа потихоньку расступалась. Амара прищурилась в свете пламени и поднимающегося дыма.

Посреди площади стоял самый большой и самый суровый дуардин, которого она когда-либо видела. Он был так же широк, как и высок, его руки и плечи бугрились мускулами, массивная грудь была обнажена под плетеными косами оранжевой бороды. По всей его бритой голове, по обе стороны от вздымающегося ввысь широкого оранжевого ирокеза, вились татуировки цвета индиго. От носа до мочки уха тянулась золотая цепочка, и он щурился на толпу из одного угольно-черного покрасневшего глаза, второго глаза не было, на его месте находилась складка кожи, покрытая шрамами. На левом плече у него висел львиный наплечник из черной стали, а сам он опирался на то, что показалось Амаре похожим на рунный топор Огнеубийц - огромное двулезвийное оружие с жаровней в навершии, в которой тлело неистовое красное пламя. В другой руке он держал галлоновый кувшин с пенящимся элем, и Амаре потребовалось лишь мгновение, чтобы понять, что с кувшином он обращается так же ловко, как и с топором.

Никто не заговорил. От него исходила такая волна угрозы и едва сдерживаемого насилия - не говоря уже о вони пота и несвежего пива, - что ни один человек из толпы не осмелился открыть рот.

В наступившей тишине дуардин отпил из кувшина эля, осушив его одним длинным глотком. Горло его заходило ходуном, и пиво блестящими струйками потекло по бороде. Он издал титаническую, пульсирующую отрыжку, а затем, медленно и сосредоточенно, осмотрел расступившуюся перед ним толпу, пока его пылающий взор не уперся в скрипача. Когда он ухмыльнулся - страшная оскалившаяся злобная гримаса, - Амара услышала, как кто-то в толпе зарыдал от страха. Все сделали полшага назад. Скрипач вздрогнул, прижав инструмент к груди, как щит.

'А ты', - прохрипел дуардин, бросая через плечо пустой кувшин. Он разбился о камни. Он указал на него толстым, как древко копья, пальцем. Двое мужчин по обе стороны от скрипача беспокойно отпрянули от него. 'Если я услышу еще хоть звук из этой чертовой штуки, то засуну ее тебе в задницу так далеко, что тебе придется пощипывать железы, чтобы играть на ней... Сейчас же', - рявкнул он, вытирая рот тыльной стороной ладони. Он окинул взглядом толпу и вскинул топор на плечо. 'Кто-нибудь может сказать мне, что именно вы, ублюдки, собрались делать?'

ГЛАВА 4

Лучшая часть доблести

Первым заговорил старый священник. Лектор выпятил узкую грудь и распрямился во весь рост, держа посох перед собой. Он вцепился рукой в лацкан своего красного одеяния, и его белая борода шевелилась на подбородке.

'Что это значит?' - спросил он. Его голос дрожал от напряжения, но с усилием ему удалось взять его под контроль. Амара знала, что если всю жизнь указывать людям, что им думать, это может сослужить хорошую службу, когда дело дойдет до конфронтации. 'Даниэль', - обратился он к чернобородому мужчине. 'Кто этот... этот дуардин?'

Даниэль, крупный мужчина, несомненно, привыкший добиваться своего, и ростом, по крайней мере, на полторы головы выше дуардина с

ирокезом, выглядел рядом с ним почти комически щуплым. Амара смотрела, как он, шаркая, идет к лектору, все еще сжимая в руках свою деревянную дубинку.

"Появился из Живого города, не прошло и трех дней", - сказал он. Даниэль бросил на дуардина нервный взгляд. 'Утверждал, что был в Хамоне, где только можно, рассказывал о каком-то топоре, который он потерял. С тех пор он только и делает, что осушает запасы "Разбитой фляги", а вчера вечером упал под стол и отсыпался. Я надеялся, что он умер, прости меня, Сигмар, - он не выглядит так, будто у него есть больше двух монет, и мне не хотелось просить его заплатить по счету, если вы понимаете, о чем я...'

'Если ты собираешься говорить обо мне, мальчик', - прорычал дуардин, - 'то делай это мне в лицо". Он закинул топор на спину и повернулся к лектору. 'И ты, священник. У тебя вид человека, который любит командовать. Что такого сделала эта девчуля, что настолько тебя оскорбило, что ты собираешься ее сжечь?

Лектор покачал головой с мрачной улыбкой и провел пальцами по своей седой бороде.

'Я не позволю странникам оспаривать обычаи Ксил'антоса, и не ваше дело, господин, как мы поступаем с богохульниками. Отправляйтесь в путь, дуардин".

"Готрек Гурниссон идет, когда ему вздумается!" - прорычал дуардин. 'Ни на минуту раньше, и чтобы заставить его это сделать, потребуется нечто большее, чем чертово чучело в красном платье!'

Когда дуардин огладил свою бороду, Амара заметила блеск золота на его груди: какая-то руна, вбитая в кожу. Она знала, что украшать плоть священным ур-золотом - обычная практика Огнеубийц, но этот дуардин не был похож ни на одного из тех, которого она когда-либо видела. То, как он говорил, беспокойная энергия, которая потрескивала вокруг него... и то, что он был одет в штаны.

'А что насчет тебя, девчуля?" - сказал он, указывая на нее. 'У тебя все еще есть язык в голове? Богохульство, говорит этот старый козел, - это правда? Что ты сделала, блеванула на его кафедру?' Он многозначительно усмехнулся. 'Поверь мне, мы все это делали.'

Амара с опаской посмотрела на лектора. Позади них трещало и клокотало пламя, заливая площадь своим мрачным красным светом. Вдалеке виднелись десятки собравшихся людей, некоторые из них были вооружены шестами и дубинами, мясницкими ножами и тупыми тесаками, даже длинноствольным оружием с черным порохом, которое, возможно, было изготовлено Вольной Гильдией. На площади собралась, наверное, половина населения Ксил'антоса. Они пришли посмотреть на сожжение, но развлечение, которое они получили сейчас, стало неожиданным бонусом. Она думала открыть им правду о богах и их жестоком безразличии, но, похоже, наткнулась на совсем другую историю.

'Я просто проходила мимо', - сказала она. Толпа затихла, услышав ее слова, гадая, как она будет оправдываться теперь, когда ей дали такую неожиданную отсрочку. Она вытерла сажу со щеки и почувствовала боль в том месте, где угли обожгли ее кожу. 'Я пыталась рассказать им о Сигмаре, но, похоже, они слишком увязли в трясине собственного невежества, чтобы услышать меня'.

Дуардин застонал и вытер лицо мясистой ладонью. 'Не говори, еще один чертов богодел... Борода Грунгни, если чего и не хватает этому месту, так это нытья за богов'.

'Я не тревожу богов', - вызывающе сказала Амара, подняв подбородок. 'Богам нельзя доверять, на них нельзя полагаться, и я бы хотела, чтобы все смертные жили свои жизни с этим знанием, опираясь на собственные силы. Все мы - и люди, и аэльфы, и дуардины. Чем скорее мы обратимся к собственным силам, чтобы решить свои проблемы, тем лучше. Снесите эту статую Сигмара!' - закричала она. 'Превратите этот храм во что-то, чем смогут пользоваться обычные люди. Может быть, в амбар. В зернохранилище'. Она бросила на Даниэля яростный взгляд. 'Или в уборную для посетителей твоей таверны'.

По толпе пронеслось шипение. Она увидела, как люди с возмущением прижимают к груди знак кометы. Лектор задыхался от ярости.

'Дайте слово!' крикнул Даниэль, размахивая булавой. 'Ради Бога-Короля, дайте слово, и я сразу же ее, клянусь!'

Дуардин быстро выхватил булаву из рук Даниэля и ударил ее рукоятью по своему колену. Затем отшвырнул две сломанные части через плечо.

'Ничего подобного, парень', - прорычал он. 'Станный способ провести, должен признать', - сказал он ей. 'Так уж вышло, что я всего лишь проезжал мимо, и если никто в этой дыре не возражает, то мы с девчулей просто поедем дальше вместе'. Он окинул взглядом всех собравшихся вокруг кострища. Никто не мог выдержать его взгляд. 'Мы же не хотим, чтобы кто-нибудь пострадал, правда?'

Дуардин по имени Готрек подошел к Амаре, стоявшей у края костра, пот струился по ее лицу от жара. Он указал ей повернуться и разорвал путы с такой же легкостью, с какой обычный человек порвал бы стебель травы. Амара потерла запястья, когда веревка упала на камни. Она настороженно смотрела на толпу, которая, толкаясь, пробиралась вперед; все взгляды были устремлены на лектора, чтобы увидеть, что он предпримет в ответ на этот вызов. Готрек смотрел на всех, уперев рукоять топора в землю и скрестив на навершии массивные руки.

'Я благодарю тебя, дуардин', - сказала она себе под нос. 'Я в долгу перед тобой, но, боюсь, в данный момент осторожность - лучшая часть доблести. На твоём месте я бы ушла, пока толпа не разбушевалась'. Она посмотрела на них: оскаленные лица, дубины, бормотание и рев, вой оскорблений и угроз. 'Ну... ещё сильнее'.

'Зови меня Готрек', - сказал он. 'И я - не проклятый дуардин. Я - гном, хотя это понятие кажется слишком странным для тупиц в этих Владениях Смертных'. Он быстро взглянул на нее, нахмутив брови. 'И не думай, что я - Огнеубийца! Я знал одного или двух, с которыми стоило бы разделить пинту-другую, не буду отрицать, но в целом они - жалкие подобию гномов'.

Все, что он сказал, не имело никакого смысла, но Амара не стала сомневаться в его словах. Жители Ксил'антоса переговаривались между собой, обменивались тревожными взглядами, проверяя вес своего оружия. Может, она и сложила свой молот вместе с верой несколько месяцев назад, но она провела годы своей жизни, сражаясь во имя Сигмара, и прекрасно знала, когда близится бой.

Они повернулись, чтобы идти, проходя мимо костра, пламя которого вздымалось в небо. Амара приказала толпе расступиться перед ними.

Она знала о жителях Ксил'антоса больше, чем хотела бы, но, несмотря на мрачные взгляды, которые они бросали на них, рычание ярости и ненависти, она надеялась, что они не настолько безрассудны, чтобы бросить им вызов сейчас. Дуардин, стоявший рядом с ней, этот Готрек Гурниссон, был не просто опытным воином. В нем кипел гнев, свернувшаяся ярость, которая только и ждала выхода. Она видела это по его морщинистому, непокорному лицу, по хитрому блеску черного глаза. *Он был похож на глаз дикого кабана*, подумала она. *Темный, запрещающий и не ведающий страха.*

Лектор крикнул, чтобы они остановились. Толпа заревела, и на стенах города Амара увидела, как городская стража заряжает оружие.

'Беги!' крикнула Амара.

'Бежать?' Дуардин разразился хохотом. 'Вряд ли'.

Два грузных молодых солдата внезапно бросились вперед, глаза их расширились, в них было больше бравадной храбрости, чем разума. И алкоголя тоже. Один из них замахнулся на Готрека крюком, а другой выхватил короткий меч. Готрек, не сбавляя шага, врезал первому солдату в лицо кулаком размером с вареный окорок и повалил его на землю. Крюк от удара покатился по камням. Второй попытался ударить мечом, но Готрек поймал кулак юноши в свой и раздавил его руку так легко, словно это было яблоко. Глаза мальчика расширились, и он втянул воздух, который вырвался наружу рваным, высоким криком.

По проспекту от городских ворот приближались новые стражники. Толпа рвалась вперед, все более неистовствуя. Готрек отшвырнул молодого воина в сторону, выхватил двулезвийный топор, и угли в жаровне, словно разумные существа, почуявшие насилие, запылали красным пламенем. Дуардин зарычал от восторга и похлопал по рукояти.

'Идем, Зангром-Тхаз! Давай познакомим тебя с новыми друзьями!'

'Не убивай их!' крикнула Амара. Она увернулась от удара дубины, впечаталась плечом кому-то в живот и толкнула его назад. 'Я не хочу, чтобы из-за него больше проливалась кровь! Из-за Сигмара или любого другого проклятого бога!'

Готрек смотрел на нее с изумлением, его рот приоткрылся. 'Ты сломалась? Забыла, что всего десяток минут назад тебя собирались

сжечь заживо? Потому что я могу сказать тебе прямо сейчас, что *они* - собирались!'

Амара обхватила его за плечи. Это было похоже на то, как если бы она прикоснулась к твердому камню.

'Не знаю, какая судьба привела тебя в Ксил'антос или Гиран', - сказала она, - 'и я благодарна тебе за мою жизнь, но я уверена, что ты пришел сюда не для того, чтобы обмениваться ударами с невежественными крестьянами, которые не знают ничего лучше той лжи, что говорят им священники. Оставь их в собственном безумии, дуардин. Они того не стоят'.

Она подняла голову и увидела, как Даниэль несется к ней по брусчатке, подхватив выроненный солдатский крюк, с выражением абсолютной ярости на лице.

'Ну', - сказала она. 'Не все, во всяком случае'.

Костер зарычал рядом с ней, непокорное пламя затрещало и выгнулось под порывами ветра, когда на город опустился вечерний бриз. На краю тлела ветка, и Амара быстро подхватила ее, взмахнув туда и обратно по огромной дуге. Даниэль вскинул руку перед лицом, когда прыгнул на нее, но отшатнулся назад, когда наткнулся на искры, дав Готреку достаточно времени, чтобы тот погрузил кулак глубоко в живот мужчины. Согнувшись пополами хватая воздух, Даниэль упал на колени, и затем его вырвало на каменные плиты. Амара позволила себе усмехнуться.

С помощью горячей ветки она расчищала им дорогу. Несмотря на то, что это были суровые люди, выстроившие свое поселение в безжалостной и неумолимой земле, убийственного взгляда Готрека было достаточно, чтобы большинство из них отшатывались назад. Когда он перехватывал сверкающее лезвие своего топора, они только и делали, что шарахались в стороны. Тот, кто был настолько пьян или безрассуден, чтобы замахнуться на него, вскоре оказывался на земле с разбитым носом или раздробленной челюстью.

Когда они вышли на другую сторону площади, путь из города был свободен: длинная аллея, по бокам которой росли деревья кислицы,

тянулась к открытым воротам. От догорающего костра поднимались дымки и пепел, падавшие на город, как черные снега Акши.

Синяки на лице Амары пульсировали, а в том месте, куда пришелся первый удар камнем, а в голове появилась острая боль.

'В сторону!' прорычал Готрек. Вереница горожан с вилами и кирпичами расступилась, опустил глаза. Оглянувшись, Амара увидела, что лектор пыхтит у тлеющего костра, стуча ногой и потрясая посохом.

'Остановите их! Остановите их, я говорю! Сигмар, защити нас от их лжи и богохульных бесчинств!'

Амара повернулась и метнула свою горящую ветвь, как копье, смеясь, когда лектор вскрикнул и отпрыгнул в сторону.

'Сигмар, защити тебя от *этого*!' - крикнула она.

Ворота были еще открыты, и они вышли в мягкий вечерний свет. Перед ними расстилались широкие равнины Тирии, богатые и благоухающие, но от этого не менее опасные. Под ногами хрустела избитая земля. Все было окутано бархатным сумраком, бодряще прохладным после жара пламени позади них.

Амара обернулась и увидела, что Готрек настороженно смотрит на нее.

'Что?' - спросила она.

'Ага...' пробормотал он. 'Сломана, верно?. У тебя одеяния одного из молотобойцев Сигмара, и в глазах та же чертова уверенность, но для себя ты представляешь такую же опасность, как и для других, я думаю". Он поправил золотую маску на пряжке своего пояса и зашагал дальше, покачивая головой.

Амара смотрела, как он уходит по дороге в вечер. Он напевал про себя какую-то бессвязную мелодию, бормоча и ворча после каждого такта, топор покоился на его плече, а большой оранжевый ирокез трепетал, когда он качал головой.

'Я сломалась?' - сказала она. 'Посмотри-ка на себя...'

ГЛАВА 5

Шторм

Они шли всю ночь, не останавливаясь на ночлег, по дороге, насколько далеко, насколько можно было видеть. Амара хотела убраться от этого города как можно дальше.

Но Готреку как будто и в голову не приходило остановиться. Миля за милей, неустомимый дуардин топал по тропе, а Амара шла позади, бормоча и ведя какой-то яростный спор сама с собой, которого она не могла понять.

Дуардин, казалось, не проявлял к ней интереса, и уж точно не задавал вопросов о том, что она делает в диких землях. Амара назвала ему свое имя, и он кивнул, словно и не ожидал чего-то большего, но она не могла сказать, дошли ли до него эти слова. В течение долгого времени она была уверена, что он вообще забыл о ее существовании. Бурное возбуждение, испытанное на площади Ксил'антоса, улетучилось, и по мере того, как они шли дальше, на его широкие плечи, казалось, оседала мрачность. Сгорбившись, опустив голову, он ворчал себе под нос или издавал резкие издевательские смешки, ведомый старыми воспоминаниями. В какой-то момент он поднял топор и замахнулся им на ниточку облака, плывущую по небу на севере, как будто она чем-то его обидела. Говорить с ним становилось все труднее и труднее. Одного взгляда на его раскрасневшееся и оскаленное лицо было достаточно, чтобы слова умерли у неё на губах. Странная депрессия, охватившая его, казалась хрупкой и неустойчивой завесой, словно одно неверное слово могло легко пробудить тот вулкан, что кипел под ней. Амара решила, что лучше не выяснять этого.

Что она делала? Она снова вздохнула и зажмурила глаза, чувствуя, как усталость захлестывает ее. Ноги дрожали, во рту появился кислый привкус. Она чувствовала себя слабой, совершенно измотанной. Она была обязана Готреку жизнью, но...

Амара позволила себе циничную улыбку. Она уже почти подумала, что *Сигмар знает, куда и зачем он идет*, но в последний момент остановила себя. Как трудно, даже в экстремальной ситуации, отступить от

привычного. Сигмар знал, конечно, знал. Но будь она проклята, если спросит его об этом.

Спустившись к краю поля колышущегося кустарника, она посмотрела на равнину, усеянную из конца в конец диаспоргумами - огромными круглыми шарами высохшей травы, каждый из которых был размером с дом. Они в изобилии валялись на лугах северного Йска. Корней у них не было, но они скручивали свои мертвые ветви в лохматые шары, и суровые ветры, дующие с Тендрильского моря, уносили их далеко в тирийские степи.

‘Что привело тебя в дикие земли в одиночку?’ - спросил Готрек через плечо. ‘Устала от жизни, да? Тебе повезло, что ты прожила здесь больше дня’.

Амара нагнала его. ‘Я участвовала в Рассветоносном походе’, - сказала она. ‘Мы преследовали цель: основать новое поселение, новый островок цивилизации в пустошах’.

Готрек насмешливо фыркнул. И опустился на траву.

‘Ага, я видел подобное, когда был в Живом Городе’, - сказал он. ‘Все эти колокольчики, свистки и благовония, и всегда во главе с такими же тупицами, которые думают, что войны закончатся к концу бочки. А они, черт возьми, никогда не заканчиваются’.

‘Мы пришли из Даголета,’ - сказала Амара. Ее глаза остекленели, когда она вспомнила те пустые, черные месяцы. ‘Далеко на севере. Пересекли дикие земли на границе Йска, нашли долину, укрытую от тирийских ветров. Все было бы идеально, но... Но ведь дикие земли никогда не бывают пустыми, не так ли? Всегда найдутся те, кто захочет причинить тебе вред’.

‘О, и не говори’, - сказал Готрек. Он нарвал горсть травы и разорвал ее в клочья. ‘Я не прошел и ярда, чтобы не увидеть жестокости, угнетения и... аэльфов, вырывающих души из тел; гоблинов и упырей, кишащих в этих краях, и гномьих королевств, разваливающихся на руины или улетающих в небо на своих металлических кораблях. Я думал, что смогу все исправить, что смогу исправить эти проклятые Владения от одного края до другого, но...’

Он покачал гребенчатой головой, бормоча gjl ujs, и голос его был таким яростным и низким, что Амара едва расслышала, что он говорит.

'Глупая чертова аэльфка, зачем ей это было нужно, а? Ты меня слышишь? Где бы ты ни была? Какой в этом смысл?' Он уставился в небо и внезапно зарычал. 'Ты бросила это всё! И я... Я виноват, черт возьми, во всем!'

'В чем?' спросила Амара, ее сердце бешено колотилось. Его настроение менялось быстрее, чем ветер Вечновесенья. 'Готрек, что...'

Он повернулся к ней, и его лицо было искажено яростью. Из рта летела слюна, а здоровый глаз выпучился. Амара стала шарить в траве в поисках камня, палки, чего-нибудь, чем можно было бы защититься.

'Маленет!' - прокричал он. Гребень его ирокеза вздыбился. 'Да, она была шпионкой, лгуньей и убийцей, но...'

Налетевший ветерок на мгновение отвлек его. Он снова опустился на траву. Единственным звуком был тихий стон ветра сквозь сухие шары диаспоргума впереди.

'Корган сказал мне, что Грунгни сбежал в Азир', - пробормотал он. 'Довольствуется тем, что делает игрушки для этого ласкающего молот подобия бога, Сигмара'. Он взглянул на Амару, которая почувствовала, что ее дыхание снова стало ровным. 'Ты верно мыслишь, девчуля, скажу я тебе. Боги!' - сплюнул он. 'Пустая трата времени. Никогда не приходят, когда нужны, и не оставляют в покое, когда не нужны'.

'Я молилась, как никогда, чтобы Сигмар спас нас', - сказала Амара. 'Когда в долине лежали груды тел, а трава была залита кровью, но он не пришел. Он оставил нас, а мы только и делали, что маршировали во имя его. Что толку в имени, если, когда ты призываешь его, ничего не происходит?'

'Будь они все прокляты!' рявкнул Готрек в небо. Он похлопал по своему топору и разразился раскатистым смехом. 'Я научился этому в Шамоне, если не сказать больше. Верь в это и в свою правую руку, и ты не ошибешься!'

'Куда же ты идешь теперь?' - спросила она. 'Что привело тебя на край Йски?'

'Другой топор,' пробормотал он. 'Это единственное, что осталось у меня, чтобы напомнить о том, откуда я родом'. Он снова взглянул на небо, где в темно-синей дымке слабо виднелись сферы Владений. 'Да, и чего больше никогда не увижу...'

'И этот топор можно найти здесь? спросила Амара. 'На краю Йска? В Тирии? Где именно?'

'Откуда мне, черт возьми, знать?' - огрызнулся он, хмуро глядя на нее. 'Если бы я знал, где он находится, мне бы не пришлось его искать, не так ли?'

Амаре потребовалось время, чтобы понять его логику, которая, надо признать, была достаточно здоровой.

'Я просто подумала, что ты мог бы найти подсказку к нему, вот и все', - сказала она.

'Я слышал о нем в Хамоне', - проворчал он. 'Среди Огнеубийц ходили слухи, что в Нефритовых королевствах есть ложи, где об этом могут рассказать. Они говорили о Мистральских Пиках, горной цепи. Конечно,' - усмехнулся он, - 'никогда не бывает так, чтобы просто идти по чертовой дороге, пока не доберешься до нужного места, не так ли? Сначала нужно пройти через множество песен и танцев – Врата Владений и все такое". Его передернуло. 'У меня ушли месяцы! Пустая трата чертового времени".

'Значит, это топор Огненного убийцы? В Даголете, когда воевали с орруками с Гелидских болот, мы как-то нанимали дуардин из Кавгадской ложи. Суровые бойцы. Они красили свои бороды в зеленый цвет, а в гребни волос вплетали лозы".

Готрек от души расхохотался, откинув голову назад и хлопнув себя по ляжкам. Его голос расколол тишину.

'Вот за это я готов заплатить, чтобы увидеть! Боги небесные и подземные, неужели в этом месте нет ничего разумного? Гномы с цветами в волосах!' Он вытер глаз тыльной стороной ладони. Но это - не топор Огнеубийцы, это я тебе точно говорю, девчуля. Не то что эта игрушка, которую я держу на плече". Он похлопал по рукояти. 'Хотя, по правде говоря, до сих пор он служил мне хорошо.'

'Так что же это?'

‘Это топор Гримнира’, - сказал он. Он ударил лезвием по руне на своей груди. ‘Как и эта чертова штука - руна Гримнира, более или менее. Нет, ничего подобного огнепоклонники сами придумать не могли’.

‘Гримнир?’ Она вспомнила кавгадских воинов, выстроившихся на площади Даголета, руны на их коже светились, как угли. Она взглянула на руну на груди Готрека - тусклая и медноватая, ни малейшего намека на пламя. ‘Но ведь он их бог, не так ли? Значит, это все-таки топор Огнеубийц?’

‘Нет, черт возьми, это совсем не так!’ - рявкнул он, его настроение внезапно испортилось. Он схватил свой топор в обе руки, и на мгновение Амаре показалось, что он собирается замахнуться на нее. Его глаз вспыхнул, а губы скривились в злобном оскале. ‘Он старше. Гораздо, гораздо старше, чем... Почему тебя это так интересует?’ - сказал он. ‘Чертовски раздражает, когда на тебя сыплется столько вопросов, которыми тебя забрасывают. Неудивительно, что они хотели поджечь тебя в Ксил-как там его называли’.

‘Потому что я в долгу перед тобой, Готрек’, - сказала она ему.

‘Долг, да?’ Его настроение смягчилось. Она почти могла бы сказать, что он стал задумчивым, как будто вспоминая что-то из далекого прошлого.

‘Теперь я пойду туда же, куда и ты, пока долг не будет уплачен. Ты спас мне жизнь, а жители Даголета платят свои долги. То, что мы должны одному человеку, становится частью цепи обязательств, и ее нельзя разорвать. Это...’ Она сделала паузу, сглотнула. ‘Я не ожидаю, что ты поймешь, но именно поэтому не могу вернуться в свой город. Я была последней, кто выжил в походе, покинувшем Даголет, и для меня той цепи больше нет. Цепь разорвана. Никому ничего не быть обязанным - хуже смерти...’

Она почувствовала, как ужас пробирается по позвоночнику и обвивает горло. С усилием она смогла подавить его. Она никогда не сможет вернуться в Даголет, никогда больше.

Готрек покачал головой и поднял глаза к небу. ‘Ты, должно быть, шутишь, черт возьми, - проворчал он. ‘Сошла с ума. Совсем сломалась.’

Он поднялся с травы и зашагал в сторону холмов. Не оглядываясь, он сказал через плечо: "Ну, я иду к Мистральским пикам. Ты можешь делать все, что тебе, черт возьми, нравится, жрица, но ни на секунду не думай, что я хоть на мгновение остановлюсь, чтобы дать тебе возможность не отстать".

Амара потянулась и пошла следом. Несмотря на свой рост, Готрек мог двигаться быстро, когда хотел, и она почти бежала, чтобы не отставать от него. Вскоре они прошли через колышущееся поле диаспоргума, расталкивая полые шары, которые, несмотря на свои огромные размеры, были легкими, как связки палок. Амара похлопала по сухой коре и легко отодвинула один из них в сторону, а Готрек просто отталкивал их с пути оголовьем топора. Когда они ступали по траве, из травяных стеблей поднялся рой мотыльков, бешено порхая над ними. По другую сторону диаспоргума тянулась длинная и выветренная трава, спускавшаяся к первым одиноким соснам того, что, по мнению Амары, могло быть Мистральским лесом, находившимся примерно в пяти милях отсюда.

'Если ты ищешь Пики', - сказала она ему, - "то это самый быстрый путь. Насколько я помню, отсюда лес простирается на запад, а горы - по другую его сторону. Неделя пути, может быть, больше".

'Ты бывала здесь раньше?' спросил Готрек.

'Я проходила здесь...' - Амара покачала головой. 'По крайней мере, я думаю, что проходила, несколько месяцев назад. Я помню, что обходила деревья, но... ". Она не могла встретить его взгляд. 'Я тогда была не в своем уме.'

'Ха', - фыркнул Готрек. 'Я потрясен услышанным.'

Она попыталась вспомнить те мгновения, наступившие после крушения похода, - дни горя и ярости, когда все, на что она смотрела, казалось запятанным кровью. Перед ее памятью словно стелился туман. Одурманенная собственными ранами, обезумевшая от пережитого, она будто призрак пересекала дикие пустоши.

Линия леса все еще находилась в миле перед ними. Сосны были огромными, высотой в сотни футов, их раскидистые ветви напоминали изумрудные канделябры. Она слышала, что хвоя, падающая с этих деревьев, была длинной и острой, как лезвия мечей. Люди рисковали

быть проткнутыми насквозь, когда собирали хвою для дров, если не успевали отпрыгнуть в сторону. На краю леса виднелось несколько чахлых деревьев в одиноких перелесках, но они все равно превосходили по размерам те, что она могла бы встретить в Даголете.

'Шторм приближается', - пробормотал Готрек, оглядываясь назад.

Он указал мизинцем на восток. Облака были взъерошены, и черный столб тумана, клубясь, поднимался над холмами по направлению к ним. За ним виднелись более крупные и темные очертания – облака, плывущие с юга, сплюснутые так, что они были похожи почти на чудовищных птиц, крылья которых скользили на усилившемся ветру. Как заметила Амара, они летели против ветра, а не вместе с ним.

Длинный черный столб тумана дрожал и колыхался, а затем превратился в тянущийся к земле усик, который понесся в сторону леса.

'Что это за шум?' - спросил Готрек. Он ткнул пальцем в ухо и осмотрел кончик, после чего вытер его о бороду. 'Похоже, у меня в ухе завелась проклятая блоха.'

Должно быть, у дуардина был отличный слух. Амара, не удивилась бы, если бы у Готрека было несколько блох на теле, но теперь и она слышала сама - ноющий, жужжащий рев, тонкий и высокочастотный, но все более громкий и настойчивый. Ветер с треском проносился над землей и пах кислым тестом и уксусом.

'Ради имени, которое я больше не буду произносить,' она сказала. "Это не буря!"

Это был ковер из насекомых, шириной не менее мили и такой плотный, что закрывал солнце. Должно быть, их были миллиарды, они роились, теснились, кружили вокруг друг друга, скрещивали крылья, издавая неземное визгливое шипение; а за этим кишашим косяком плыли три огромные птицы, каждая размером с усатого кита, всплывшего в пенящихся волнах на краю Роканийского побережья. Широко разинув клювы, они погружались в массу насекомых, наедаясь миллионами за один прием, и их переливчатые перья мерцали зеленым и золотым светом.

'Бежим!' крикнула Амара. 'Бежим к деревьям!'

Готрек закинул топор на спину и пустился бежать, пробивая себе дорогу по дерну, и вскоре нагнал Амару. Она бежала, опустив голову и раскинув руки, а рев роя с каждым мгновением становился все ближе. Она слышала тяжелое биение крыльев птиц, их гортанный клекот, когда они взлетали и снова и снова погружались в поток насекомых. Должно быть, это нефритовые орлы - птицы, о которых Амара слышала только в легендах: существа, парящие над равнинами, строящие свои гнезда из драгоценных минералов высоко на Мистральских Пиках.

'Хватит бездельничать, девчуля!' обернувшись, крикнул ей Готрек. Он остановился, поскользнулся на траве, схватил ее за одежду и утянул за собой. Амара споткнулась - и тут на них налетел рой, вопя в уши так громко, что она на миг решила, что оглохла.

Сила удара сбила ее с ног и повалила на землю. Она не видела ничего, кроме клубящегося черного тумана, kloчущей массы, которая проносилась над ней, ощущая жуков на лице, руках, на любом маломальски открытом участке кожи. Амара каталась по траве и кричала, пыталась подняться на ноги, но ее снова опрокинули на землю. Они кусали и жалили ее, и даже той силы, с которой они летели, было достаточно, чтобы кровь отхлынула от ее лица. Каждый из жуков был не больше ногтя, однако осколки хитина выстреливали, как дротики.

Она увидела, что Готрек стоит, пылая от гнева, и безрезультатно машет топором в облаке, а вся верхняя часть его туловища покрыта ковром насекомых. Они пробирались сквозь бороду, застревали в гребне ирокеза, вспыхивали дымом на жаровне рунного топора.

Инефритовые орлы продолжали пикировать и проноситься сквозь рой, так близко к земле, что скорость их пролета на мгновение отрывала существ от кожи Амары и сотрясала ветви деревьев, которые были так мучительно близки.

Готрек впал в красную и бесцельную ярость. Он выкрикивал боевые кличи на непонятном ей языке, размахивал топором направо и налево, бил себя кулаком в грудь. На его коже проступили жесткие бородавки, но каждый укус и жало, казалось, только разжигали в нем еще большую ярость.

'Готрек!' прошипела Амара. 'Давай двигаться!'

Пошатываясь под тяжестью насекомых, зажав уши руками от их непрекращающегося громового рева, она бежала к лесу по траве, усеянной миллионами ползучих тварей. Нефритовые орлы, словно молнии, пронеслись в небе над ними, паря над травой на огромных размашистых крыльях, и в последний момент взмыли вверх, чтобы пронестись над линией деревьями впереди.

Амара настигла дуардина и схватила его за запястье, пытаясь развернуть, но это было все равно, что пытаться выдернуть за корни одну из сосен.

Готрек, казалось, застыл на траве неподвижно, и когда он с кровожадным ревом повернулся к ней, она была уверена, что он собирается вонзить свой рунный топор ей в череп. Вся его голова была закрыта капюшоном от насекомых; все, что она могла видеть, - это красный тоннель рта, обломанные зубы и сверкающий гневом взгляд его черного глаза.

Она поняла, что он впал в боевое безумие, прервать которое - смерть, и сделала единственное, что пришло ей в голову. Отведя руку назад, за которой тянулась вереница жужжащих, кусающихся насекомых, она изо всех сил ударила Готрека по лицу.

Все остановилось. Даже рой, казалось, ослабил свое нападение, словно испугавшись того, что произойдет дальше. Единственный глаз Готрека вспыхнул, яркий, как алмаз. Руна на его груди замерцала маслянистым светом. Она увидела перед собой чистое убийство, которое невозможно остановить. Затем искра в его глазах потухла, и он сжал челюсти, а по его губам поползли твари. Амара медленно кивнула, не решаясь заговорить.

До линии леса оставалось не более нескольких сотен ярдов. Опустив головы и стараясь как можно лучше укрыть лица, они пробирались по траве к нему. На земле под деревьями валялись сосновые иголки, каждая длиной с ее руку, и Амара бросила настороженный взгляд поверх них, когда они скрылись в тени. Избежать смерти от кишящего множества этих тварей и быть пронзенным изумрудным клинком было бы оскорблением поверх оскорбления.

Нефритовые орлы улетали к северу, огибая холмы и поднимаясь все выше над лесом. Вскоре они были уже не более чем черными точками на фоне неба, кружась и уносясь к далеким горным вершинам и своим драгоценным, похожим на самоцветы гнездам. Рой насекомых, словно ураган, пронесся по лесу и скрылся за деревьями. Некоторые из них

разбежались по ветвям, где повисли, как нити извивающихся и жужжащих лиан, но остальные рванули между величественными стволами с таким звуком, словно миллион листов пергамента разорвали надвое.

Лицо и руки Амары пульсировали от укусов и жал, каждый сантиметр тела опух от твердых красных болячек. Кожа Готрека была такой же яркой, как его борода и ирокез. Он был похож на жабу с Гелидских болот, так сильно он был усыпан шишками. Она видела, что в нем все еще бурлит вулканическая ярость. Его глаз сверкали, как алмаз.

Амара бросилась в подлесок, но сколько бы она не отмахивалась от тварей, их становилось все больше и больше, и они продолжали слетать с ветвей над ними. Амара споткнулась о корень и раскинула руки, чтобы сохранить равновесие. Мгновение спустя острая как бритва сосновая игла вонзилась в заросли перед ней, и лезвие затрепетало, погрузившись на фут в землю. Рискнув взглянуть вверх, она увидела тучи насекомых, которые роились на ветвях, срывая все новые и новые иголки. Каждое из них было похоже на копье, брошенное вниз.

"Беги к деревьям, ты же сказала", - посетовал Готрек, выплевывая тварей. Он отбил топором одну иголку, а от другой увернулся.

Амара указала вглубь подлеска. Там, полускрытая тенью между деревьями, виднелась возвышающаяся стена из округлого камня. Затем, присмотревшись внимательнее, она разглядела темные, перекрывающие друг друга чешуйки, блестящий коричневый блеск чего-то, похожего на сосновую шишку, но высотой не менее сотни ярдов. От нее отходила дорожка, по обеим сторонам стояли два высоких железных бра. В воздухе стоял резкий запах мяты и льняного семени, горьких листьев виридина, растущих у границ Гелидских болот, которыми путники натирали кожу, чтобы уберечься от укусов moskitov.

В огромной сосновой шишке появился прямоугольник света - это был дверной проем, который распахнулся, и две фигуры быстро шагнули наружу. Они были одеты в форму из коры и чешуи, их стальные шлемы скреплялись тонкой маской из переплетенных листьев. Они неистово махали Готреку и Амаре следовать к ним.

"Во имя богини!" - закричал один из них. "Идите внутрь, иначе жуки-боровики разберут вас до костей!"

ГЛАВА 6

Друхиэль

'Богиня Зелени защищает вас, путники, но какое безумие заставило вас пересечь Кадмиевую равнину, когда там кишмя кишели жуки-боровики? Вы могли погибнуть'.

Амара рухнула на землю, как только они прошли через ворота. Это была высокая двустворчатая дверь из латуни или железного дуба, укрепленная накладными пластинами из толстого, похожего на кору материала, напоминавшего чешуйки остриц. Двое стражей, если это были они, захлопнули двери. Испарения, вырывавшиеся из бра за дверью, похоже, отпугивали даже самых страшных насекомых. Запах смолы был густым и пьянящим, и даже его аромат, казалось, немного уменьшал боль Амары от укусов.

Говоривший охранник снял шлем и маску и с подозрением посмотрел на них. Хотя он и был молод, лицо его было жестким и испещренным старыми шрамами, а зеленые глаза смотрели быстро и пронзительно.

Его рука опустилась на рукоять клинка.

'Простите мою осторожность', - сказал он, перебирая пальцами по рукояти. 'Друхиэль из Сосен дает убежище всем, кто спсается с равнин, когда летят жуки-боровики. Мы - гостеприимный город для всех, кто почитает богиню Аларизель, но дуардин-Огнеубийца и жрица -сигмарит - не те гости, которых мы часто видим. Особенно, если они настолько безрассудны, что пересекают открытую местность, когда нефритовые орлы кормятся'. Он рассмеялся, но без злобы. 'Если бы вы задержались там подольше, жуки-боровики съели бы вас заживо!'

'Я, черт возьми, чувствую, что меня заживо съели, или почти заживо', - прорычал Готрек.

Амара поднялась с земли и с опаской посмотрела на хмурое лицо Готрека. Она едва могла разобрать его черты под распухшими следами укусов насекомых и боялась представить, что и сама выглядит еще хуже, чем себя чувствует.

‘Меня зовут Амара Фиделлус’, - сказала она. ‘Это Готрек Гурниссон, хотя я хотела бы предупредить вас, что, несмотря на мои одежды и цвет его волос и бороды, я - не жрица, а он - не Огнеубийца”.

‘История становится все любопытнее’, - сказал молодой страж. Он наклонил голову к Готреку, который в ответ злобно усмехнулся. ‘Я - Инат, капитан стражи Друхиэля. И какое у тебя дело в Мистральском лесу?

‘Мое дело – только мое, парень’, - ответил Готрек. Его голос был низким и опасным, а пальцы барабанили по рукояти топора. Рот Ината скривился в уголках, и он постучал по своему лезвию.

“Просто шли мимо’, - быстро сказала Амара. ‘Направляемся к Мистральским пикам и, похоже, ошиблись с дорогой. Мы в долгу перед вами за то, что вы нас впустили”.

‘Ну вот’, - проворчал Готрек, закатывая глаза. ‘Еще один чертов долг, который нужно вернуть...’

Инат пристально посмотрел на них обоих, его зеленые глаза остановились на топоре Готрека. Через мгновение он убрал руку с рукояти своего клинка и лаконично отсалютовал, приложив кулак к нагруднику.

‘Тогда вы можете идти по своим делам, путники. К сумеркам рой боровиков рассеется, а до тех пор вы в полной безопасности в Друхиэле. Они не смогут проникнуть за наши стены”.

Инат взглянул на крышу, возвышавшуюся над ними, - изогнутый купол, похожий на оборный, состоящий из массивных, переплетенных между собой чешуек. Только сейчас Амара поняла, насколько замкнутым было это поселение. Дорожка из высушенных циновок тянулась от ворот и крытой сторожки рядом с ними. Несколькими ярдами дальше его пересекала дорога, вымощенная деревянными плитами и окаймленная с другой стороны небольшими зданиями из дерева и сухой соломы. Амара разглядела мясную лавку, в окне которой висели добытые в лесу дикие птицы, а также свечника, превращающего столбики сушеного сока в свечи. Здесь были плотники и кожевники, торговцы смолой и оружейники, а между ними сутились жители Друхиэля в своих зеленых и янтарных одеждах. Одни носили головные уборы, украшенные кистями осенних листьев, другие - плащи из изумрудного плюща или жесткие

накидки, сотканные из тех же сухих циновок, что устилали тропинку. Стены города изгибались в сторону от сторожки, до противоположной стороны было не менее трехсот ярдов. Амара видела другие ворота, ведущие в новые залы, другие палаты, вырезанные из полых хвойных шишек. В стены был встроен сифон нексуса, сверкающий древней энергией. Внутри купола, высоко над улицами и переходами центрального зала, пролегали деревянные дорожки и аркады, соединенные узкими пролетами деревянных лестниц. Вдоль улиц стояли высокие фонарные столбы, вырезанные из молодых сосен, на которых, словно головки распутившихся цветов, мерцали шары эфирного огня.

‘Я никогда не видела такого места’, - с удивлением сказала Амара. ‘Оно прекрасно.

‘Так и есть’, - с гордостью сказал Инат. ‘Если вы последуете моему совету, то вам следует как можно скорее отправиться в Янтарный Сок. ‘Это таверна, - подмигнул он Готреку, - которую я могу от души порекомендовать. Прямо отсюда. Скажите, что вас послал Инат, и я уверен, что смоляной эль придется вам по вкусу, мастер дуардин’. Он взглянул на их лица. ‘И пусть они дадут вам что-нибудь от укусов’.

Амара поблагодарила его и повела Готрека прочь, через сторожку на улицу, где их ноги гулко застучали по деревянной мостовой.

‘Чертовски странное место, как по мне’, - сказал Готрек. Разговор об эле улучшил его настроение, но он все еще смотрел на потолок, словно подозревая в чем-то крышу над головой. Пробираясь сквозь толпу, Амара старалась не обращать внимания на пристальные взгляды, которые они притягивали. Было ли это потому, что они были так изуродованы укусами насекомых, или потому, что жители никогда раньше не видели дуардина столь необычного, как Готрек, она не могла сказать.

‘Кто, во имя Грунгни, вообще захочет жить внутри чертовой сосновой шишки?’ - ворчал он. ‘Я никогда не пойму людей. Столько деревьев вокруг, и ваша первая мысль - срубить их и сделать приличную деревянную хижину? А вот смоляной эль...’ Он задумчиво подергал себя за бороду. ‘Пусть не говорят, что я гном, который сторонится незнакомых сортов пива.’

‘Значит, у тебя те же боги, что и у других дуардинов?’ - спросила Амара. ‘Грунгни Создатель? И Гримнир?’

Они прошли по открытому пространству между двумя улицами. По обеим сторонам стояли низкие деревянные домики и магазинчики, крыши которых были покрыты сухой травой и лозами. В центре этой мощеной площади, обнесенной забором из сосновых иголок, которые во множестве падали в окружающем поселение лесу, стоял засохший, неправильной формы ствол дерева, наверное, футов десяти в диаметре. Сам ствол был не выше Готрека, и кора его была маслянисто-черной. По всему стволу виднелись глубокие язвы и струпья, с которых капал дурно пахнущий сок. Несмотря на следы явного разложения, Амара заметила, что через кору прорастают свежие зеленые побеги. Вокруг огороженной площадки собралась толпа верующих, все они были одеты в зеленые одежды, сплетенные из сухих листьев, носили митры и головные повязки из скрученных витков коры и ореховой скорлупы. И все они несли в руках курительные палочки с ароматными благовониями и пели возвышенные песни вокруг ствола.

‘Они не мои боги, девчуля’, - сказал Готрек. ‘Боги...’ Он с отвращением посмотрел на толпу и ткнул большим пальцем в сторону процессии. “Вот куда приводят боги - барахтаться вокруг мертвого дерева, размахивая в воздухе палкой”.

Амара наблюдала за ними, затаив дыхание. ‘Ты не услышишь от меня никаких возражений’, - сказала она. ‘Полагаю, это последователи Алариэлль. Редко можно увидеть людей, поклоняющихся

Вечноживущей, хотя я слышала об этом. Возможно, здесь, в глубине леса, это имеет для них наибольший смысл”.

“Янтарный сок” они нашли на другой стороне площади. Это была высокая узкая таверна с латунными ставнями на окнах, крыльцом из грубой резной сосны и распашными дверями, ведущими в темную, отделанную деревянными панелями залу с низким потолком из полированного болотного красного дерева. В очаге на дальнем конце помещения пылал огонь, а рядом была барная стойка, изогнутая в виде подковы.

Бармен, невысокий, худощавый старик с перьевыми седыми бакенбардами, который, как подумала Амара, мог быть и сам полудуардином, подозрительно посмотрел на них, когда они вошли. Не

говоря ни слова, он протянул руку и выставил на стойку зеленый керамический кувшин.

'Нас послал Инат', - сказала Амара, когда они подошли. Она старалась казаться приветливой, но забыла, как это делается.

'Вы те самые чужаки, о которых я слышал', - сказал он, сузив глаза.

'Слухи быстро распространяются', - прорычал Готрек.

'Судя по вашему виду, вы и не можете быть кем-то другим. Вот'. Он грубо подтолкнул к ним банку. 'Виридинский лосьон,' он сказал. Должно помочь при укусах. Его взгляд остановился на Готреке. 'Дуардин, да? Ну, пока вы нажмете свои лица, как насчет смоляного эля, чтобы утолить жажду?'

'Самое разумное предложение, которое я слышал за весь день', - сказал Готрек. Амаре показалось, что под буграми и припухлостями даже появилась улыбка.

Готрек положил на стойку два обломка хамонитского тикового дерева и потирал руки, пока бармен наполнял бокалы. Амара сняла крышку с банки и понюхала мазь - пепельно-серую пасту, сильно отдававшую мятой и болотной водой. Она взяла немного на палец и осторожно намазала щеку.

Облегчение наступило моментально. Она почувствовала, как шишки уменьшились, а жгучий зуд стал легким дискомфортом.

'Готрек, это необыкновенное средство!' - сказала она. 'Вот'. Она протянула руку, чтобы нанести немного средства на его покрасневший нос, но дуардин вскинул руку, отталкивая ее.

'Отстань!' - прошипел он. 'Это чертовски больно!'

"И ты называешь себя воином?" - сказала она. Она отбила его руку. 'Давай, это для твоего же блага.'

Она набрала еще одну горсть и, к вящему отвращению Готрека, мазала ею его лицо и воспаленные плечи, пока средство не впиталось в кожу.

Через несколько мгновений укусы стали исчезать и опухоли уменьшаться. Он все еще был красным и побитым, как будто его сварили заживо, но Амара считала, что это вполне нормально для него.

Бармен с грохотом опустил пивные бокалы на столешницу, и Готрек отпил, чтобы заглушить ярость. Он зачмокал губами и задумчиво посмотрел в свою кружку.

'Неплохо, - размышлял он. 'Неплохо... Вкус всего вдвое меньше похож на козью мочу, чем я ожидал'.

К удивлению Амары, хмурый бармен даже рассмеялся.

"Это раскрывающийся вкус", - сказал он. 'Варится из смол, добываемых из мистральских сосен. Немного меда от янтарных пчел, россыпь зеленого хмеля - и получается напиток, за который можно умереть. Секретный ингредиент - козья моча, конечно...'

Амара облокотилась на барную стойку и оглядела других посетителей. Двое мужчин в выцветших зеленых туниках с секирами на поясах, прислонившись к столешнице, негромко переговаривались между собой. Пожилая пара, задумчиво потягивая вино из бокалов, сидела за столиком под прочными балками лестницы, ведущей в гостевые комнаты.

'Вы пришли вовремя', - сказал им бармен. Он протирал грязной тряпкой стойку. 'День плодородия наступил. Это происходит каждый месяц. К вечеру здесь будет втрое больше народу'.

Амара кивнула в сторону двери. 'А мертвое дерево на площади?' - спросила она.

'Да. Скажу тебе, это был мрачный день несколько месяцев назад, когда Древо Сосен, казалось, заболело и умерло, но богиня послала нам знак, что Друхиэль снова находится под ее особой защитой". Он наклонился ближе к барной стойке, как бы делись секретом. 'Не прошло и дня после того, как он превратился в почерневший пенек, как он начал расти, причем расти больше и плодотворнее, чем когда-либо прежде. Месяц за месяцем оно разлагается и, кажется, умирает, а потом вырастает еще более прекрасным. Это чудо, которое можно увидеть своими глазами'.

"Я почти сыт чудесами по горло, - мрачно усмехнулся Готрек. 'Здесь не свернуть за угол, чтобы на глаза не попало ещё одно '.

'Не обращай внимания на моего друга', - смеясь, сказала Амара. 'Из-за жуков-боровиков он стал немного ворчливым. Ну... ворчливее обычного'.

'Если не возражаете, то я бы хотел спросить', - сказал бармен, - 'раз уж вы путешествуете в этих краях, вы, случайно, пришли не из Кранзиннпорта?'

'На Роканийском побережье?' спросила Амара. Она с удовольствием потягивала свой эль. 'Нет, мы шли с востока. Через Ксил'антос'.

'И не торопимся возвращаться', - сказал Готрек. Он осушил свой эль и взял следующий, почти выхватив его из рук бармена. 'Кажется, я уже на пути к раскрытию этого вкуса', - пробормотал он.

'Почему ты спросил?' сказала Амара.

'В Друхиэле не так много путников, мы ведь находимся далеко от дороги. Я подумал, что вы, возможно, знаете о том, что там происходит. Мы сами в неведении, и там мрачные дела, насколько мы можем судить.'

'Почему? Что случилось?' спросила Амара. Бармен снова прислонился к стойке, нахмутив брови.

'Трудно сказать, это только слухи и новости из вторых рук. Говорят, что весь город был... Ну, что от города уже мало что осталось'.

'Как это?' - подозрительно спросил Готрек. 'Вся эта чертовщина просто встала и ушла, да?' Он осушил свою кружку и вытер губы тыльной стороной ладони. 'Дай угадаю, все это место ходит на куриных ногах, или построено на спине гигантского броненосца, или еще что-нибудь столь же глупое. Не удивлюсь'.

'Исчез не сам город', - сказал один из молодых людей, сидевших дальше в баре, - 'а люди, которые в нем живут'.

Он выглядел как один из тех, кто работает в лесу: зеленая куртка была испачкана янтарным соком, руки выглядели огрубевшими и привычными к тяжелому труду. Тем не менее, он выглядел нервным, хотя Амара подумала, что это, вероятно, нормальная реакция в присутствии Готрека. Дуардин смотрел на парня с подозрением, словно молодой лесничий готовился оскорбить его, а Готрек - нанести удар первым.

'Я - Амара', - сказала она, надеясь успокоить его. 'Это Готрек. Как тебя зовут?'

'Хриспин', - сказал парень. Он снял свою зеленую шапку. 'Мы с Хенриком работаем в юго-западной части леса, а граница проходит всего в двух

милях от побережья, там, где на обрыве перед заливом стоит Кранзиннпорт. Мы были там пять дней назад, и пусть богиня покарает нас, если мы лжем, но там творятся темные дела, и это - не ошибка!

'Что случилось?' спросила Амара.

'Это оживленное место, Кранзиннпорт', - сказал ей Хриспин. Он глотнул эля и подал знак бармену, чтобы тот наполнил его кружку. 'Там хороший рынок, и говорят, через него проходит прибрежная дорога, путевые стражи патрулируют ее, чтобы обеспечить безопасность, а гавань служит пристанищем для кораблей, приходящих из Аквии и Наяд. Часто мы с Хенриком устраиваем полуденный обед, сидя на ветвях деревьев и наблюдая за кораблями, пересекающими море по ту сторону холмов, и за всеми караванами, уходящими на восток. Но когда мы были там в последний раз, не было ничего, что бы выходило бы в море, и не было кораблей в море, совсем не было!'

'Ну и что?' вмешался Готрек. 'Может быть, у них был праздник, и все взяли выходной. В этих Владениях хватает проклятых фестивалей и праздников, не так ли? Не сомневаюсь, что все они гарцевали вокруг пня или еще чего-нибудь'.

Казалось, на него опустилась угрюмость, и Амара надеялась, что это всего лишь пиво. Настроение у него было более переменчивым, чем погода. Он опустился за столик возле бара со свежей кружкой пива.

'Ни один праздник не может настолько остановить торговлю', - сказал Хриспин. 'Говорю тебе, весь город был пуст'.

Хенрик с готовностью кивнул. 'На дороге не было ни одного каравана, в бухте не было ни одного паруса'. Он с тревогой посмотрел на бармена, который нахмурился еще больше. 'А вот что было в бухте...'

'Ну, давай, парень, - вздохнул Готрек. Просвети меня.

'Остров Увядания', - сказал молодой лесничий. 'Вот что.'

"Богиня защитит нас, - прошептал Хриспин, - 'а Зеленые помогут".

'А что такое остров Увядания? спросила Амара. Она почувствовала, как в животе у нее всё сжалось, и это было не только из-за смолистого эля. Это было старое чувство, которому она давно научилась доверять. Она

называла это интуицией боевого жреца - ощущение чего-то темного и неестественного, медленно приближающегося.

Но я уже не та жрица, какой была, и что было толку от моей интуиции, когда поход вошел в эту долину?

Бармен прошелся тряпкой по и без того безупречной стойке из красного дерева. Создавалось впечатление, что он тщательно подбирает слова.

'Вы оба кажетесь мне людьми с большим опытом путешествий', - медленно произнес он, - 'по крайней мере, с большим опытом в Нефритовых королевствах, и мне бы не хотелось, чтобы вы думали, что мы здесь не более чем доверчивые простаки.'

Готрек фыркнул в свое пиво. Амара проигнорировала его и жестом велела бармену продолжать.

'Может быть, я и не знаю, что такое Остров Увядания, но я скажу вам, что не так. Он неестественный, это уж точно'.

'Как так?' спросила Амара. Она обнаружила, что тянется к кулону на шее, которого там больше нет, - знаку ее прежней должности, знаку кометы.

'Еще несколько месяцев назад его нигде не было, а там, где он сейчас находится, было открытое море!

Амара посмотрела на них обоих. Она была озадачена. "Он просто... появился в один день?"

'Выплыл из морских глубин', - сказал Хриспин. 'Поднялся из глубин, и Алариэль знает, какие странные силы могут таиться там. Деревья в лесу на юге начали болеть и умирать, потом исчезли все жители Кранзиннпорта, и...'

'Ну-ну, Хриспин, - резонно заметил бармен. 'Не стоит себя накручивать. У нас тут Древо Сосен, не так ли? Богиня позаботится о нашей безопасности. Ничто не сможет тронуть Друхиэль, если мы будем верить в нее'.

'Верить?' спросила Амара. В животе у нее все свернулось в такой тугий узел, что она едва могла глотнуть. Она почувствовала, как в ней разгорается рвение, отвращение, гнев на капризы этих богов, которые дразнят своих поклонников перспективой избавления, в то время как

мучения, которые они причиняют, для них не более чем божественная игра. 'Я советую вам не настолько верить в богов, друзья мои.

'Всплыл из воды, да?'

Руки Амары лежали на столешницу бара, и когда Готрек заговорил, в его голосе звучала такая ярость, что она почувствовала вибрацию дерева. Хриспин и Хенрик отступили на шаг, их руки потянулись к секирам на поясах. У бармена задрожали губы. Медленно, мрачный как туча, Готрек встал из-за стола с топором в руке.

'Нам здесь не нужны неприятности!' - сказал бармен. 'Если мы вас чем-то обидели, мастер дуардин, то...'

'Острова из глубин', - прошипел Готрек, едва сдерживая ярость. 'Люди исчезают с берегов. Целые города исчезают в морской пене и тумане...'

'Готрек, что это?' спросила Амара. У нее не было оружия, но она не позволила бы ему убить этих людей, ибо в тот момент казалось, что дуардин не успокоится, пока не изольет свой гнев на этих невинных и не порубит их на куски в безумии своей ярости. Ради имени, которое она не хотела больше произносить, кем же был этот дуардин? – 'Расскажи мне, что ты знаешь об этом?'

'Глубокорожденные!' - прорычал он. Взмахнув топором, он обрушил его вниз, и, когда крики страха в таверне стихли, Амара увидела, что стол, за которым сидел Готрек, теперь превратился в щепки. Он ткнул пальцем в Амару, лицо его покраснело и исказилось от ярости, а мышцы вздулись, словно перед ним трепетал враг. 'Я поклялся, что когда они в следующий раз перейдут мне дорогу, я отомщу им! Я поклялся ее именем, и огнем Гримнира я увижу их всех мертвыми за то, что они сделали!'

'Чьим именем?' требовательно спросила Амара. 'Готрек, скажи мне. Что произошло?'

'Маленет,' прорычал он. 'Аэльфка, будь прокляты ее глаза!'

Он глубоко вздохнул, подавляя свой гнев, пока тот не утих, словно тлеющие угли; умеренный, но от этого не менее смертоносный.

'И если ты посмеешь встать у меня на пути, девчуля', - сказал он, - 'я позабочусь о том, чтобы тебя постигла та же участь'.

ГЛАВА 7

Касание зла

Готрек выскочил из таверны, к вящему облегчению остальных посетителей. Распахнув двери одним ударом своего массивного кулака, он вышел на площадь, где вокруг огороженного ствола мертвого дерева все еще пели свои гимны и читали молитвы верующие.

Последовав за ним, Амара убедилась, что слова бармена были правдой - даже за то короткое время, что они пробыли в «Янтарном соке», дерево начало расти. То ли под влиянием преданий верующих, то ли благодаря какому-то внутреннему источнику жизненной силы, пень уплотнился и вытянулся, поднявшись еще на десять футов, не меньше. Темный маслянистый сок больше не сочился из растрескавшейся коры. Зеленые побеги разрослись в раскидистые ветви, покрытые темными листьями. Ветки плюща обвились вокруг ствола, почти пульсируя внутренней жизнью, по мере того как в них бурлил сок. В коре появились трещины, в которых блестела и переливалась жидкость, а из проросших на ветвях багровых шишек осыпалась завесой мелкая пыльца.

Поклоняющиеся возносили молитвы, а некоторые из них плакали от благочестивой благодарности, на которую Амара уже не могла смотреть без презрительной усмешки. Пусть благодарят Аларизель за то, что она, по их мнению, сделала для них. Амара знала лучше. Вечная королева была глуха к их мольбам. Как и все боги, она была эгоистична и капризна, как ребенок.

Она увидела дуардина, который шел через площадь от таверны с топором на плече.

‘Готрек, подожди!’ - крикнула она. ‘Куда ты идешь?’

‘Куда, по-твоему?’ - крикнул он ей в ответ. ‘На этот Остров Увядания, или как там это проклятое место называется! Коварные головы аэльфов должны быть отделены от коварных плеч аэльфов до конца дня’.

Амара бросилась за ним. Она уперлась ладонью в его массивную грудь и попыталась остановить его, но он с легкостью отбросил ее в сторону. Легче было бы остановить прилив с берега.

'Ты хоть знаешь, как туда добраться?' - спросила она, бегом следуя за ним. 'Подумай, Готрек. Чтобы добраться до острова, нужен корабль, если только ты не собираешься плыть'.

'Поплыву, или просто подожду, пока эти скользкие ублюдки придут и заберут меня'. Он убийственно оскалился и провел большим пальцем по лезвию своего топора. 'Да, несмотря на весь их туман, летающих акул и прочее, их ждет чертовски неприятный сюрприз, не так ли?'

'Кого? Готрек, я не понимаю, но хочу помочь...'

'Черт бы побрал твою помощь', - проворчал Готрек. Он стряхнул руку, которую она положила ему на плечо. 'Я никогда не просил о ней, и она мне не нужна'.

'Принял бы ты помощь Маленет, если бы она была здесь, чтобы предложить?'

Она снова встала перед ним, и на этот раз он остановился. В черном кабаньем глазу на мгновение мелькнул намек на сожаление. Глубокое уныние, которое, казалось, всегда было на волоске от него, соперничая с яростью, бурлившей под поверхностью его кожи, слегка отразилось на его лице.

Он был стар, поняла Амара. Гораздо старше, чем она предполагала. Дуардины были долгожителями, но в лице Готрека было что-то древнее, отчего она на мгновение почувствовала себя перед ним ребенком. Что он видел за свою долгую и бурную жизнь? Что он потерял за это время?

'Маленет,' сказал он тихо. Он повесил голову и зарычал в бороду. 'Эта чертова аэльфка умерла за меня. Спасла меня от Глубокорожденных и их магии, от той твари, что ради своих целей высосала бы из меня всю душу. Да', - тихо усмехнулся он, - 'она ненавидела меня, как и я ее, но я все равно в долгу перед ней. Я не могу оставить этот долг неоплаченным'.

'Я в долгу перед тобой, Готрек Гурниссон', - сурово сказала Амара. 'И я бы не хотела, чтобы ты отмахивался от моего долга, пока он не будет уплачен. Дай мне хотя бы это. Я знаю Роканийское побережье, я знаю, где находится Кранзинпорт. Я могу провести тебя туда. Позволь мне помочь'.

Она подняла глаза к чешуйчатому куполу, возвышавшемуся над ними, на узкие щели, служившие окнами, которые пропускали слабый свет, падавший сквозь деревья наружного леса.

'Скоро наступят сумерки', - сказала она. 'Инат сказал, что к этому времени жуки-боровики уйдут, и можно будет снова отправляться в путь. Надо собрать припасы, подготовиться к отъезду, а не просто броситься в атаку, не понимая, что делаем'.

'Ага', - неохотно признал Готрек. 'Но иногда бросаться в атаку до того, как мы поймем, что делаем, - это уже половина веселья'.

Они остановились перед рядом узких витрин - маленьких деревянных лавок, торговавших в Друхиэле по обе стороны площади. Перед каждой лавкой лежала доска, на которой был разложен ассортимент товаров - от сумок и поясов, сплетенных из берестяных веревок, до орехов и ягод, собранных в лесу, которые превосходили все виденное Амарой ранее. Гиран был Владением несметных щедрот, и Мистральский лес явно служил его жителям. Амара быстро прошла между лавками, выбрав флягу для воды, ранец из жесткого, кожистого волокна листьев, полоски сушеных фруктов и вяленого мяса.

'Надеюсь, у тебя есть средства, чтобы заплатить за это', - сказала она, - 'потому что у меня нет ни капли Аква Гираниса'. Она бросила взгляд через площадь на "Янтарный сок", где бармен хмуро сметал щепки своего стола. 'И я полагаю, мы должны предложить что-нибудь за мебель этого бедняги...'

Готрек достал с пояса золотую рукоять старого кинжала, пару потускневших драгоценностей, несколько серебряных монет, которые можно было легко переплавить. Он протянул их лавочникам и бармену. Казалось, он больше расстроился из-за этого, чем из-за того, что Амара не дала ему уйти.

"Если бы я знал, что твоя помощь обойдется мне в хорошие деньги", - ворчал он, - 'я бы никогда не согласился на нее!'

'Копишь на старость, что ли?' - подшутила Амара, собирая свои вещи. 'Я с тобой рассчитаюсь, не волнуйся'.

'Как?' - усмехнулся дуардин. 'Поправь меня, если ошибаюсь, но, полагаю, что твоя община больше не передает пожертвований'.

Амара сердито посмотрела на него. 'Учитывая, что они все мертвы, нет, я бы на это не рассчитывала. '

Готрек покачал головой с неодобрением. 'И я вижу, ты не потрудились вооружиться. Я не потяну приличную кованую стали, девчуля'

'Я не собираюсь никого убивать', - строго сказала она ему. 'Я должна прояснить свою позицию. Я помогу тебе, насколько смогу, и буду защищаться, когда придется, но я не стану отнимать жизнь, если смогу этого избежать. Я же тебе говорила. '

'Задница Гримнира', - вздохнул Готрек. 'Я вижу, ты действительно собираешься исполнить своё обещание, да? Жрица, ненавидящая богов, и воин, не желающая сражаться, - не знаю, что и хуже".

"Боги уже выпили из меня всю кровь, которую собирались получить', - пробормотала Амара. 'Пусть они подавятся ею, но пока я не пролила еще и капли".

Они перешли через площадь от рынка, огибая дерево, которое дрожало и вытягивалось, а верующие продолжали свои песнопения. В лавке торговца Амара взяла кремь и огниво, нож для разделки, несколько бинтов и лекарств, а также баночку с мазью, которую бармен использовал против укусов жуков-боровиков.

'Боги земные и небесные", - ворчал Готрек, перебирая в кулаке странную коллекцию монет и флаконов. Он пожевал свою бороду. 'Ты практически обчистила меня! Ты тратишь, как пьянчуга на гулянке".

'А ты трасешься над монетами, как старуха', - огрызнулась Амара.

'Даголет такой богатый город, что ты можешь швыряться деньгами, не задумываясь, откуда они берутся?

'Как и во многих других местах, в Даголете нет валюты', - призналась она. 'Все, что мы покупаем и продаем, мы обмениваем, и каждый обмен - это еще одно звено в цепи обязательств. Нужно немного привыкнуть к тому, какую ценность, по мнению людей, имеют эти маленькие осколки и угольки". Она взяла в руки серебряную монету, изрядно потрепанную в результате ее перемещения по странам, где она когда-то находилась. "Как это может стоить хорошего кожаного ремня или горячей еды?" - сказала она, держа ее в руках.

'Сразу видно, что ты чертова жрица', - разбушевался Готрек. 'За всю жизнь тебе ни разу не приходилось лезть в карман, готов поспорить!'

Амара попыталась увести его от темы, видя, как разволновался дуардин. 'Расскажи мне об этих... Как они называются?' - спросила она. 'О существах, которые, как ты думаешь, обитают на Острове Увядания.'

'Я не думаю, я *знаю*', - сказал он. 'И они не на Острове Увядания, а под ним, под волнами. *Глубокорожденные*, так они себя называют. Дурацкое чертово название, но что можно ожидать от аэльфов? Они скрываются на дне океана, проклятые трусы. Поднимаются на поверхность в облаках тумана и дыма, верхом на своих летающих акулах, рыбах и прочем".

'Летающие акулы', - сказала Амара. Она присмотрелась к нему повнимательнее. Интересно, сколько именно он *выпил* в "Янтарном Соке"? 'На которых они ездят. Понятно...'

"Я видел это своими глазами!" крикнул Готрек. 'Не спрашивай меня, как это работает. Магия, несомненно, это всегда чертова магия. Они крадут души у порядочных людей, живущих на побережье, оставляя их лишь пустой скорлупой. А потом, наевшись досыта, отправляются обратно на дно морское. И самое страшное, что никто из вас, ублюдков, не может их потом вспомнить".

Амара не знала, что и думать. Аэльфы в море, летающие акулы, волшебные берега тумана и дымки... Все это походило на пьяную фантазию. Готрек казался совершенно уверенным, но она полагала, что это нормально, когда у него в голове засела какая-то идея. И все же она не сомневалась в его искренности: он стоял перед ней, и пальцы его судорожно тянулись к топору. Лицо у него было как наковальня, характер - переменчивее приливов и отливов, но он говорил то, что считал правдой, в этом она не сомневалась. Горе Готрека, конечно, не было иллюзией; она знала, как выглядит горе, и не могла ошибиться, какую боль причинила ему потеря этой Маленет.

'Если эти Глубокорожденные забирают души, а тела оставляют', - сказала она, и эта мысль только что пришла ей в голову, - 'то почему Кранзинпорт обезлюдел? Те парни в таверне сказали, что город пуст. Разве народ не остался там? Только... без душ?'

'Откуда мне знать?' сказал Готрек, уходя. 'Они же аэльфы, не так ли? Постоянно меняют правила, и им нельзя даже доверять то, что творимое ими зло будет разумным'.

Амара поспешила за ним. 'И они говорили, что на том конце леса все деревья больные, что в лесу какая-то зараза. Это тоже как-то связано с ними, с этими Глубокорожденными?'

'Я бы не удивился', - проворчал Готрек. Он бросил взгляд на сетчатые окна, расположенные высоко на стенах Друхиэля. Солнце уже садилось. Свет стал бледно-желтым, и сумерки надвигались. 'Эти мелкие насекомые уже должны улететь. Собери свои вещи, девчуля, и мы отправимся в путь. Доберемся до Кранзиннпорта, перебьем всех зверей и бандитов по пути, а потом посмотрим, что скажут о себе эти водяные гады, когда прибудем на место'.

Эта мысль, казалось, приободряла его, когда он продирался сквозь толпу. На его лице появилось выражение предвкушения от перспективы вступить в бой, и хотя Амара знала, что им предстоит тяжелый марш, полный опасностей, она подозревала, что ликование будет сопровождать Готрека на каждом шагу.

Они прошли обратно через площадь, Амара укладывала припасы в рюкзак, купленный на деньги Готрека. Толпа собралась, чтобы понаблюдать за деревом, которое теперь выгибалось и дрожало за своей оградой. Одни в восторге поднимали руки, другие закрывали лица, как бы не желая больше смотреть на него. Пульс бился в лианах, и богомольцы стонали и сжимали руки ему в такт. Листья трепетали, ветви дрожали.

Это было необычно, за то время, пока Амара и Готрек проходили по рынку, оно выросло, по крайней мере, еще на два-три фута. Кора блестела и переливалась, теперь она была бледно-серой, а не черной, как раньше. Пыльца с распускающихся на ветвях цветов падала ровным сладковатым дождем. В воздухе витал насыщенный запах благовоний прихожан, ароматный, как лесное благоухание в осенний вечер. Зеленые клубы дыма от кадил поднимались к высокому куполообразному потолку города, и этот запах вернул Амару в те храмы, которые она знала в бытность свою жрицей. Витражи, потертое дерево алтаря, тяжелый пюпитр с переплетенной в кожу копией *Знамений*...

Она потрянула головой. Эти дни уже прошли. Она отдала их, чтобы нести правосудие Бога-Короля под ударами своего боевого молота, и отдала, чтобы отвратить людей от пустой веры, пока та не затянула их слишком глубоко. Протискиваясь сквозь толпу, она смотрела на поклоняющихся, видя в их экстазе и благодати отблеск того, что она когда-то знала и никогда больше не познает.

И тут, прямо за запахом благовоний, Амара почувала в задней части горла и задыхаясь, обернулась, словно вонь была чем-то, что она могла увидеть, прежде чем она улетучилась. Это был запах гнили, и даже больше, чем гнили, - пьянящая, леденящая кровь вонь разложения, но лишь слабый ее оттенок. Она приостановилась, оглядывая поклоняющихся. Никто из них, казалось, ничего не заметил, но тут она увидела, как одна молодая женщина, в волосы которой были вплетены лианы плюща, наморщила лоб. Женщина закашлялась, резко выдохнула и провела рукой по носу. По толпе прокатилось отвращение. Один хрупкий старик, опиравшийся на шишковатую трость, вздрогнул и упал на землю. Он закашлялся, а затем его вырвало струей черной жидкости. Другой верующий, натягивая на лицо одежду, попятился, задыхаясь от зловония, которое теперь разнеслось по площади.

'Что это за вонь, во имя Грунгни?' сказал Готрек. 'Воняет, как в отхожем месте.' Он глубоко вдохнул, на его лице появилось насмешливое выражение. Амара удивилась, что его не тошнит от этого запаха. 'Или как набедренная повязка тролля'.

'Готрек!' воскликнула Амара, подавив кашель. 'Посмотри!'

Дерево в центре площади, так быстро выросшее из трухлявого пня, теперь было высоким, темным и разросшимся. Кора стала похожа на кожуру гнилого фрукта, крапчатая и рябая, а с ветвей начала течь сиропообразная желтая жидкость. На стволе расцвели струпья в виде толстых темных корочек и открылись язвы с сернистой вонью. Амара видела людей в Целительных храмах Даголета, когда среди населения распространялись эпидемии водянки и чумы, и это дерево напомнило ей о них. Оно выглядело больным. Лианы, опоясывающие его, - плющ толщиной с руку Готрека - начали дрожать. Пока она наблюдала, лианы начали ослабевать и отделяться от ствола, извиваясь и пробираясь сквозь прутья ограды.

Прихожане с отвращением отпрянули назад, некоторые подняли руки в мольбе, призывая Алариэль защитить их. Другие пошатывались, хватаясь за горло и задыхаясь.

'Это знак богини!' - кричал один мужчина. Его седые волосы были всклокочены, глаза были дикими и невидящими, он царапал ногтями лицо. 'Мы должны отвернуться от цивилизации, чтобы не гнить и не разлагаться, как это древо!'

Он схватился за ворот одеяния Амары. Его лицо было испещрено багровыми венами, глаза забиты гноем. Амара, охнув, отпихнула его, и он, плача и размахивая руками, побрел прочь.

"Что это такое? сказала Амара. 'Готрек, что происходит?'

'Будь я проклят, если знаю', - пробормотал Готрек. Он поднял топор и настороженно присел.

Лианы, отходящие от ствола, теперь напоминали щупальца, полые трубки, тянущиеся вверх из земли. В центре ствола раскрылась огромная трещина, и она непрерывно дрожала. По краям разрыва торчали кусочки белой коры, похожие на зубы, но потом Амара поняла, что это и есть зубы: расщелина превратилась в огромную разинутую пасть, чавкающую, скрежежевщую и кишущую личинками. Пока Амара с ужасом смотрела на это, из пасти вырвалась такая вонь, от которой она отвернулась и её вырвало на землю.

На дереве медленно прорастали рога, похожие на слоновьи бивни. Из ветвей торчали наросты окаменевшей коры. На стволе распустились три огромных пузыря со сгустками желтых клеток, каждый из которых дрожал, истекая струйкой прогорклого гноя. Личинки извивались на стволе, падая на накладывающиеся друг на друга чешуйки сосновых шишек, которыми была вымощена площадь. По поверхности дерева расползлись белые пятна, испускающие бледные облака ядовитого газа.

Люди кричали. Одни бросались на колени и рыдали, другие бежали в укрытие. Рыночные лавки захлопнули свои ставни, и через несколько мгновений весь Друхиэль был охвачен паникой. Люди разбегались с площади, пытаясь спастись, а дерево стонало и дрожало, издавая сильный рев. Его щупальца колыхались в воздухе, словно отростки какого-то отвратительного глубоководного полипа.

Большинство верующих, которые возглавляли процессию, стояли перед изменившимся деревом на коленях, молитвенно сложив руки и подняв кадила, словно благоухающие благовония могли хоть как-то замаскировать готескный запах тлена и болезней, исходивший от дерева, - отвратительный запах гниющих зубов, разлагающихся трупов и экскрементов. Лианы змеились и трепетали, продираясь сквозь прутья ограды и обмазывая их грязью. Из сочащихся язв на коре вылетали мухи и садились на лица верующих, забираясь в глаза, уши, и рты, пока они кричали. Через несколько мгновений их кожа была испещрена такими же багровыми венами, а из носа текли густые струйки гноя. Задышавшись и захлебываясь, с вырывающимися из плоти пузырями и раковинами, жрецы и прихожане, шатаясь, поднялись на ноги и разбрелись по площади.

Амара попятилась. Когти плачущих хватали ее. Руки прихожан срослись в странные щупальца, испещренные язвами. На их коже открылись гнилостные нарывы, похожие на рваные, кричащие рты. Мужчина, когда-то бывший жрецом, застонал и зарычал на нее: из его черепа выпирали два желтых маслянистых комка, а руки были подняты вверх, словно желая принять ее в свои отвратительные объятия. Амара отпрянула от него, и в этот момент на площадь выскочил Готрек с поднятым над головой топором и леденящим кровь криком.

Лезвие разрубило голову жреца надвое, глубоко вонзившись в грудь. Готрек освободил топор, и тело рухнуло на землю, обливаясь кровью. Рыча и смеясь одновременно, он с ревом бросился на остальных больных прихожан.

'Готрек!' крикнула Амара. 'Осторожно!'

Лезвие топора свистело и мелькало, разбрасывая тела направо и налево. Она знала, что они ни в чем не виноваты. Они были обычными людьми, превращенными в чудовищ этой хищной инфекцией, и хотя каждая ее частичка вздрагивала от желания увидеть их разрубленными на куски во время нападения Готрека, сейчас она твердо знала, что смерть будет для них милостью. Щупальце метнулось к голове Готрека, но он отбросил его в сторону, и оно брызнуло желчно-зеленой жидкостью. Один шаркающий священник зашевелился на камнях, как краб, и застонал: лицо его утопало в куче распухшей, нагноившейся плоти, глаза выпучились. Из его разинутой пасти капала слизь - и тут Готрек всадил

топор ему в лицо, разнеся его в стороны с ужасным влажным хрустом костей.

Какая бы страшная болезнь ни охватила жрецов и верующих, она вскоре распространилась по площади. Амара видела, как продавцы с рыночных лотков падали на деревянные тротуары, их рвало кровью. Городской страж, грузный ветеран со щетинистыми усами, вскрикнул и застонал: его шея раздулась, как воздушный шар, а глаза едва не выскочили из головы, слившись в один тошнотворный, налитый кровью шар. Хриспин и Хенрик выскочили из дверей "Янтарного сока", застыв от ужаса. Они смотрели на бьющиеся ветви больного дерева и заламывали руки в молитве.

"Это похоже на южные части леса!" - крикнул Хенрик Амаре. "Вера и богиня защитят нас, если это пришло в Друхиэль!"

Нервы двух юных лесничих сдали; они в последний раз взглянули на площадь и побежали.

Повсюду зараженные нападали на тех, кого болезнь еще не коснулась. Даже малейшего прикосновения к гноящейся конечности было достаточно, чтобы распространить болезнь, и как бы Готрек не уничтожал их, все больше несчастных жителей Друхиэля умирало.

"Не позволяй им прикасаться к тебе", - проревел он. "Держись подальше от чертовых дорожек, если не хочешь сражаться с ними!"

Он мчался по площади, размахивая топором, словно расчищая путь в заросших джунглях. Кровь лилась на камни. Конечности разлетались, но даже над безумным ревом Готрека слышались стоны и странный, хихикающий смех зараженных. Инат и пятеро его охранников выскочили из ворот с мечами наготове. Стражники с отвращением смотрели на происходящее и, отступаясь, отходили назад: перед ними было древо, а зараженные жители Друхиэля, пошатываясь, выходили на улицы.

Шатающаяся туша мужчины, шаркая, направилась к Инату, хихикая и истекая гноем, его туника была изодрана в клочья из-за вздувшихся на груди пузырей. Молодого капитана вырвало, а затем он парировал хлесткий взмах щупальца, прежде чем сделать выпад, чтобы проткнуть горло деформированного существа. Он с отвращением отшвырнул разлагающийся труп в сторону.

'Это твоих рук дело?' - рявкнул он на Амару. 'Ты принесла чуму в мой город?'

Он поднял свой клинок, но Амара вытянула пустые руки.

'Мы не имеем к этому никакого отношения', - сказала она. 'Спроси у своих жрецов, может быть, твоя богиня ополчилась на тебя'. Она указала на изуродованное дерево: огромная пасть в его стволе клочкотала и щелкала, извергая очередную порцию личинок.

Амара посмотрела ему прямо в глаза. Инат бросил на нее мрачный взгляд, но не ударил.

'Чума? Ха!' хохотал Готрек, пробегая пр краю площади. 'Тебе шлем не жмет, парень? Это не природная болезнь'.

Лезвие его топора было вымазано в грязи, лицо залито кровью. Он выглядел совершенно невменяемым, тусклое золото руны на его груди мерцало внутренним огнем. Амара видела за ним дорожку из трупов. Он едва заметно запыхался.

'Видел такое раньше, - сказал он. Та же грязь, та же вонь разложения. Такие же люди, шатающиеся, как безнадежно больные'.

'Что это?' спросила Амара. 'Если это не чума, то...'

'Дед', - сплюнул Готрек. 'Нургл и все его приспешники. Я уже сталкивался с его последователями, и в этом чертовом Владении тоже. Похоже, одно без другого не бывает'. Он с хищной усмешкой покрутил в руках свой топор. 'Тем не менее, они достаточно легко падают под острием моего топора, даже если немного лопаются'.

Инат побледнел, его лицо стало белым.

'Пятно Нейглена здесь, в Друхиэле? Богиня, защити нас всех!'

'Ты должен защищать себя сам, парень', - сказал Готрек. 'А теперь займись этим!'

Инат вздрогнул, выйдя из оцепенения. Он защелкнул сетчатую лицевую пластину на передней части шлема. 'Маски!' - крикнул он своим стражам. 'Ради Зеленых и города, со мной! Сдерживайте их! Мы должны спасти священное дерево, если сможем!'

'Удачи тебе', - пробормотал Готрек.

‘Мы должны помочь этим людям’, - сказала Амара, когда городские стражи бросились вперед. Она увидела, как они выхватывают клинки и прорубают себе путь сквозь толпу зараженных. ‘Они невиновны, они всего лишь пешки в темной игре другого бога’.

‘Слишком поздно для них, девчуля’, - сказал Готрек. ‘Я уже видел все это раньше. Я сражался с этими тварями в Гиране, в Старом мире, в самом чертовом Владении Хаоса, и поверь мне, когда крючья Деда в твоей крови, потребуется чудо, чтобы вылечить тебя’.

Она смотрела на ползущую, шаркающую орду, на то, как стражники Ината прорубаются сквозь них, и как с другой стороны площади в бой вступают новые стражники. Поверхность площади представляла собой трясины из гниющих кишок, крови, гноя и всякой грязи, извергаемой пораженными.

‘Я больше не верю в чудеса’.

‘Тогда во что же ты веришь?’ прорычал на нее Готрек. ‘Будь прокляты боги, жрица, но ты не можешь жить, не имея в сердце ничего, кроме отчаяния!’

Мощь его ярости обрушилась на нее, но когда она встретила его пристальный взгляд, то увидела в нем что-то похожее на сожаление.

‘Послушай того, кто знает’, - с горечью сказал он. ‘Верь в себя, если больше ничего не осталось. Не живи так, будто единственное, чего ты хочешь, - это умереть’.

Он поднял топор, и мрачная решимость опустилась на его лицо, как портовый замок. Каким бы ни был тот краткий, незащищенный миг, теперь его не было. Сайт

Потрепанный старый дуардин исчез, и на его месте был только Истребитель.

Теперь, - сказал Готрек, сдерживая ярость. Давай, черт возьми, покончим с этим’.

Он поднял свой топор, и мрачная гримаса легла на его лицо, как опустившаяся решетка замковых ворот. Каким бы ни был тот краткий, искренний миг, теперь он прошел. Потрепанный жизнью старый дуардин исчез, и на его месте не было никого, кроме Истребителя.

‘Сейчас’, - проревел Готрек, больше не сдерживая ярость. – ‘Давай, черт возьми, покончим с этим.’

Он побежал через площадь и перемахнул через забор, ограждавший дерево. Толстые прутья из сосновых иголок не выдерживали натиска щупалец и выпирающих из-под земли разбухших корней. Дерево, словно почувствовав приближение опасности, издало из глубины своей утробы низкий стонущий гул. Готрек хлюпал сапогами по ковру из личинок, и увернулся от хлестнувшего его в голову щупальца, а потом отсек кончик другого, Подобравшись ближе, Готрек подпрыгнул и вонзил лезвие топора глубоко в ствол.

Зияющая зубами пасть древа закричала. Из пореза потекла струйка желтой слизи, и тогда Готрек вырвал свой топор и с дуардинскими проклятиями стал наносить удары снова и снова. В лицо ему полетели ошметки гнилой коры. Он отбивался от веток, которые пытались оттолкнуть его в сторону. Дерево в ширину было, наверное, футов десять, но за несколько мгновений Готрек проделал в его боку такую кровавую траншею, что оно начало раскачиваться и медленно опрокидываться, заваливаясь набок, а из порубленной части пузырился гнилой сок. Пульсирующая зараженная древесина закричала, и ствол закрутился, падая. Готрек увернулся от ветки, пролетевшей в дюйме от его головы, и отпрыгнул в сторону, когда дерево наконец рухнуло на землю. Корни вырвались из земли, белыми и бескровными тварями трепеща в воздухе, как черви. Из ямы в земле поднялось нечестивое зловоние, клубящиеся миазмы, вонявшие горелыми потрохами и застывшим гноем. Из странной трещины, похожей на рот дерева, доносились крики и вопли, как будто оно чувствовало боль. Когда Амара, шатаясь, прикрыла рот от зловония, дуардин с хохотом стал наносить удары, раз за разом отсекая ветви, разбивая пузыри и разрывая гротескную тварь на куски.

Его лицо было красным и потным от напряжения, но в нем была такая дикая радость, что Амара даже не подумала о том, чтобы остановить Готрека. Каждый удар, который он обрушивал на зараженное дерево, казалось, был нанесен с сверхъестественной силой, и через несколько мгновений разлетевшиеся куски коры уже были похожи на куски гниющего мяса. Ужасный стон перешел в предсмертный хрип. Готрек, опираясь на топор среди обломков и переводя дыхание, оскалил зубы в ухмылке.

'Вот так!' - крикнул он. 'Надо было начать именно с этого, это бы избавило от лишних хлопот'.

Инат и его оставшиеся стражи успели очистить площадь от зараженных, со слезами на глазах перебивая их и приступая к мучительной работе по сбору тел для сожжения или погребения. Амара пыталась помочь, с ужасом глядя на разбросанные части тел, оставшиеся после того, как Готрек устроил хаос. К ним подошел Инат, его нагрудник был измазан кровью и ихором, а шлем перекошен. Его меч был сломан в руке, но он все еще крепко сжимал рукоять с несколькими дюймами зазубренной стали.

'Мы сами соберем своих мертвецов!' - закричал он, отталкивая ее от трупов. 'Разве ты не достаточно сделала? Клянусь всем святым, уходи отсюда и никогда не возвращайся!'

"Достаточно?" огрызнулась Амара. 'Будь ты проклят, если бы не Готрек, что, по-твоему, случилось бы с Друхиэлем?' Она указала на дуардина, когда тот выбирался из-под обломков. Она должна была признать, что с окровавленной бородой и красным, побитым лицом он выглядит не самым желанным спасителем. 'Это место было бы захвачено в мгновение ока'.

'Побереги дыхание', - угрюмо сказал ей Готрек. 'Кого-то все равно обвинят во всем этом, и чужаки, как мы, идеально подойдут.'

Инат с опаской посмотрел на них обоих, его грудь тяжело вздымалась. Когда он взглянул на обломки дерева, Амара увидела на его лице боль и отчаяние. Готрек буквально вырезал священное сердце из города, не обращая внимание на то, как это отразилось на почитавших его людях. Все, что оставалось Инату, - это убирать за собой: трупы зараженных мертвецов и грязь, которая каким-то образом отравила их общину.

'Я не могу сказать, действительно ли вы виноваты', - сказал Инат. Он с тревогой посмотрел на них, а затем на царивший на площади хаос: тела, кровь, мух, которые все еще вились и мелькали в воздухе, людей, которые стояли на коленях возле мертвых и плакали. 'Но будет много тех, кто посчитает вас таковыми. Ради самих себя, вы должны уйти прямо

сейчас. Жителям Друхиэля нужно оплакать погибших и разработать план защиты на случай, если подобные ужасы посетят нас снова".

Амара видела, как выжившие в оцепенении бродят по площади и бросают мрачные взгляды на Готрека.

‘Пойдем’, - сказала она, увлекая его за собой. После боя дуардин казался странно сдержанным, хотя, взглянув на него, она увидела, что в его здоровом глазу блеснул хитрый расчет. Она посмотрела на окна, расположенные высоко на стенах Друхиэля, и увидела, что уже наступила ночь. По крайней мере по крайней мере, жуки-боровики исчезнут. Хоть какая-то милость.

Амара подняла рюкзак с того места, где его уронила, и надела, пока они шли к воротам. Она оглянулась на разрушения, которые они оставили после себя.

‘Больные деревья в южных районах,’ - тихо сказала она Готреку, когда тот в задумчивости поглаживал бороду. ‘И это чудовище здесь. Ты все еще думаешь, что аэльфы имеют какое-то отношение к тому, что происходит в Кранзиннпорте?’

‘Может и да’, - прорычал он. ‘Может, и нет... Но я считаю, что остров Увядания все равно стоит посетить’.

Они распахнули двери и вышли в благоухающую темноту. Прохладный ночной ветерок был очень приятен после зловонных ужасов Друхиэля, смрада и хаоса. Впереди, сквозь деревья, поблескивающие в лунном свете, Амара разглядела ровное полотно равнины, уходящей в сторону Роканийского побережья.

Это займет у нас три дня, подумала она. Она посмотрела на Готрека - его задумчивая грозная фигура брела по лесной подстилке рядом с ней.

И горе тому, кто встанет у него на пути.

ГЛАВА 8

Остров Увядания

В месте соприкосновения с берегом море вихрилось. На камни набегала пена, собираясь в накипь, а сами камни окрасились в маслянисто-зеленый цвет. Вода воняла желчью и кислым молоком. В том месте, где длинный склон пляжа спускался к береговой линии, она начала сгущаться, как струп, пытающийся закрыть язву. Разложение собралось на поверхности, гноясь и разъедавая камень и песок. От пены поднималось туманное мерцание, похожее на кислое дыхание.

Дальше море было по-прежнему чистым. Ослепительно сверкающие в солнечных лучах жесткие волны накатывались друг за другом, создавая брызги. Широкие буруны накатывались из открытого океана, смещаясь, когда они наталкивались на неожиданную преграду в виде острова, и разбивались о скалы на южной окраине. На севере тупой выступ острова указывал на извилистую линию Роканийского побережья в двадцати милях от него - изрезанную гроздьями серых скал, окаймленных изумрудно-зеленым ковром. Океан бился о скалы, как осаждающая армия, и волны с грохотом перекатывались через глубины. Морские птицы поднимались из брызг и по спирали уносились в затянутое облаками небо. То тут, то там в воде проплывали черные фигуры - это рыскали рыбы, охотящиеся за слабыми и подкарауливавшие мертвых. Из тумана над скалами поднимались круглые пики и башни Кранзиннпорта - спиралевидные, веерообразные, конические, похожие на скопления морских ракушек, выточенных из серого камня. Когда ветер в бухте ослаб, а после полудня на некоторое время установилась тишина и штиль, из города к берегам острова нерешительно донеслись звуки криков.

Желчный Оспий со странной привередливостью подтягивал подолы халата, ковыляя по берегу. Капюшон из заплесневевшей серой ткани закрывал почти все лицо. Виден был только рот, подергивающийся от удовольствия, и желтые зубы, остро и дико сверкающие, когда он смотрел вниз, на клочья пены. С веревки, обвязанной вокруг талии, свисали свитки и мешочки, а грудь и живот были обмотаны складками потертой коричневой кожи. В одной руке он держал высокий посох из витого черного дерева, на самом верху которого крепился крюк из

поржавевшей бронзы. Он ходил взад-вперед по тропинке, глядя вниз, как вязкая, вонючая вода подбирается к его сандалиям и хлупает в них.

Да, действительно... - пробормотал он себе под нос. Черный язык высунулся, чтобы лизнуть бледный резец. 'Ускорение, *расцвет*, и... Часы и дни идут... Не больше, чем ига вечности... Но я уже почти сделал это. Да, так близко...

Колдун быстро наклонился, и дряблая серая рука опустилась в мутную воду. На ощупь она была теплой, как кровь. Он удовлетворенно зашипел, нащупывая пальцами что-то под водой. Он почувствовал, как оно проскальзывает сквозь его пальцы, сжимается, и ногти впиваются в плоть.

'Ну вот, наконец-то, *наконец-то*...'

Существо, которое он вытащил из воды, не было рождено ни в одном из океанов Владений Смертных. На первый взгляд оно могло показаться какой-то рыбой - у нее было такое же вытянутое, каплевидное тело, какие встречаются в этих водах у многих видов рыб, такая же бахрома жабр, колыхающаяся по бокам. Но когда Желчный Оспий поднес его к свету, то увидел в его плоти следы, выдававшие его более экзотическое и неожиданное происхождение. Круглые глаза были с янтарными крапинками. Кожа покрылась рябью от подкожного свечения, словно трупное пламя, горящее на другой стороне темной пустоши. Зрачки его глаз плавали в желе, которое казалось таким же застывшим звездным светом, как и рыхлая форма склеры, и он знал, что в том, что пульсировало в его венах, было больше магии, чем крови. Запах, исходивший от его пятнистой шкурки, навел его на мысль о мульче и компосте и, казалось, вызвал в его воображении картины веерообразных папоротников и джунглевых лиан, ползучих, удушливых и гниющих. Он подумал о клейкой слизи, о черной жидкости, вытекающей из раковой опухоли, о влажной плодовитости того, что растет, умирает и растет вновь.

Оспий закрыл глаза и глубоко вдохнул, поднося существо ближе ко рту. Словно червь, пробирающийся сквозь почву в поисках свежего воздуха, черный язык высунулся из-под желтых клыков и провел кончиком по великолепной нереальной плоти. Такая холодная и липкая, покрытая таким обильным разложением...

Оно задрожало в его руке. Медленно, словно даже этот прохладный день был слишком жарким для его формы, существо начало таять. Глаза испарились, превратившись в тошнотворный пар. Плоть стекла с его ладони, а кости, которые, возможно, были у этого существа, превратились в липкую пасту. Наблюдая за тем, как оно исчезает в воздухе, Оспий вскоре остался лишь с куском слизи на ладони, который он стряхнул с пальцев на камни. Он медленно и лишь отчасти разочарованно улыбнулся. В конце концов, это был всего лишь одна из многих попыток, а развязка уже почти наступила. Глядя вниз, на пену и свернувшееся море, он понимал, что впереди их ждет еще много чего.

Колдун брел по побережью острова и подходил к северному мысу. Ветер трепал его одежду. Его посох стучал о галечный берег, а сандалии скользили по клейкому приливу. Песок и галька были усеяны нитями гниющих водорослей, шипевших в солнечных лучах, когда прилив отступал, и распадавшихся на маслянистую зеленую слизь. По камням разбегались печеночные клещи и поточные жуки, с жирным хрустом лопааясь под ногами и оставляя после себя насыщенный запах прогорклого жира. Желчный Оспий не нуждался в пище, но запах все равно казался ему странно приятным. Он пробудил в нем прежний аппетит, от которого он отказался много сотен лет назад.

Справа от него пляж полого поднимался вверх, к линии буйных, непокорных джунглей. Они были темными, сочными и плодоносящими - сплетение зазубренных листьев и клубней, толстых зеленых побегов и набухших листьев на ветках. Мерцающие зеленые миазмы висели над ними, как облако, и были усеяны неуклюжими черными силуэтами насекомых. Там были шаровидные деревья с волосатыми стволами, пробивающимися сквозь кроны деревьев, с отвисших голубых мешочков их плодов капала слизь. Жирные мухи лениво поднимались с лиан, волоча свои раздутые брюшка в тяжелом, сочном воздухе. Жужжание их крыльев было постоянным хором, и из глубины джунглей Оспий мог слышать другие бормотания и крики, жидкий лепет существ, до сих пор ему неизвестных. Медленно, с бесконечным терпением, они строили здесь что-то новое, чего никто никогда раньше не видел—

Нет, - поправил он себя. Он позволил себе рассмеяться. Ничуть не новое. Нет, что-то старое, очень-очень старое... Ведь по этому миру

когда-то ступала нога самого Деда, как гласят легенды, в невообразимо далекие времена.

Вдалеке над пологом виднелись Гнилокрылы из Черверодий Холеракса, проносящиеся низко над джунглями; Владыки Порчи на своих высоких седлах проверяли границы острова на предмет нарушителей. Как будто кто-то осмелится, - внутренне укорял их Оспий. Он покачал головой. Еще до начала набегов этот водный канал пользовался мрачной репутацией у смертных рыбаков и мореплавателей, живших на побережье. С тех пор как остров поднялся из волн, даже самые отчаянные устричники избегали здесь ловить. Здесь, на самой окраине Нефритовых королевств, узурпаторша Алариэлль и ее приспешник Сигмар казались очень далекими. О том, что скрывали пустые места карты для простых, невежественных людей, думать не хотелось.

И все же, со вздохом подумал Оспий, у Холеракса должны быть боевые приемы, чтобы занять себя. Повелитель Недугов - гордый воин, командующий боевой элитой; и не ему проводить время в молчаливой преданности и смиренной молитве. Холеракс процветал на раздорах, и за это надо отдать ему должное. Он был могущественным союзником и превосходным воином, преданным благому делу Деда. Молитва никогда не сходила с его изъеденных язвами губ, но даже в этом случае он не чувствовал присутствия Деда так, как *чувствовал* его сам Оспий.

И, конечно, Холеракс никогда не *был* там... Столетия назад он не пробирался на тот короткий миг сквозь тину и гниль Сада. Он не жил и не сражался среди Мульчи Веков, не танцевал в экстазе Гниловодной Порчи в священном присутствии Болатракса и его Гнилогвардии, зная, что сам Нургл был всего лишь на волосок отсюда.

Оспий наблюдал, как Гнилокрылы тяжело уносятся на восток, их тонкие ножки волочатся над листьями, а две пары изодранных крыльев маслянисто переливаются на свету. Владыки Порчи на них подняли свои покрытые ржавчиной косы и направляли тварей вниз, пока не скрылись из виду. Оспий вздохнул еще раз, а затем глубоко вдохнул зеленые миазмы, которые струились из джунглей. Вода забурлила и омыла ему ноги. Накипь пузырилась, а воздух был усеян ядовитыми спорами.

Скоро, сказал он себе. Скоро.

До его слуха донесся какофоническое гудение Желчетруба - гулкая мелодия, возвещающая о возвращении кораблей налетчиков и их груза. Оспий быстро захромал вверх по галечнику. Он перешагивал через лужи слизи и перебирался через ручьи токсинов, стекающих из зарослей. Вскоре он вышел на широкий мыс острова - вытянутый полумесяц скалы, изрезанный и разрушающийся, разделенный посередине каменистыми выступами широкой естественной гавани. Волны разбивались о стены, укрепленные и расширенные с большим трудом, но внутри ветхого порта вода была спокойной. В море, плавно двигаясь по волнистой воде, приближались две шхуны из черного железного дуба. У них были сдвоенные мачты, рваные черные паруса крепились на лонжеронах из кости левиафана. Корпуса кораблей, с которых стекала вода, там, где они поднимались из волн, были покрыты серой коркой ракушек. На каждом красовалась резная фигура отвратительного ужаса: на одном - оскаленная щуплая морда, на другом - тупоносый полушлем с оскаленной отвисшей пастью. "*Ржавая коса*" и "*Дифтериус*" - два самых страшных корабля Черверодий, бороздившие моря Тендрила, теперь были отданы на службу Желчному Оспию.

Нет, напомнил он себе. Отданы служению *Нурглу*. Оспий был строг в своей преданности; не стоит выходить за рамки своих полномочий. По флангам порта рассеялась команда смертных и культистов, преданных Дедушке и щедро вознагражденных его дарами. Уже несколько недель они трудились, укрепляя стены гавани и расчищая новые стапели, чтобы корабли могли швартоваться на мысу. Когда шхуны входили в порт, большие корабли протрубили в свои рога из слоновой кости, а культисты, шаркая и сутулясь, пошли к стапелям, готовясь привязать направляющие канаты к якорным тросам. В звуках корабельных рожков было что-то заунывное, китообразный клич, напоминающий о глубоких и одиноких морях, словно шхуны были огромными водными зверями, вернувшимися в старые охотничьи уголья и нашедшими их давно покинутыми.

Оспий, прихрамывая, вышел на пристань, его посох звякнул о камень. Он мог видеть лорда Холеракса, приближающегося на своем гнилокрыле с востока, гудящее существо волочило свои долговязые лапы по зеленой воде, приближаясь к гавани.

"Этого должно хватить", - крикнул Холеракс, приблизившись. Гнилокрыл пронесся по стене, от его рваных крыльев исходило сладковатое зловоние ядовитого мяса. Холеракс выскользнул с седла своего скакуна, когда тот плавно завис над пристанью, и его черные, покрытые ржавчиной железные сапоги захрустели по камню. 'Эти должно быть последние, Оспий, если этот проклятый пират выполнил свою работу. И тогда, наконец, можно будет начинать". Он указал на город Кранзинпорт, возвышавшийся среди утесов Роканийского побережья, который был лишь серой тусклой линией вдали. 'Вряд ли там сейчас остался хоть один смертный".

Он издал смешок, надменный и странно неуместный для его воинственного вида. Холеракс был обильно увешан доспехами. На его наплечниках перекрещивались пластины; а нагрудник свободно свисал под отвисшим зобом на шее. Правая рука, закованная в ржавый наруч, была розовой и воспаленной, как будто под кожей зрела глубокая инфекция. Левая рука представляла собой свернувшееся зеленое щупальце, усыпанное красными фурункулами - подарок Дедушки с тех времен, когда Холеракс, по слухам, ещё был генералом на службе одного из городов Сигмара. Его голова была закрыта огромным шлемом, сильно проржавевшим. В железе, над левым глазом, проржавели три круглых отверстия - три священных бубона Дедушки. Сквозь них Оспий разглядел намек на блестящий фасеточный глаз. Оспий был уверен, что под пластинами нагрудника слышит скрежет второго рта, хотя по какой-то странной причине Холеракс предпочитал держать его в секрете.

'Кранзинпорт - достаточно крупный город на этой части побережья, лорд Холеракс', - сказал Оспий. 'Мы перебили большую часть населения,' - кивнул он, указывая на большие корабли, причалившие к стапелям, - 'но, надеюсь, этой последней партии хватит для наших целей".

С последним тоскливым гудком шхуны начали сбрасывать заплесневевшие отрезки канатов на якорные канты и причаливать. Команда сворачивала паруса, как сброшенные саваны. Оспий, прихрамывая, спустился с пристани к стапелю - каменному пандусу, изрытому черными лужами, щели между камнями которого поросли жирным мхом.

‘Пойдем же, лорд Холеракс’, - сказал Оспий. ‘Разве ты не чувствуешь этого? Как болят твои гнойники, как ноют внутренности? Время все ближе и ближе. Здесь, на этой священной земле, благодаря дары Дедушки’.

‘Действительно, благодаря дарам Дедушки’, - сказал Холеракс.

Он шел целеустремленно, по крайней мере, и был на две головы выше сгорбленного колдуна, но его массивная туша всегда держалась на почтительном расстоянии в нескольких футах позади. Это почтение всегда вызывало у Оспия легкое чувство неловкости. Он был проводником воли Дедушки, это правда, но не более. Эта земля под ногами, даже резные и продуманные сооружения гавани были истинным хранилищем их преданности. Он чувствовал исходящий от него бактериальный смрад, почти ощущал вкус густой корки.

У стапелей экипажи двух огромных кораблей начали вытаскивать из трюмов грузы. Сдавленные крики поднялись в воздух, вопли невыразимого страдания. Оспий ухмыльнулся, услышав их, а Холеракс добродушно захихикал. Медленно, сильно подталкиваемые и избиваемые колючими плетями, пленные мужчины и женщины Кранзиннпорта, закованные в цепи, спускались по сходням.

Сгорбившись и дрожа от безмерного ужаса, они закатили глаза при виде открывшегося им зрелища. Оспий попытался представить, как это могло бы выглядеть для них, непривычных к подобным чудесам. Скажем, ползающие по койкам культисты с перекошенными от наростов лицами, или жужжащие гнилостные мухи, рыщущие по джунглям, летающие на изодранных крыльях. Даже кошмарные миазмы, от которых многих из них вырвало, когда они оказались на открытом воздухе, должно быть, были шоком, хотя для Оспия это были ароматы высшего сорта.

Некоторые из пленников не пережили своего короткого путешествия по воде из города в трюме, и их трупы волочились к причалу за оставшимися в живых. Короли Порчи, обслуживавшие суда, - разношерстная компания пиратов и головорезов, вооруженных секирами и короткими топорами, некоторые из них были в заплесневелых треуголках, нахлобученных на головы, - с хохотом сопровождали их.

"Их там ещё больше!" - раздался ломаный, кашляющий голос. Подняв голову, Оспий увидел Коклюша, капитана "*Дифтериуса*" и адмирала

этого небольшого флота, перегнувшегося через планшир своего корабля с ржавым трезубцем в руке. 'Крысы все еще бегают по улицам и прячутся в канализации. Мы спустили на них зверей, но потом устроим настоящую забаву'.

Оспий подавил чувство раздражения. "Мои поздравления с успехом вашего предприятия, капитан. Может быть, когда ваша команда достаточно отдохнет", - мягко сказал он, - 'обратное плавание за остальными не станет для вас слишком трудной задачей? В конце концов, как я уже не раз говорил, для завершения моего ритуала нам нужно абсолютно все, что мы можем достать. Если на улицах Кранзиннпорта остались крысы, то я предлагаю вам вернуться и забрать их'.

Капитан Коклюш подождал немного, а затем лениво отсалютовал рукой с клешней омара, прищурив свой единственный выпученный глаз. В животе у него была клыкастая пасть, и из нее высунулся извилистый фиолетовый язык, чтобы лизнуть край планшира.

Оспий знал, что капитану не нравится, когда ему отдают приказы. Все эти пираты, возможно, и видели сущность того, что пытался сотворить колдун, но они были скорее отступниками, чем верными учениками. Они привыкли к открытым морям, к грабежу на своих собственных условиях, и их раздражала дисциплина, необходимая для реализации этого великого замысла. Ритуалы были ничем без принципа порядка – чего-то инстинктивно предаваемого анафеме всеми теми, кто занимался ремеслом налетчика.

'Не нравятся мне эти проклятые чумные пираты, ' пробормотал Холеракс. Он отхаркнулся и сплюнул за шлем, и струйка свернувшейся рвоты потекла по его шее. 'По-моему, они слишком вольно и непринужденно относятся к своим поручениям. Нельзя быть уверенным, что они не снимутся с якоря и не уплывут по собственным делам, когда им захочется.'

Его щупальце потянулось к рукояти короткого меча на бедре, в то время как распухшей рукой он сжимал рукоять своей косы.

'Ты всегда был суровым и преданным воином, лорд Холеракс, и ни на мгновение не думай, что я не благодарен за это'. - Оспий, шаркая, вышел вперед, когда пленников повели через причал. 'Но, увы, мы в них нуждаемся, когда зовет Дедушка. Если мы хотим снова построить его Сад

во Владениях Смертных, то нам нужна помощь пиратов и головорезов так же сильно, как нам нужны верные и преданные последователи. Кранзинпорт - ближайшее поселение к нашему благословенному острову, так недавно поднявшемуся из моря, и, увы, море - это дорога, по которой мало кто из нас может пройти'. Он криво улыбнулся гнилокрылу Холеракса. 'Или просто полететь и все равно привезти обратно столько, сколько нам нужно.'

Холеракс на мгновение задержал его своим щупальцем. На одежде Оспия остался мазок обесцвеченной слизи.

'Это правда? ' настойчиво спросил он. Он повернулся, чтобы окинуть взглядом широкую и запутанную полосу джунглей позади них, известковые мысы за гаванью, которые осыпались хлопьями молочно-белого камня в покрытое накипью море. Оспий мог видеть мерцание его фасетчатого глаза сквозь три отверстия в шлеме. 'Я чувствую это, знаю, что чувствую, но... Подумать только, что этот остров - осколок самого Нургла? Это слишком, слишком невообразимо. '

"Что говорит тебе твое сердце, сын мой?" спросил его Оспий.

'Сердце сгнило в моей груди много лет назад', - признался Холеракс.

'Тогда что же заставляет тебя жить? Что сделало твое тело таким мощным и одарило тебя столькими прекрасными дарами?'

'Вера', - прошептал Холеракс.

'Действительно. Вера. Вера в Бога Чумы, увенчанного личинками. Вера в того, кто любит всех своих детей и оставил нам этот фрагмент себя". Оспий поднял свой посох. Да, хотя века и тысячелетия погрузились в тишину минувших веков, а земли были поглощены потоком, все же ноготь Дедушки остался на дне морей, чтобы его последователи возносили свои молитвы и подношения. Ведь когда-то его нога ступала по этой земле, в те времена, когда Владения Смертных были лишь пылью и магией, сгущающейся в водовороте пустоты, не так ли? И как ступал он, так и будет ступать по его пути его Внук".

Холеракс благоговейно склонил голову. Оспий легонько постучал по нему посохом, и черное дерево звякнуло о пластины доспехов. Он смотрел на пленников, которых били на пристани. Мужчины с безумными глазами, охваченные ужасом. Женщины рвали на себе

волосы закованными в кандалы руками. Их было не меньше сотни, что было больше, чем он ожидал. После тех тысяч, что они использовали до сих пор, он был удивлен, что их осталось так много. Никто из пленников не мог смотреть на две фигуры, которые стояли и приветствовали их, вместо этого они пускали слюни и бормотали что-то невнятное. По крайней мере, никто не молил о пощаде. Это, как знал Оспий, наступит позже.

'А теперь, друг мой - сказал Оспий, когда пленников провели мимо него, - если позволишь, я покажу нашим новым гостям, что нам от них нужно".

Никто не заговорил с незнакомцем, когда он прибыл в Ксил'антос. Ему это нравилось. Если он хотел поговорить, то задавал вопросы, а если задавал вопросы, то ожидал ответов. В противном случае не было ни одного собеседника, который стоил бы его времени и внимания.

Он снял комнату в "Разбитой фляге". Бармен был крепкого телосложения, с густой черной бородой, многословный. Но ничего особенного в нем не было. Незнакомец оценил его сразу же, как только вошел в дверь, и заметил, что он не может встретиться с ним взглядом. Он займется им позже, а пока ему нужно было отдохнуть, поесть и выпить полчаши того, что здесь считалось вином. Ксил'антос казался не лучше и не хуже большинства захолустных городков Тиири. Хадраэдер, Пилискут, Тиллистин, множество дымящихся руин, стертых с лица земли набегами орруков или нашествиями звероловцев, - за последние несколько недель он побывал в каждом из них. И вот теперь Ксил'антос, с его стенами, увитыми виноградной лозой, с его маленькой площадью, с его маленьким уютным храмом Сигмара, который местные жители, вероятно, считали не хуже Великого собора Хаммерхолла.

Увидев в центре площади остатки копоти и обгоревшие камни, он решил, что в последние дни они устроили себе сожжение. Но обугленного трупа, свисающего с перекладины над городскими воротами, не было. Возможно, все пошло не по плану. Он выяснит это позже. Он всегда узнавал ответы.

В комнате, выходящей на узкое, закрытое ставнями окно, стоял стол, одна раскладушка с тонким, набитым соломой матрасом, умывальник. Все просто, функционально, все, что ему было нужно. Некоторое время он сидел за столом с открытыми ставнями, наблюдая за приходом и уходом жителей Ксил'антоса. Жрецы поднимались по ступеням храма. Рыночные торговцы раскладывали свои товары по краям площади. Ростовщики обменивали Аква Гиранис на любую необходимую валюту. Весь простой народ владений Сигмара. Не думающие, не понимающие, невинные. Жестокие, эгоистичные и жадные, напуганные, но даже не догадывающиеся, насколько им следует бояться сейчас.

Он читал свои бумаги до тех пор, пока свет не начал тускнеть, а сумерки начали быстро опускаться на равнину. Описания, наблюдения, признания. Где-то далеко отсюда он слышал шепот лесов, ветер проносился над лугами и пустыми местами, направляясь к далекому побережью.

Где ты? подумал он. Куда ты ушел? Куда ты идешь?

Он снова опустил взгляд на свои бумаги. На улице зажигались фонари. Через мгновение он сложил документы в кипу и убрал в седельную сумку. Его лошадь умерла месяц назад, не доехав десяти миль до Живого города. Когда все закончится, он навестит торговца, продавшего ему кобылу. Пусть узнает официальное наказание за обман. Пусть узнает и о частном наказании, и пусть выберет, что он предпочитает.

Незнакомец откинулся в кресле и посмотрел на улицу. Он снял свою широкополую шляпу и положил ее на стол, страхнул с себя дорожный плащ, сложил пистолеты и шпагу в угол комнаты. Отдохнет часок-другой, подумал он, поспит. Потом он снова наденет шляпу и плащ и спустится вниз, в бар. Начнет задавать вопросы и получит на них ответы. Как и всегда делал.

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 9

Руины Кранзиннпорта

На утесе моросил холодный дождь, налетевший с моря. Там, где дождь попадал на кожу, Одгер Пеллин чувал запах слюны или желчи. От него исходила кислая, тягучая вонь, и камни под ногами становились скользкими и коварными. Он вспомнил тот день, когда впервые пошли дожди. Тучи над городом, туман над морем. Этот день он никогда не забудет.

Он бросил взгляд на старое здание счетной палаты на углу улицы Анемон. Серый камень здания был покрыт ямами и сколами, окна выбиты от пожара, который бушевал там, пока его не затушили дожди. Ступени были усыпаны битым морским стеклом. Внутри, как он понял, все представляло собой почерневшие руины. Пушки, которыми эти чудовища стреляли с кораблей в бухте, только-только достигли города - он находился так высоко на скалах, но там, куда попали железные бомбы, они нанесли ужасающий ущерб. В городе не осталось ни одного здания, не тронутого огнем или дымом.

Железо - это одно, но они использовали и кое-что похуже железа...

Одгер вздрогнул, провел рукой по бороде, отросшей за последние несколько месяцев. Он вспомнил полые шары, падавшие на улицы, - керамические сферы, которые раскалывались при ударе о камни, выпуская тучи мух, - и болезни, которые последовали за ними. Люди выблевывали свои внутренности на улицах. Другие были настолько разорваны и деформированы мутациями, что их едва можно было узнать. Не прошло и полдня, как налетчики вернулись, только на этот раз они захватили гавань и вошли в город, прочесывая улицы в поисках выживших. Четыре раза они проделывали это, переправляя свои смертоносные корабли через бухту, откуда появился этот странный остров, вливаясь своими отрядами в гавань у подножия скал и поднимаясь на подъемниках в город. Те, кому удалось спрятаться, прожили еще некоторое время. Те, кто пытался сражаться, погибали на месте, как, например, Сабли Кранзиннпорта, собравшиеся на рыночной площади, и были либо перебиты без пощады, либо пали жертвами еще более страшной заразы, которую принесли с собой налетчики.

Прошли недели этого ужаса, больше недель, чем он мог сосчитать, бесконечные дни, когда он прятался в развалинах, а в сумерках прокрадывался из укрытия, чтобы раздобыть еду для горстки выживших, которым удалось продержаться так долго. Что касается остальных, то об их судьбе не стоило и думать. Те, кому повезло, погибли в бою. Тех, кому не повезло, хватили на улицах и тащили в цепях к тем ужасным лодкам, что скрывались в серых водах, блокируя гавань у подножия скал. Их грузили на лодки и увезли на Остров Увядания, чтобы, Сигмар знает, что с ними сделать.

Остров лежал там, как черный отпечаток большого пальца, прижатый к стеклу открытого моря. Одгер сплюнул на тротуар и попытался сдержать боль и страх еще на минуту или две. Это все, что он мог сейчас делать. Просто прожить ещё один день, минута за минутой.

Но это было бесполезно. Нежданно-негаданно, пробившись сквозь щит, который он воздвиг для защиты своего рассудка, нахлынули воспоминания о Мелите и Кловисе, его жене и сыне. Одгер сглотнул, так сжав копьё, что костяшки его пальцев побелели. Он видел цепи на их руках, ужас на их лицах, смех раздувшихся уродов, которые утащили их вместе со всеми остальными. Позади него горел их дом, обломки, из которых он пытался выбраться, пока похищали его семью. Он ничего не мог сделать, ничего. Ему повезло, что он выжил в огне, и он не позволит себе умереть, пока не узнает, что случилось с его семьей. Только когда он будет уверен, что они не выжили, он с радостью примет смерть, и попытается убить перед этим как можно больше этих чудовищ.

‘Я скоро увижу вас, мои любимые’, - прошептал он, подавляя рыдания. ‘Я знаю это. Но не сейчас, не сейчас’.

Если ещё и было что-то, во что Одгер верил, то он молился сейчас о том, чтобы его семья благополучно погибла.

Он послал Мерозиса и Уффо вниз, чтобы они караулили на углу улицы, а остальные охотились припасами на складах на востоке, где проспект выходил на открытую площадь. Там статуи основателей Кранзиннпорта были свергнуты с пьедесталов, а лавки разломаны и разграблены несколько недель назад. Магазины были разгромлены, дома обчищены. Во всем городе почти не осталось еды; то, что не сгнило, было испорчено той же болезнью, которая погубила здесь столько добрых людей. Здесь

было слишком опасно оставаться и слишком опасно уходить. Каждый выход из Кранзиннпорта хорошо охранялся. Как будто налетчики хотели запереть их здесь, как будто берегли выживших на потом. Он хорошо помнил тщетную попытку капитана Исмеала бежать с остатками городской стражи, надеясь получить помощь из Друхиэля или даже из Живого города на севере. Гавань была давно покинута этими тварями, но мощеная дорожка, ведущая к западной дороге, была не тем местом, где их можно было застать врасплох. Не успели они пройти и нескольких сотен ярдов, как с неба свалились эти летающие чудовища...

Одгер грыз ноготь большого пальца. Это было бесполезно. Они просто должны были оставаться, должны были прожить столько, сколько смогут. Помощь придет, он знал это. А если ее не будет, то им придется искать себе место, где умереть.

Кранзиннпорт был небольшим городом, узким, но высоким, и все его дома, коттеджи и общественные здания теснились на обрыве, как ракушки, прилипшие к килю корабля. Присев на обочине улицы, Одгер, хрустя коленом по щебню, мог видеть всю длину проспекта до того места, где улица ныряла в нижние ярусы. Далеко на востоке виднелась прибрежная дорога, белой лентой извивавшаяся по уступу скалы, а затем первая зеленая линия Мистральского леса. Если бы они могли как-то выбраться туда, может быть, нашли бы укрытие под деревьями. Это выглядело возможным...

Он услышал звон разбитого стекла, резкий звук падающей со стен каменной кладки. Баффин, где-то в глубине здания, зашипел, требуя тишины, но это было сказано скорее с обидой, чем с беспокойством. Одгер позволил своим нервам немного расслабиться. Если им удастся найти хоть крошку еды, это будет больше, чем они добыли за последние несколько дней, а если они смогут сделать это, не привлекая внимания оставшихся в городе монстров, то тем лучше. Но это становилось все труднее и труднее. Бочки с водой, оставшиеся после последнего чистого дождя, были почти пусты, а пить эту прогорклую морось не хотелось. Одгер вздохнул, еще раз провел рукой по узловатой бороде и прикусил губу. Он вернулся к осмотру восточных подступов, а Баффин и остальные продолжили рыться в обломках счетной палаты.

И тут он увидел - слабые, не более чем две точки, вдающиеся в темную полосу отвесной скалы, которая лентой поднималась к городу. Может

быть, в двух милях от города, и все еще слишком далеко, чтобы быть чем-то, кроме слабого предчувствия, но Одгер готов был поспорить на все, что у него осталось, что сейчас к Кранзиннпорту по прибрежной дороге приближаются двое.

'Мероз!' - позвал он резким шепотом.

Она оглянулась с другого конца улицы, где прислонилась к углу с мечом в руке и баклером на кулаке. Он поманил ее к себе, и девушка, бросив внимательный взгляд на площадь, побежала трусцой.

'-Что случилось? - спросила она. - Неприятности?'

Одгер чувствовал запах пота, исходящий от нее, и запах немытой одежды. Ее лицо было жестким и худым, черные волосы убраны назад. Когда-то она была швеей. Теперь она выглядела как солдат. Боги, когда-то он был не более чем управляющим на рынке, а теперь возглавлял банду мусорщиков и выживших, пытаюсь прожить хотя бы ещё день.

Он указал вниз, на нижние ярусы города, туда, где дорога выходила на обрыв. 'Скажи мне, что ты думаешь об этом', - сказал он.

Меросис прикрыла лоб и посмотрела на восток. Солнце было еще высоко, его размывали морозящие тучи, но там, где шли две черные точки, пробивались столбы света. Одгер наблюдал, как на ее лице появляется хмурое выражение.

"Похоже... Их двое, насколько я могу судить", - сказала она. Она посмотрела на него, уголки ее рта опустились. 'Это... они? Обычно они не ходят по прибрежной дороге'.

'Не думаю. Они похожи на людей, я бы сказал. Настоящих людей'.

'Тогда что, во имя Сигмара, они думают делать? Они и пяти минут не продержатся, если придут к воротам'.

'Может, они не знают, - рискнул предположить Одгер. 'Может быть, они торговцы. Кто вообще настолько безумен, чтобы путешествовать самостоятельно? '

Меросис грызла ноготь. Она выглядела обеспокоенной. Она проверила лезвие меча.

'Кранзинпорт проклят, ' - сказала она. 'Все это знают. Никто не придет сюда торговать. Сигмар спаси их, если они идут по прибрежной дороге', - пробормотала она. 'Я надеюсь, что они доберутся быстро'.

'Позови остальных', - сказал ей Одгер. Он поднял копье. 'И найдите место, где можно спрятаться. Его рот превратился в мрачную линию. Если они пройдут через ворота, мы должны знать, кто они и зачем пришли в это забытое богами место. Мы пережили слишком много, чтобы рисковать'.

Прибрежная дорога представляла собой мощеную колею шириной в десять футов, в которой за многие годы колесами телег и повозок были пробиты канавы. Сколько же веков должно было пройти, чтобы эти колеса нанесли на камни следы, задавалась вопросом Амара. Она представляла себе караваны, идущие из Живого города на севере и приносящие все богатства этого плодородного города, или вереницы торговых повозок, бредущих из более суровых краев на юго-востоке Йска. Шелковые ткани и драгоценности, Аква Гиранис, бутылки зефирного вина. Охотники, фермеры, торговцы - все везли свои товары, чтобы погрузить их на корабли в гавани Кранзиннпорта, расположенной у подножия скал. Над ними возвышались круглые серые купола и фигурные шпили, а ворота города, расположенного в нескольких милях от них, выглядели разбитыми и разломанными. По словам посетителей «Янтарного Сока», у Кранзиннпорта была мрачная репутация, и, похоже, никто не приближался к нему в эти дни.

'Я видел больше жизни на кладбище', - осторожно сказал Готрек. Он держал топор в руке, сжимая его рукоять, и жаровня потрескивала на костяшках его пальцев.

Слева от Амары, по другую сторону дорожки, была короткая полоска пожухлой травы, а затем обрыв уходил вниз, к бурлящему морю. Утесы были высокими, не менее семисот футов, а океан, раскинувшийся в сторону края Владения, до которого было немыслимое количество миль, напоминал стальной лист с вмятинами. Вздыхались белые гребни, волны клокотали и разбивались о берег, но все это казалось таким далеким и нереальным, как сон. Море было окутано туманом, ветер трещал и завывал вокруг них.

'Посмотри,' сказала Амара. 'Видишь это? ' Она указала на туман. Там, очень слабо, она увидела пятно тьмы, поднимающееся из воды, на расстоянии, наверное, двадцати миль. У нее защемило сердце. 'Остров Увядания', я полагаю.

'Ага', - сказал Готрек. Он окинул остров мрачным взглядом. 'Похоже, там тоже есть корабли в гавани. Возможно, два корабля-близнеца".

Амара поняла, что глаза дуардина были намного острее, чем у нее самой. Готрек бросил настороженный взгляд на городские ворота; им еще предстояло преодолеть некоторое расстояние.

Путь от Друхиэля по пересеченной местности занял три дня. Следуя по границе леса, следя за тучами жуков-боровиков и стадами огромных рогатых йетаров, готовых растоптать любого, кто отважится пересечь их территорию, они шли до тех пор, пока лес не скрылся на севере, а прибрежная дорога не оборвалась на полосе обрыва впереди них. Каждый вечер они останавливались на несколько часов отдыха, но Амара знала, что дуардин мог бы один идти дальше, такой же неутомимый, как и всегда. Она должна была помогать ему, отплатить за спасенную жизнь, но уже не раз задумывалась, не Готрек ли помогает ей.

Послушай того, кто знает, - сказал он ей. Не живи так, будто единственное, чего ты хочешь, - это умереть.

Интересно, увидел ли он в ней что-то, что отражало его самого? И действительно ли она хотела умереть? Иначе почему она так уверенно входила в каждый город и поселок, оскорбляя самое дорогое, что было у людей? Казалось, что только вытерпев их насилие, она сможет разоблачить их лицемерие. Но с какой целью? И когда люди Ксил'антоса потащили ее на костер, насколько то, что она чувствовала, было облегчением? Возможно, она все-таки умерла в той долине, и все последующее было лишь отголоском той жизни, которую она потеряла. Пока она не встретила Готрека...

Они шли туда, где прибрежная дорога сливалась с проспектом, ведущим в город. Все здания были сгруппированы вместе, некоторые из них свисали с выступов скал, другие были сложены друг на друга в беспорядочные ярусы. Широкие фасады зданий были сегментированы,

как морские раковины, некоторые из них больше походили на наросты коралловых рифов. Куда бы она ни посмотрела, окна этих зданий были темны и пусты, а стекла разбиты. Солнце стояло высоко, скрытое за облачным покровом, но на проспекте не горел ни один фонарь, а на улицах за его измостковыми, нависающими стенами не было видно ни одного огонька. На сером камне виднелись мазки черной копоти, кое-где осыпались бойницы.

Амара внимательно следила за лесом, раскинувшимся в нескольких милях к северо-востоку, и за длинной полосой ровной земли между ними. В полумиле от него на полях виднелись сторожки, небольшие фермы, простые коттеджи и приусадебные участки. Из их труб не поднимался дым, на полях не было видно ни работников, ни скота, ни отар. Крыши домов выглядели так, словно они обрушились. В воздухе витал слабый запах, осознала она, как в больничной палате, когда пациент скончался и его только унесли. Запах опорожненного кишечника, застарелой крови и рвоты.

'Ты чувствуешь это?' сказал Готрек. 'Напоминает мне то чертово великое древо в Друхиэле'. Он сделал глубокий вдох. 'Не совсем такой же букет вони, но весьма близко к тому'. Он посмотрел на нее и покачал головой, на его избитом лице было написано отвращение. 'Если захочешь вооружиться, жрица, только дай мне знать. '

'Я не жрица', - сказала она сквозь стиснутые зубы. И я уже говорила тебе - я помогаю, но не убиваю".

"Вот и утешение для гнома на старости лет", - проворчал он.

Аллея, круто уходящая к разбитым воротам Кранзиннпорта, с каждой стороны была окаймлена невысокой балюстрадой из белого мрамора. Камень выветрился от многолетнего воздействия, но то тут, то там Амара видела белые шрамы недавних повреждений. Вокруг балюстрады вились разросшиеся лианы, толстые канаты бледно-желтого плюща, напоминающие кишки. Она не решалась их трогать. Под ногами валялись мертвые листья и каменные осколки, а на склоне, по которому они поднимались, виднелись ржавые военные шлемы и капли засохшей слизи. Попадались и человеческие кости, некоторые из них были еще румяными от засохшей крови и небрежно разбросаны по мрамору, словно оставленные каким-то кормящимся зверем.

‘Ты все еще думаешь, что морские аэльфы имеют к этому какое-то отношение? ’ Она снова посмотрела на море, но два корабля уже скрылись под линией скал. ‘Мне казалось, ты говорил, что у них летающие акулы, а не двухмачтовые шхуны’. Она пнула одну из костей, и она зазвенела по мрамору. ‘И ты никогда не говорил о том, что они едят человеческую плоть’.

‘Ради Маленет, я надеюсь, что они имеют к этому какое-то отношение’, - прорычал Готрек. Жаровня его топора, казалось, вспыхнула, отбрасывая на лицо хищный красный отблеск. Его единственный глаз потемнел. Амара вздрогнула от внезапно вспыхнувшего гнева Готрека. Казалось, он был в какой-то мере даже рад, что эта Маленет погибла, пытаясь спасти его. Это давало ему неиссякаемый источник ярости, а Готрек, казалось, никогда не был так счастлив, как при мысли о том, что эта ярость может вылиться в насилие. ‘Но даже если нет, я могу пообещать чертовски хорошую взбучку тому, кто во всем этом виноват’.

Они были уже на полпути вверх по склону, когда Амара услышала гулкий звук из разбитых ворот, уходящих в темные глубины города. Сначала она подумала, что это снова жуки-боровики, но когда посмотрела на небо, оно оказалось пустым. Ни темных облаков, надвигающихся на лес, ни роев, проносящихся над полями. Она посмотрела на фермерские угодья к северу, где на скудных полях одиноко стояли заброшенные коттеджи и сторожки, одинокие обломки, сгрудившиеся под нависшим небом.

Там, где провалились крыши, что-то зашевелилось. Амара увидела, как между сломанными балками фермы в пятидесяти ярдах от нее вздымается горб зеленой плоти. Со стен посыпалась штукатурка и каменная кладка, а затем с унылым, монотонным воем в небо взлетели четыре гнилостных мухи, расправив свои маслянистые, полупрозрачные крылья.

Это были раздутывшиеся существа, каждое размером с лошадь, с хитиновым панцирем и злобным жалом под ним. Их выпуклые глаза были плоскими и черными, длинные веретенообразные конечности волочились по траве, быстро сокращая расстояние от фермы до проспекта. Каждое из них было покрыто пузырями и красными нарывами. Прогорклый гной сочился из язв на их жирных брюшках. Смрад от них распространился, когда они приблизились, - это была тошнотворная вонь гнилых экскрементов и кислого пота.

'Бежим к воротам!' крикнула Амара. Она схватила Готрека за плечо, но дуардин был непоколебим. Он мрачно захохотал, расставив ноги по обе стороны аллеи и вскинув рунный топор. На его лице застыло безумное выражение, похабное и восторженное одновременно.

'Готрек, что ты делаешь? Нам нужно укрыться - немедленно!

'Идите ко мне, мои красавицы,- прорычал он. ас ждет гибель, или меня зовут не Готрек Гурниссон!

Гнилокрылые мухи налетели на него, опухлые и тошнотворные, три из них бросились вниз с вытянутыми, как мечи, жалами, а четвертая понеслась к городским воротам, чтобы преградить им путь. Неровное биение их крыльев донесло зловоние до дороги. Амара почувствовала, как в горле поднимается рвота. Готрек, казалось, совершенно не пострадал. Задыхаясь от смеха, он вскочил на край балюстрады и прыгнул, закинув рунный топор за голову. Его борода топорщилась, как огонь, а ирокез отражал солнечный свет, словно язык пламени.

Удар едва не рассек первую гниlostную муху пополам. Проревев ругательство, Готрек с размазу вонзил топор в её голову и рубил до тех пор, пока существо не извергло свои внутренности на мрамор проспекта. Перепачканный грязью, он перекатился по земле, и на него налетела еще одна муха, и отбил в сторону жало, направленное ему в грудь, а затем резко развернувшись, начисто отрубил его. Когда топор срезал кусок брюшка мухи, ее тяжелое жужжание перешло в скрежещающий визг, и она взмыла в небо. Из его брюха свисала свернутая петля кишок, с которых капала слизь. Амара видела, как монстр рухнул в поля за окраиной города, пытаясь вернуться в свое логово.

Она пригнулась, когда над ней пронеслась еще одна муха. Из дряблой трубки хобота вырвался поток кислого дыхания, а болтающиеся ноги подергивались над балюстрадой. Крылья размылись, как полоса зеленого пламени. Единственный черный глаз дрожал в глазнице, как желе, а кожистая морда была усыпана жесткими коричневыми волосками. Задыхаясь от вони, Амара подхватила с земли камень и изо всех сил швырнула его. Осколок мрамора пробил глаз твари, и на землю потекла струйка черного ихора. Муха на мгновение отпрянула назад, шипя, но затем бросилась вперед, и ее хоботок - мерзкая

сегментированная трубка, с которой капала слизь, - был направлен в ее сторону.

Амара, не смея отвести взгляд от твари, стала шарить по земле, ища другой камень. Она поклялась не проливать кровь во имя Сигмара, но будь она проклята, если позволит этому отвратительному чудовищу отнять у нее жизнь. У человечества еще был шанс отвернуться от богов, но эта мерзкая тварь была всего лишь игрушкой божества, насмешкой Нургла, посланной мучить живых лишь ради его темной забавы. Она схватила обломок кости и замахнулась им, как дубиной, пытаясь заставить чудовищную муху отступить.

'Посторонись, девчуля!' рыкнул Готрек. Амара не стала думать, а просто инстинктивно откатилась в сторону. Она увидела красную вспышку, огненный след от жаровни рунного топора. Готрек пронесся по краю балюстрады и бросился на гниlostную муху, замахнувшись в прыжке и отрубив ей крылья. Смертельно раненая гнилая муха рухнула на землю, шипя от злости, и ужасный хоботок шлепнулся на мрамор, когда Готрек перекатился по земле и поднялся на ноги. Злобно ухмыляясь, он направился к мухе: она дрожала, ее выбитый глаз выкатился из глазницы, ослепленный и слезящийся.

'Я вырос из того, чтобы гоняться за мухами, ещё тогда, когда был бородаченком', - сказал Готрек. 'Но нет ничего плохого в том, чтобы вернуться к детским развлечениям'.

Несколько ударов топором - и тварь была мертва: хитиновый панцирь расколот, голова разбита о камень.

Амара поднялась на ноги и с ужасом посмотрела в сторону ворот на другом конце аллеи, где притаился последний уцелевший гнилокрыл, чтобы не дать им сбежать.

'Ещё один!' - закричала она. 'Готрек, двигайся!'

'Нет, черт возьми!' - внезапно зарычал он. Он согнулся пополам, как от удара, одноц рукой массируя грудь.. 'Не сейчас, будь ты проклята, я не буду...'

Он закричал, но она видела, что он чувствует не боль, а чистую ярость. Его глаза полыхали огнем, а руна, вбитая в грудь, светилась низким, насыщенным пламенем.

'Я сам вырежу тебя из своей плоти, слышишь!' - крикнул он. 'Будь ты проклят, Черный Молот, я вырву её и сброшу в глубины, если она... Если она *посмеет*...!'

Готрек выгнулся, согнувшись вдвое. Гнилая муха затрепетала и подобралась ближе, жало в ее брюшке вытянулось и с него потекли ядовитые капли. Амара, не задумываясь, прыгнула вперед и бросилась к Готреку, взмахнув костью, которую она подхватила с земли. Она почувствовала, как кость ударилась о кожистую шкуру существа, с таким звуком, словно мясник рубил мясо. По руке пробежала дрожь, и кость раскололась, оставив в руке осколок, острый, как лезвие. Амара резала и резала, рассекая в плоть чудовища, пока с него не потекла на камни зеленая слизь.

'Готрек!'

Какая бы мощь или давление ни охватили дуардина, они начали ослабевать. Он обратил свою неукротимую волю, сопротивляясь, и снова овладел собой, а ярость ещё ярче вспыхнула в его глазу. И тут, словно поддавшись на какой-то далекий призыв, раненая гниlostная муха подняла свою покрытую язвами голову и посмотрела в сторону утесов. Жужжа сама с собой, быстро уклонившись от удара Амары, и даже не обратив внимания на Готрека, занесшего опор для удара, существо поднялось в воздух с резким зловонием и удалилось.

'Оно уходит, - сказала Амара. Все еще держа в руках осколок кости, она смотрела, как существо переваливается через край обрыва и медленно направляется в сторону моря. 'Оно летит к Острову Увядания'. Она посмотрела на кровавую бойню вокруг них: размазанные кишки и потроха, разможенные трупы, Готрек, вымазанный с ног до головы черным ихором и зеленой слизью. Он выглядел совершенно безумным. 'Я не виню его.'

Амара посмотрела на ворота в конце аллеи. 'Пойдем', - сказала она. 'Нам нужно попасть в город на случай, если эта тварь вернется с друзьями. Да и тебя надо отмыть, страшно подумать, какие поганые болезни могут водиться в этих монстрах'.

Готрек кивнул, вытирая топор о край балюстрады. Проведя ладонью по лицу, он стряхнул слезу на землю и последовал за Амарой, которая осторожно поднималась по склону к воротам. Амара взглянула на руны на его груди, тусклую, как латунь. На мгновение ей показалось, что он собирается вырвать ее из своего тела, даже если это убьет его.

'Эта руна', - сказала она. 'Это ведь нечто большее, чем обычная руна Огнеубийцы, не так ли? Я знаю нескольких Огнеуиц, но никогда не видела ничего подобного'.

Готрек хмыкнул и на мгновение задумался. Казалось, он боролся с чем-то, с решением, которое не хотел принимать, но потом сказал: "Да, это нечто большее, чем те дурацкие побрякушки, которые вбивают в себя эти огненные гномы. 'Мастер-руна Крага Черного Молота', - проворчал он, постукивая по ней острием топора. 'Чертова штука. Теперь я не могу ее вытащить. Даже не уверен, хочу ли я этого, или...'

'Или что?'

Готрек нахмурился. 'Ты можешь отвернуться от богов, - сказал он, - но они - ревнивые ублюдки, все до одного. Оказывается, они не могут оставить никого из нас в покое. Но будь я проклят, если позволю этой твари снова овладеть мной, клянусь! '

В нем снова вспыхнул гнев, он оскалил зубы, его массивные плечи напряглись, когда он схватился за топор.

'Все всегда толкает меня в одном направлении', - сказал он, глядя на серые стены города. Амара услышала в его голосе боль. Боль и сожаление. 'Боги, прошлое. Даже обычные смертные. Делают, что могут, стремятся, выживают, но всегда ждут, что их кто-то спасет - Сигмар, или Алариэль, или даже Гримнир. Но нас никто не спасет, совсем никто. Приходится делать это самим. Вот и все'.

Его голос перешел в ворчливое бормотание. Амара видела, что он больше не разговаривает с ней. С кем бы или чем бы он ни спорил, это было глубоко внутри него, затерянное в тумане его прошлого, в испытаниях, которые привели к смерти Маленет или к тому, что заставило его вбить эту руну в свое тело. Она ничего не понимала, но знала: что бы он ни говорил, Готрек не отвернется от того, кто нуждается в помощи. Он спас ей жизнь, когда она была для него никем, и готов был

вырваться из Друхиэля, не имея ни малейшего представления о том, что ему предстоит, кроме того, что это может помочь ему отомстить ему за погибшую подругу.

‘Ты - загадка, Готрек Гурниссон’, - сказала она. ‘Мне кажется, я никогда не встречала никого, кто бы так безрассудно относился к своей жизни, как ты, но кто, похоже, не обижается, когда его просят рисковать ею’.

Готрек мрачно оскалился, и его настроение вновь улетучилось. ‘Это утверждение меня возмущает, девчуля’, - усмехнулся он. – ‘Никогда не рисковал.’

Они подошли к воротам, черный железный дуб был отброшен в сторону, каждая створка, словно пьяная, прислонилась к косяку. Амара заглянула на улицу внутри. Это был пустой проспект, вдоль которого стояли высокие здания с плоскими фасадами, облицованные бледным известняком. Сразу за воротами стояла заброшенная караулка, на полу засохла лужа крови. Улица, тянувшаяся от них, была завалена пылью, осколками камня, ржавеющим оружием и обрывками ткани.

‘Похоже, здесь прошла целая армия’, - сказал Готрек. Его голос пронесся вдоль улицы. Он шел целеустремленно, ничуть не опасаясь. Он наклонился, чтобы поднять зазубренный меч. ‘Кто-то, по крайней мере, устроил драку, но я не вижу трупов’.

‘Готрек!’ зашипела Амара. Она внимательно осматривала верхние этажи зданий, возвышавшихся над ними. ‘Говори тише, ты похож на булгора, ревущего во время атаки’. Она вздохнула. Он во многом был похож на ребенка, самоуверенный и импульсивный, и было почти невозможно сказать ему, что делать, независимо от того, будет ли это для его же блага или нет.

Она поняла, что все еще держит в руке раздробленную человеческую кость. Она с досадой прислонила ее к стене караулки, стараясь не издать ни звука. Каждый звук их шагов гулко отдавался от стен улицы, и даже дыхание, казалось, отдавалось неприятным эхом. Прижавшись к стене, Амара проскользнула вперед, а Готрек решительно зашагал по центру дороги.

Его слова оказались правдой - похоже, что по Кранзиннпорту прошла целая армия. На улицах валялись обломки, разбитые двери и окна,

брошенное оружие и доспехи. Очевидно, что у ворот шли ожесточенные бои, но даже окна верхних этажей жилых домов были выбиты, а высокие спиралевидные башни почернели. Следы войны, но и кое-что еще - густой, склизкий мох, растущий между камнями, и болезненного вида плющ, взбирающийся по стенам. Куда бы она ни повернулась, всюду витал запах гнили и экскрементов, а также сладковатый аромат гниющей плоти. Но куда бы она ни смотрела, Амара не увидела ни одного тела. Кто-то, возможно, выжившие в Кранзиннпорте, похоронил или сжег их. Или, подумала она с мрачным содроганием, *кто-то забрал их с другой целью.*

'Здесь ни души', - сказал Готрек.

'И я сомневаюсь, что многие могли сбежать, если эти твари охраняли вход на прибрежной дороге', - согласилась Амара. 'Вспомни, что сказал бармен в Друхиэле: из Кранзиннпорта давно не было вестей'.

Готрек подергал себя за бороду и нахмурился. 'Тогда где же все? Мне больно признавать этм, девчуля, но я думаю, что ты права - эти чертовы морские аэльфы здесь не виноваты'. Он провел большим пальцем по лезвию своего топора.

'Как жаль, черт побери'

Проспект тянулся дальше, к открытому пространству впереди - рыночной площади, так же заваленной обломками. Вход на площадь с улицы преграждали остатки баррикады - хлипкой преграды из разбитых бочек, деревянных досок, стульев и столов какой-то таверны. Это напомнило Амаре о костре, который соорудили для нее в Ксил'антосе. На мгновение она вновь ощутила жар пламени, запах дыма, и пот выступил на лбу. Она вытерла лоб. Барьер здесь был разрушен и представлял собой не более чем разлетевшиеся на куски обломки, покрытые коркой засохшей крови и высохшей слизи. Когда она остановилась, чтобы осмотреться, крылатый мотылек размером с ее кулак поднялся с дерева и легко полетел, трепеща, как тряпка, подхваченная ветром, и устремившись на север.

Раздался хруст камня и резкий скрежет вынимаемой из ножен стали. Амара обернулась и увидела стрелу, направленную на нее из окна наверху. К ней присоединились еще две - луки держали женщины с сердитыми, ожесточенными глазами, их длинные волосы были убраны назад. Амара медленно повернулась и посмотрела на другую сторону

улицы, где из разбитых окон высунулись трое мужчин с мечами и топорами в руках. Двое из них были пожилыми, с суровыми и мрачными лицами, а второй был моложе, едва ли достаточно взрослый, чтобы начать бриться. Их лица были измазаны грязью, одежда изорвана и запылена, и, похоже, они давно не ели. Готрек стоял с надменным выражением лица, небрежно опираясь на свой топор, словно все это его ничуть не волновало.

‘Мы не желаем зла’, - сказала Амара. Она подняла руки вверх.

Дверь распахнулась на разболтанной петле, и из тени вышел человек с всклокоченной бородой и копьем в руке. Амара узнала выражение его лица. В нем был гнев, но его перевешивало горе. Она подумала, что если бы посмотрелась в зеркало, то увидела бы то же самое.

Мужчина спустился на улицу, наконечник его копья был направлен прямо на нее.

‘Мы союзники’, - сказала Амара, глядя ему прямо в глаза. ‘Я клянусь.’

‘Я буду судить об этом’, - сказал мужчина. ‘И если посчитаю иначе, вы оба умрете на месте’.

ГЛАВА 10

Воспоминания

Они повели Готрека и Амару вглубь улиц, двигаясь быстро и бесшумно, с поднятым оружием. Они вышли из сторожки в узкий переулок, идущий вдоль городских стен, и при каждом шаге Амара чувствовала, как острие копья слегка упирается ей в спину. На ходу она взглянула вверх. Крепостные стены над ней были местами разрушены, а зубцы напоминали выбитые зубы. На булыжниках лежала засохшая слизь. Она рискнула взглянуть через плечо на бородатого мужчину, но не смогла разгадать его намерений. Он был похож на человека, который дошел до такого состояния только благодаря тому, что сначала убивал, а потом сомневался в себе. Остальные держали мечи и луки наготове, двое из них шли впереди, постоянно осматривая крыши в поисках угрозы.

Амара посмотрела на Готрека, но дуардин по-прежнему выглядел беззаботным. Возможно, это были отчаявшиеся люди, доведенные до

предела своих сил, но, насколько она могла судить, это были мирные жители, и она сомневалась, что Готрек видит в них какую-то угрозу. Если он и пошел, пока они вели их дальше в город, то только из легкого любопытства, чтобы посмотреть, чем все это закончится. Он был загадкой, подумала она. Невозможно предугадать, что он будет делать в тот или иной момент, как отреагирует на что-либо.

Они подошли к краю открытой площади. Одна из женщин с луком, худая, с всклокоченными черными волосами, с таким осунувшимся лицом, что оно казалось высеченным из камня, осторожно заглянула за угол. Площадь была пустынна, местами захламлена опрокинутыми ящиками, разбитыми бочками, обрывками грязной ткани. Аквалит в центре был сухим и заросшим сорняками. Слева от них находился разбитый дверной проем, из которого открывалась лестница, ведущая вниз, видимо, в кладовую или подвал. Человек с дернул головой в сторону двери.

"Сюда, вниз", - сказал он. Он быстро окинул взглядом пустую площадь, а затем повел их к лестнице.

В подвале было темно и грязно, грубый каменный пол был покрыт пятнами масла, а единственный свет проникал через зарешеченное окно в стене. В воздухе пахло несвежим пивом и пролитым вином; похоже, это кладовая таверны, подумала Амара.

'К стене', - пробормотал мужчина. Он сделал быстрый взмах копьем.

Амара сделала то, что он сказал, и с поразительной беспечностью Готрек сделал то же самое. Мужчина слегка отступил назад, держа копье наготове, его товарищ с выхваченным мечом стоял рядом. Амара прекрасно видела, что обе женщины держат луки наготове, тетивы натянуты, стрелы наложены.

"Что привело вас сюда?" – требовательно спросил он. "Кто вас послал? Они? Говорите, или, клянусь, мы порубим вас на месте".

'Мы здесь, чтобы помочь', - сказала Амара. Она раскинула руки. 'Мы были в Друхиэле не более трех дней назад, и видели кое-что из того, что постигло и вас здесь'.

'Что ты имеешь в виду?' - спросил мужчина. Он бросил взгляд на Готрека, который все еще стоял, покрытый слизью. 'Что ты знаешь о том, что поразило нас в Кранзинпорте?'

‘Ужасные болезни’, - сказала Амара. ‘Люди мутируют под воздействием отвратительных инфекций, сходят с ума, становясь скорее чудовищами, чем людьми. Мы видели, как обычные люди в мгновение ока превращались в бездумных убийц, стремящихся распространить свою зараху на всех, до кого смогут дотянуться’.

Одна из женщин слегка опустила лук. Она посмотрела на мужчину с копьем, на ее лице отразилось беспокойство. Амара продолжила.

‘Они поклоняются Алариэлль’, - сказала Амара. ‘Их священное дерево заболело, заразилось или мутировало. Что бы это ни было, дерево напало на людей, стало распространять какую-то страшную болезнь. Мы слышали, что подобная болезнь поразила леса в этом направлении. Некоторые люди, которых мы встретили в Друхиэле, говорили, что сам Кранзинпорт был покинут’.

"Он не покинут!" - воскликнула другая женщина. Ее стрела, наложенная на тетиву, была направлена прямо на Готрека. ‘Мы все еще здесь, не так ли? Сигмар знает, мы все еще здесь!’

‘Если ты и дальше будешь направлять на меня эту чертову стрелу, то, возможно, ненадолго’, - хмыкнул Готрек.

‘Это вопрос времени, Одгер!’ - закричала женщина. ‘Посмотри на него, он заражен. Он обратится, как обратился Фарроуэй, и тогда будет слишком поздно. Убей его сейчас же!’

‘Погоди, Меросис’, - сказал мужчина, которого она назвала Одгером. ‘Мы не знаем, так ли это, как было у Фарроуэя, пока не знаем.’

‘Что случилось с Фарроуэем?’ быстро спросила Амара. Выигрывая время, лишь бы отвлечь их еще на мгновение.

Одгер опустил копье на дюйм. По его лицу пробежал спазм боли. Он провел пальцами по бороде, глаза его были отрешенными, как будто он снова вспоминал слишком мрачную для него сцену.

‘Дай угадаю’, - сказал Готрек. Из его голоса исчезла грубость. Амара почти могла бы сказать, что он говорил по-доброму. ‘Он подхватил какую-то инфекцию, и тебе пришлось с ним повозиться’.

‘Этот человек был моим другом’, - отстраненно сказал Одгер. ‘Я знал его всю жизнь. И мне пришлось так поступить с ним...’

'Убей их', - сказала женщина по имени Меросис. Она натянула тетиву. 'Убей их, Одгер, мы не можем рисковать. Посмотри, в каком состоянии дуардин, он весь в этой грязи'.

'Я могу за него поручиться', - сказала Амара. Она протянула руки, чувствуя холод в глубине живота. 'Ты ведь знаешь, что дуардины гораздо выносливее людей, и поверь мне, для того, чтобы свалить его, потребуется что-то гораздо большее'.

'Одгер, мы зашли так далеко', - прорычала Меросис. 'Сигмар знает, что нам пришлось совершить ужасные поступки, чтобы остаться в живых, и мы не можем рисковать, оставляя в живых их. Они могут быть шпионами, откуда мы знаем'.

'Разве мы похожи на чертовых шпионов?' Готрек расхохотался. 'Даже я могу признать, что сейчас мы не очень-то вписываемся в окружающую среду, а? '

'Давайте все успокоимся', - сказала Амара. 'Вы боитесь, это понятно, но мы не шпионы, а Готрек не заражен. Мы просто хотим знать, что здесь произошло'.

'Готрек, таково твое имя?' Одгер опустил копье еще на дюйм.

'Да. Готрек Гурниссон, хотя, как по мне, чертовски нагло спрашивать имя гнома с нацеленной в него стрелой'. Он оглядел тесный, вонючий подвал, суровые лица, которые были обращены к нему. Он пожал плечами. 'Хотя, учитывая то, через что ты прошел, я готов это простить. Ничего более честного я сказать не могу'.

'Я - Амара Фиделлус', - сказала Амара, показывая пустые ладони. 'Я без оружия'. Она проигнорировала насмешливое фырканье Готрека. 'Вы видите, что мы не желаем зла.'

'Одгер, я клянусь...' - сказала Меросис. Амара услышала скрип тетивы. Другая женщина медленно шагнула вперед. Она была моложе Меросис, ее грязные светлые волосы спутались на лице. 'Сигмар' - прошептала она. Она протянула Амаре руку. Амара почувствовала, как рядом с ней напрягся Готрек. 'Смотрите все'.

Она взяла руку Амары в свою и осторожно оттянула рукав рваной мантии. На внутренней стороне запястья Амары виднелась татуировка: знак Гхал Мараза, молота Сигмара. Знак боевой жрицы.

Видите, - сказала женщина. Она посмотрела в глаза Амаре и улыбнулась. 'Они говорят правду. Я знаю это'. Она повернулась к Одгеру. 'Сигмар послал их. Они на нашей стороне'.

'Баффин...' - начал было Одгер, но через мгновение напряженного молчания горе и гнев в его глазах сменились унылым смирением.

'Опустите оружие', - устало сказал он.

Меросис, борясь с гневом, опустила лук.

'Меня зовут Одгер Пеллин', - сказал мужчина. Он горько рассмеялся, опираясь на копье. 'И я полагаю, что должен приветствовать вас в Кранзиннпорте, или в том, что от него осталось.'

'Что здесь случилось?' - спросила Амара.

Одгер покачал головой. 'Не здесь', - сказал он. Он обратился к Меросис. 'Разведай и посмотри, не поджидает ли нас что-нибудь на другой стороне площади. Он в последний раз взглянул на Амару и Готрека, как будто все еще взвешивая решение. 'Сначала мы уйдем в более безопасное место. Не стоит попадаться, если эти чудовища все еще поблизости'.

Они вышли из подвала, и выжившие повели их по краю площади, стараясь не идти по открытой местности. Углубившись в улицы, они побежали трусцой, осматривая углы, пробираясь через разрушенные здания, постоянно проверяя крыши и тянущиеся по обе стороны переулки. Куда бы она ни посмотрела, Амара видела на развалинах следы порчи. На стенах лежали кучи гниющих листьев, из растрескавшихся камней вырывались побеги гнойно-желтых папоротников, по аллеям ползла пронизывающая аммиачная вонь. В воздухе на высоте головы проносились толстые зеленые мухи. Темные фигуры, которые, как она надеялась, были просто крысами, уползали в сточные канавы. На земле были клейкие пятна грязи, которые все выжившие старались избегать. Амара бежала туда же, куда и они, стараясь запомнить маршрут к воротам, чтобы в случае необходимости вернуться. Она смогла убедить их доверять ей и Готреку, но сама не могла им полностью довериться, пока не узнает, что здесь происходит.

Они добрались до того, что, должно быть, когда-то было губернаторским особняком или зданием совета на другой стороне вымощенного

плитняком участка. Это была просторная резиденция с высокими окнами и остроконечными арками, а также высокой двойной дверью, открытой на вершине невысокого лестничного пролета. По обеим сторонам двери, поддерживая антаблемент, стояли статуи - кариатиды, изображающие женщин-воинов с пустыми лицами, вооруженных трезубцами и сетями. Лестница была испещрена сколами и трещинами, и Амара увидела, что все окна разбиты.

‘Сюда’, - сказал Одгер. Он стоял у двери и осматривал улицу, пока остальные пробирались внутрь.

Зал был покрыт обломками. Здесь были опрокинутые статуи, куски штукатурки, упавшие с потолка, разбитые ящики и корзины. Они прошли дальше вглубь и поднялись по винтовой лестнице на верхний этаж. Затем вышли в длинный коридор, дальний конец которого был забаррикадирован, а за ним находилась еще одна дверь. У баррикады стояли двое молодых людей с копьями в руках, и при виде новоприбывших у них расширились глаза. Амара поняла, что они не всего лишь дети.

‘Ваткин’, - сказал Одгер. ‘Скажи Айбелу, что мы вернулись. И скажи ему, что с нами несколько новых друзей’.

Помещение за этими дверями выглядело так, словно когда-то здесь проходили дебаты или совещания. Длинный стол из полированного болотного красного дерева был отодвинут в сторону и завален теми немногими припасами, которые удалось собрать выжившим. В решетке на дальней стороне потрескивал слабый огонь, давая лишь немного тепла. У противоположной стены стояли ведра с водой, а к отверстию в потолке вела лестница. Еще несколько мужчин и женщин стояли у разбитых окон, наблюдая за площадью. Некоторые из них выглядели молодыми и энергичными, другие были постарше, средних лет, изможденные тяжелыми условиями выживания в городе, который уже умер.

‘Здесь проходило заседание Комитета по торговле’, - сказал ей Одгер. ‘Сколько раз я сидел на заседаниях в этой комнате и дремал от скуки, не могу упомнить. А теперь посмотрите-ка...’ Он повернулся к Готреку. ‘Можешь привести себя в порядок вон там’, - сказал он, указывая на угол комнаты. Там стояла жестяная ванна, несколько ведер с водой и грубая

простыня для уединения, но Готреку она была не нужна. Он встал в углу и отмывал слизь с кожи, ворча и кряхтя от холодной воды, и расчесывал бороду и ирокез своими короткими пальцами.

Остальные столпились вокруг костра. Когда Амара поделилась тем, что осталось от сушеной еды, купленной ею в Друхиэле, они с жадностью набросились на нее.

‘Это все, что от вас осталось?’ - спросила она, оглядывая разрозненных выживших. ‘Неужели в городе больше никого нет?’

“Нас больше”, - сказал Одгер, посмотрев на часовых у окон. ‘Не могу сказать, сколько именно, но мы стараемся не собираться большими группами. Легче оставаться в безопасности, если тебя не могут обнаружить”.

‘В Уорренсе есть группа Брискера’, - сказала Меросис. ‘Келтер и несколько резервистов из гвардии были на кожевенных дворах на северной стороне”. Она покачала головой, и ее волосы упали на лицо. ‘Хотя я уже давно ничего о них не слышала.’

‘Брискер’, - сказал Одгер со слабым смешком. ‘Чтобы избавиться от этого старика, нужен не просто конец света. Он крепче, чем те каменные лепешки, которые он когда-то пек”.

‘Что здесь произошло?’ спросила Амара.

‘Это началось... не знаю, как давно’. Одгер опустился рядом с костром. Он выглядел измученным. ‘Однажды в конце дня все побережье накрыло темное облако. Больше, чем грозовая туча, если вы можете себе это представить, - что-то темное и неземное, катящееся по воде и сверкающее зелеными молниями. Мы все видели, как оно поднималось из моря, далеко-далеко над водой. Сначала думали, что это кракен, хотя, как говорят, это всего лишь легенды. Прошло немало времени, прежде чем люди поняли, что это остров, кусок суши в двадцати милях от берега. Он был скрыт слоем тумана, так что разглядеть его было невозможно, но можно было понять, что он там есть. У всех было дурное предчувствие. Потом начался дождь. Он тоже не был естественным. Он вонял, как болотная вода, и там, где он касался травы или деревьев, они начинали умирать. Все знали, мы как-то понимали, что это плохое предзнаменование, все. Боги...’ - Он уставился на слабое пламя в камине.

‘Если бы мы только знали, насколько дурным было это предзнаменование. Этот город пережил набеги орруков и нападения работоторговцев на наши стены. Мы пережили все, что на нас обрушивалось. Но это...’

‘Кто-нибудь пробовал подплыть к этому острову, исследовать, посмотреть, что там есть? ’ - спросил Готрек. Он вытер лицо грязной тряпкой и подошел к камину. Одгер освободил для него место, и Готрек присел на корточки, грея ладони. Когда они сидели бок о бок, Амара не могла не отметить контраст между жилистыми, недокормленными людьми и задумчивым дуардином с бычьей шеей. Он, может быть, и был им по грудь, но она была уверена, что он мог бы разорвать их всех пополам, не проронив ни капли пота.

‘Некоторые так и сделали’, - продолжал Одгер. ‘Несколько рыбаков отправились на своих лодках на разведку. Но они не вернулись’.

‘Люди начали болеть’, - сказала Баффин. ‘Так же, как деревья и трава начали увядать - наверное, поэтому он и называется Остров Увяздания. Кажется, он ничего не приносит в город, кроме болезней’.

‘Все началось с кашля, ’ - добавил Одгер. ‘Сначала легкий, потом с течением дня становился все сильнее и сильнее. Дошло до того, что к вечеру у людей, страдавших от него, воспалялись легкие. Мы пытались поместить их в карантин, но когда все растения и урожай на полях начали гнить и появились все эти насекомые, то мухи, похоже, еще больше распространили болезнь. Люди находили личинки, вырывающиеся из их кожи, и кашляли зеленой слизью, которая... В общем, что бы это ни была за чума, она пронеслась по Кранзиннпорту. Но не всех убила, не совсем. Некоторые начали... Они начали *меняться*’.

‘Да’, - прорычал Готрек. “И я могу представить, что из этого вышло”.

Амара наклонилась вперед. ‘Мы видели нечто подобное в Друхиэле’, - сказала она. ‘Те, кого заразило дерево, начали мутировать’.

‘Дар Нейглена, вот что это такое’, - вклинилась Меросис. ‘Наросты, нарывы и раковые опухоли, и все, что с ними связано. ‘Боги,’ - прошипела она, поворачиваясь к Одгеру. ‘Если Друхиэль теперь заражен, то кто же остается? Ксил'антос? Все побережье утопает в ней, и

сколько еще времени пройдет, прежде чем Живой город окажется на пути этой чумы? У нас нет шансов, никаких! Нас ждет только смерть!'

Несмотря на твердое молодое лицо, Амара видела, что в ее глазах блестят слезы. Она была на грани отчаяния, и не было ничего более опасного в подобной ситуации.

"А как же люди?" - спросила Амара. 'Что с ними случилось?'

'Пришли корабли', - сказал Одгер. Он оторвал нитку от своей грязной туники и бросил ее в огонь. 'Они обстреляли город из своих пушек и разрушили большую часть зданий. В пушечных ядрах тоже *что-то* было. Мухи, витающие в воздухе, клещи, впивающиеся в кожу. Люди сходили с ума, повсюду царила паника. Некоторые пытались бежать, но дорогу на побережье преграждали те чудовища, которых вы видели. Они слетались и срывали людей с дороги, а потом уносили их в свои гнезда. Сигмар знает, что с ними стало после этого".

'Я полагаю, что в них откладывали яйца', - резко ответил Готрек. 'Не самый не самый приятный способ умереть".

Амара бросила на него осуждающий взгляд. Дуардин невинно пожал плечами. Одгер покраснел, ему стало плохо, но он взял себя в руки. Он был совершенно измотан стрессами выживания, но в нем еще оставался твердый стержень, который поддерживал его. Ярость, ненависть, кровожадное желание продолжать - что бы это ни было, он еще не был готов сдаться.

'Как только корабли заняли гавань, пришли налетчики. Пираты, грабители, совершенно безжалостные, и все они тоже были тронуты Даром Нейглена. Более чем затронуты. Если когда-то они были людьми, то сейчас я не знаю, кем они стали. Монстры, как я их называю, - огромные, громоздкие твари, вооруженные до зубов. В них нет жалости, ни капли, и они *смеялись*, когда рубили нас".

'Мы нужны были им живыми', - добавила Меросис. Она откинула ногтями волосы со лба. Щеки ее были впалыми, под глазами залегли темные круги. Я видела, как они схватили мою мать и отца, как их повалили на землю в сетях, заковали в цепи и потащили к своим кораблям". Она поморщилась и провела ногтем большого пальца по лезвию кинжала.

"Моя жена, - сказал Одгер. 'Мой сын...' Он огляделся вокруг, но не смог смотреть в глаза остальным. 'У каждого из нас есть похожая история, о тех, кого у нас забрали. За полдня до твоего прихода была облава, но мы спрятались от нее, и нас не нашли. А вот про других не знаю. Может быть, именно это и случилось со всеми Келтерами?'

'Почему вы не попытались уплыть через гавань, чтобы спастись? '- спросил Готрек. 'В таком месте, как это, должно было быть довольно много лодок'.

'Гавань с самого начала была заблокирована этими кораблями", - сказала Баффин. Она вытерла глаза тыльной стороной ладони. 'Некоторые пытались, но до гавани очень далеко. Корзиночные лифты создают слишком много шума, а если спускаться по туннелям...'

'В туннелях есть твари', - сказал Одгер. 'Какие-то чудовища, будто из кошмаров. Мы здесь в ловушке. Ждем, просто ждем, когда налетчики вернутся и заберут всех остальных. Но по какой причине, знает только Сигмар'.

"А если он знает, ' - пробормотала Амара, - 'то не говорит". Она посмотрела на Готрека, увидела блеск в его глазах, массивную челюсть под кроваво-красной бородой. 'Это игры богов', - сказала она Одгеру. 'И это несчастье Кранцинпорта - быть втянутым в них'.

'Ты - жрица Сигмара', - сказала Баффин. Она протянула руку и коснулась запястья Амары, снова посмотрела на татуировку молота с чем-то похожим на благоговение. 'Разве ты не пришла сюда, чтобы помочь, принести городу милость Сигмара? Ведь мы благочестивые люди в Кранциннпорте, клянусь! Мы поклоняемся Сигмару во всем!' Она повернулась к Одгеру, почти умоляя. 'Скажи им, что это так!'

Амара отдернула запястье. 'Я не жрица', - сердито сказала она. Она вздохнула и провела ладонью по волосам. 'И я не знаю, какая судьба привела нас сюда, но я в долгу перед этим дуардином. Я буду с ним до тех пор, пока мой долг не будет уплачен, и если не ошибаюсь, то могу сказать, что Готрек тебя не подведет. Мы поможем, чем сможем, даже если для этого придется отправиться на Остров Увядания. Что касается меня, то я не собираюсь сидеть сложа руки и смотреть, как простые люди терзаются по прихоти божеств'.

Готрек нахмурился и повернулся лицом к костру. Амара видела, как пламя отражается в руне на его груди, в черном глазу, прищуренном на мерцающем свете. Он ничего не сказал, несмотря на все взгляды, обращенные на него, и надежду, которая так ясно светилась в них.

‘И всё же, - сказал Одгер. ‘Мы ничего не можем сделать в данный момент. Наступают сумерки, а с наступлением темноты всегда становится опаснее. Нам нужно отдохнуть". Он устало улыбнулся. ‘Еда, которую вы принесли, и ощущение того, что мы не совсем одни, были большим подарком, чем вы думаете. На рассвете мы можем показать вам вход в портовые туннели и корзиночные лифты, и, должен вам сказать, вы возьмете свои жизни в собственне руки".

‘Утром будем думать об этом’, - сказала Амара. Она встала от костра и поискала угол, где можно было бы прилечь поспать. Проходя мимо Готрека, она бросила на него настороженный взгляд, но дуардин молчал, уставившись в пламя, которое то мерцало, то угасало.

Прошло несколько часов, прежде чем она уснула, завернувшись в свои одежды и сложив голову на голые половицы. Ей казалось, что она совершила какой-то проступок, предложив им помощь от имени Готрека. Насколько хорошо она вообще знала этого полусумасшедшего дуардина? И почему она так уверена, что он беспрекословно поможет этим людям? Амара ожидала, что он разразится гневом, услышав рассказы этих людей, но, похоже, эти рассказы не вызвали у него ничего, кроме глубокой депрессии. За ту неделю, что она провела в его обществе, Готрек показался ей капризным, непредсказуемым и совершенно непостоянным. Его охватывали такие бурные настроения, что они грозили лишить его рассудка, но затем так же быстро исчезали и отправляли его совсем в другое русло. И все же, какая бы сила ни была в нем, она знала, что она направлена на добро, а не на зло. Готрек не был идеалом идеального чемпиона - он выглядел как боров и, конечно, вонял как боров; он много пил и был способен на самую поразительную жестокость. Но подобные случаи, когда обычные люди оказывались в темной паутине, созданной не ими самими, выводили его из себя как ничто другое. Было ли это просто разочарованием, что морские аэльфы явно не были замешаны в этом? Неужели он надеялся расправиться с ними в отместку за смерть Маленет, а затем...

‘Нет’, - внезапно поняла Амара. Она перевернулась на бок и увидела, что Готрек сидит, ссутулившись, в углу комнаты, его здоровый глаз закрыт, а топор лежит на коленях. Он не просто хотел утопить свою боль в жестокости по отношению к тем, кто убил его подругу. Он хотел умереть, сражаясь с ними, а она словно отняла у него этот шанс.

ГЛАВА 11

Обряд

На остров опускалась ночь. Небо, опускалось на его долины и хребты, укрывало, как одеялом, гнилые джунгли, и багровело, как синяк. Оспий знал, что именно в это время Дедушка всегда был ближе всего к тем, кто его любил. Это был священный миг, та грань дня, когда он сменяется вечером, когда гниль ночи окутывает сумерки, чтобы затем вновь забрезжить новым и неизменным рассветом. Это был священный цикл Нургла, записанный в самих звездах, в прохождении сфер Владений, когда они давали свет и тень всем живым существам под ними. И все живое должно умереть, и сгнить, и возродиться заново, повторяя цикл снова и снова, до бесконечности.

Пленники, которых они захватили в Кранзиннпорте, неуклюже брели по грязной дороге из гавани, следуя сквозь густые деревья. Странные существа, покрытые нарывами, беспокойно скользили по верхним ветвям. С распутившихся ночью цветов взлетали раздувшиеся мухи, оставляя за собой вонь рвоты. Гнилостные мухи, их более крупные собратья, шумно вились под пологом деревьев. Тут и там с ветвей свисали светильники, дающие зеленое свечение и отбрасывающие жутковатые отблески.

Пленники визжали и рыдали от ужаса, когда их гнали по дороге. Некоторые из них бросали испуганные взгляды на культистов Черверодий, охранявших их по сторонам с кнутах и трезубцами, отчаянно ища хоть намек на человеческие чувства, чтобы избавить их от этих мучений. Некоторые из пленников лишь горестно плакали, смирившись с тем, что их ожидает мрачная судьба. Оспий, шедший позади, хотел успокоить их: все мрачно лишь настолько, насколько они боятся. На самом деле, если бы они только увидели, насколько замечательным было то, что они здесь делают. Они должны радоваться,

пробираясь сквозь джунгли. Они должны танцевать и петь хвалебные гимны, смеяться и шутить между собой, стремясь поскорее достичь цели, зная, что все они вместе участвуют в столь радостном предприятии.

Увы, - со вздохом подумал Оспий. Никто так не слеп, как те, кто не видит.

Через полмили дорога вышла на широкую поляну, ярдов пятьдесят в поперечнике. Деревья и кустарник, окружавшие ее, шелестели от движения, от видящих ночью глаз, жаждущих наблюдать за празднеством. Светильники, висевшие на высоких витых деревьях, освещали поляну почти как днем, и пленники с мучительной болью узрели то, что предстало перед ними.

‘Нет! Ради Сигмара, пожалуйста!’ - закричал один из них, дряхлый старик, который, конечно же, был слишком близок к естественной смерти, чтобы отказать себе в этой возможности. Он боролся с цепями, пытался оттащить себя, но тут один из культистов со всей силы ударил его в висок. Старик обмяк в своих путах и жалобно застонал.

Пойдемте, пойдемте, - хотел сказать им Оспий, но он все время помнил о своем положении. Разве можно так себя вести? Проявите достоинство, друзья мои!

Перед ними, почти такая же большая, как и сама поляна, была открытая яма, в которой были свалены тысячи гниющих трупов. Конечности торчали из развороченной массы. Тянулись в агонии руки с черными ногтями. Обмякшие тела вздымались и опускались под давлением разложения. Из-под поверхности поднимались пузыри ихора, источавшие смертельный смрад.

С другой стороны ямы на краю ползало с дюжину пухлых существ, похожих на бескрылых гнилостных мух. Их лупоглазые глаза были покрыты слизью, а вместо хоботка у каждого был пупырчатый мешок, усеянный бородавками.. Один за другим они кашляли и извергали в яму струи пенящейся зеленой жидкости, которая лилась на трупы. Там, где жидкость касалась мертвой плоти, те начинали дымиться и растворяться. Вонь стояла неимоверная: смрад немытых ног, гнилых потрохов и поноса.

Крики прорезали ночь. Пленники извивались в своих путах и молили о пощаде, но пощады им не будет. Они были слишком важны. Разве они не видели? Они были необходимы для этого священного предприятия. Они выполняли работу для Нургла во Владениях Смертных.

Оспий взобрался на низкую каменистую платформу с другой стороны ямы и позволил себе на мгновение вдохнуть все эти запахи. Укрывшись под своим ветхим капюшоном, он закрыл глаза и погрузился в воспоминания. Он снова шагал в авангарде легионов Нургла, следуя за маршем Болатракса все те столетия назад, когда распространяющиеся миазмы окутали слабую зелень королевства Алариэлль.

Он снова увидел могучие рога Великого Нечистого, с которых капала грязь, гордо возвышающиеся на фоне темнеющего неба. Он снова почувствовал, как ядовитые дожди брызнули на его кожу. Они были так близки тогда, так близки... Но как сама жизнь течет, разлагается и рушится, так и надежды и усилия всех, кто служит Дедушке. Таков путь, его нельзя отрицать, каждое кажущееся поражение было лишь мгновением задержки грандиозного цикла. Когда колесо поворачивается, то, что было внизу, вновь поднимается наверх.

После поражения в Полосе Вечной Весны Оспий много веков прятался в болотах Тирии, планируя, замышляя и выжидая удобного момента для ответного удара. Не ради личной славы, и даже не ради шанса на победу над заблуждающимися врагами Дедушки, а лишь для того, чтобы прославить его самым возвышенным образом. В простой хижине, которую он соорудил из болотных корней и хвороста, он сидел и размышлял о высших тайнах. Долго размышлял он о природе изменений и распада, глубоко задумываясь над мифами и легендами, которые слагались о Дедушке в те века, когда еще не было Владений Смертных. В одиночестве, общаясь с Королем Всех Мух, заботясь о скромных существах, которых тот посылал ему в утешение, Оспий ждал, пока его бог не подаст ему знак. И вот, наконец, после долгих веков ожидания и молитв, однажды ночью, когда он лежал на своей простой кровати, ему явилось видение. Он увидел, как кипят моря и поднимается остров, давно затерянный в глубинах, - остров, который и сам был осколком Папы Нургла, покрытый кратерами гнили и такой же плодородный, как и Сад. Как когда-то по этим землям ступала нога деда, так и остался кусочек его ногтя, и из этого фрагмента могло возникнуть нечто чудесное.

Оспий видел, как с этого острова по морям разливается неистовство разложения. Он видел, как Роканийское побережье, Йска, а затем и вся Тирия поддаются этому приливу. Он видел, как в землях Гирана вновь вырастает Сад, как поднимаются новые армии, которые сметут все на своем пути, а во главе их встанет сам Дедушка, который поведет их всех за собой... Наконец Оспий понял, что он должен сделать. Он долго бродил по диким местам Гирана, неся свое послание, распространяя свою болезнь, пока не собрал учеников, которые помогли ему воплотить свое видение в жизнь.

Он вкусил Сад однажды, и теперь все вкусят его своим чередом.

Оспий вернулся к настоящему моменту. Крики пленников снова вторглись в его сознание, когда он сместил свой вес на посох. Свитки зашуршали на поясе, мешочки шлепнулись мокрой кожей о бедро. Он добродушно улыбался собравшимся пленникам, с ужасом взиравшим на яму. Несомненно, некоторые из них видели в зеленом рагу лица друзей и близких, что, конечно, объясняло их ужас, но Оспию сейчас было некогда терять время попусту. Как повар, следящий за своим котлом, он знал, что рецепт требует постоянного внимания, чтобы не испортить блюдо, а то, что он готовил здесь, было бесконечно важнее, чем простое угощение. На самом деле, подумал он, есть более подходящее сравнение: он здесь скорее акушер, чем повар, и подходил самый ответственный момент. Ему нельзя было терять ни минуты.

Он закрыл глаза, мысленно потянулся к нитям магии, которые здесь были настолько сильны, что почти оглушали его. Они были похожи на паутинные плетения, на скользкие от гнили нити сухожилий и мышц. Он почти чувствовал их вкус на языке.

‘А теперь’, - сказал он, и его голос загремел по поляне, перекрывая даже отчаянные крики пленников. ‘Давайте объединимся и возродим новую жизнь из старого разложения’.

Культисты двинулись вперед, грубо подталкивая пленников к краю ямы, хлеща их кнутами или избивая дубинами. Мужчины и женщины Кранзиннпорта кричали и умоляли спасти их, некоторые падали на колени и молились богу, который больше не мог их услышать. Не здесь, подумал Оспий. И не сейчас, когда мы собрались на этом осколке безграничной, радостной благодати Дедушки.

В ход пошли ножи. Перерезались горла, пробивались черепа, и тела одно за другим падали в варево. Крики поднимались над пологом джунглей, возбуждая гнилостных мух, которые танцевали и носились во влажном ночном воздухе. У края ямы пухлые твари извергали свою слизь на трупы, и пока плоть превращалась в тягучую массу, Желчный Оспий в священном экстазе плел свои заклинания. Кусочек за кусочком он выстраивал течение обряда. Невидимый для всех, кто мог случайно взглянуть на него, но ослепительный, как звезды, для самого Оспия, он протянул лестницу своей молитвы в пустоту и в глубины, соединяя каждую с каждой и давая Внуку ухватиться, чтобы вытащить себя из эфира.

Варево в яме булькало и пузырилось. Мерцающая масса трупов поднималась и опускалась, как прилив. Поверхность вспучилась, как огромный глаз, радужка которого была пронизана красными и зелеными полосами, но затем, когда Оспий использовал магию, мерцающую в воздухе, пузырь потух и опустился, и поверхность снова закипела, как кастрюля на медленном огне. Личинки пробирались сквозь нагноение, питаясь мертвечиной. Кровь дымилась в ночном тепле, а мухи шипели на лужах слизи.

Этого было недостаточно.

Оспий почувствовал, как в его брюхе вспыхнула ярость. Все эти пленники, которых они захватили в Кранзиннпорте, все эти перерезанные горла и все трупы, которые они бросили в варево, - и все равно этого было недостаточно! Пелена облепила лицо Внука и крепко держала, и какой бы яростный ритуал колдун ни творил, чтобы освободить его, потребуется еще больше этой священной мульчи. *Этот имбецил Коклюш!* внутренне бушевал Оспий, чувствуя, как невидимые узоры обряда снова сливаются с влажным воздухом. Он представил себе, как капитан и его пираты - Короли Порчи снуют по развалинам Кранзиннпорта, грабят и разрушают, пьют и веселятся, вместо того чтобы заниматься тем, что им приказано. Сколько людей ещё осталось в этом несчастном городе, которые по праву должны были бы гнить в этой яме? Холеракс был прав, этим пиратам нельзя было доверять. Где дисциплина, где срочность? Если бы не корабли Коклюша и не воины, которых он привел с собой, Оспий отправил бы его на тот свет еще несколько недель назад.

Он жадно и глубоко вдохнул зловоние, поднимавшееся от гниющих трупов. Правда, признал он, обряд оказался сложнее, чем он предполагал. Сколько бы трупов ни бросали в яму, всегда требовалось больше. Это была работа, даже подобием которой он еще никогда не занимался, и она потребовала от него всех его колдовских способностей, но почему тогда он должен был ожидать чего-то меньшего? Ему была оказана необычайная честь, и он не собирался растратить ее впустую.

Культисты гремели цепями, снятыми с пленников, и слонялись по поляне, ожидая дальнейших указаний. Он должен был немедленно отправить пиратов обратно, чтобы они выполнили порученное задание, и надеяться, что на этот раз последних выживших удастся собрать более эффективно. Уже несколько дней сферы находились в идеальном соединении, но скоро они разойдутся в космосе, и момент будет упущен. Пройдет сотня лет, прежде чем они снова сойдутся в единую картину, усиливая темную магию, к которой он обращался, а Оспий не мог ждать так долго. Не после тех столетий, что он уже провел в молитвах, прячась в болотах и умоляя Нургла подать ему знак. Внук родится во Владениях Смертных, и те постигнут муки, не имеющие себе равных. Он поклялся в этом.

Вдоль тропы, ведущей к гавани, раздался треск ломающегося подлеска. Оспий отпустил культистов, и на поляну торопливо вылетел лорд Холеракс, сидящий на Гнилокрыле и держащий косу на коленях. Ленивое биение крыльев мухи подняло россыпь мертвых листьев, блестящий крючок жала царапнул по грязи.

‘Ты выглядишь взволнованным, лорд Холеракс’, - сказал Оспий. Он спустился с каменной платформы, опираясь на свой посох. ‘Что-то случилось?’

‘Это еще предстоит выяснить’, - сказал Холеракс. Плоть его икр выпирала над ржавыми поножами, когда он сползал с седла. Его зоб вздрагивал, когда он ковылял к колдуну, а рот, который он прятал за нагрудником, издавал тихий щебет, который Холеракс заглушил шлепком щупальца. ‘Гнилотная муха вернулась от ворот Кранзинпорта’.

‘Твой зверь покинул свой пост? Очень необычно’, - нахмурился Оспий.

‘Если и так, то только из чувства самосохранения. Увы, при всей моей привязанности к этим благословенным созданиям, мухи - слишком

низкие, чтобы мы могли понять их до конца. Но, насколько я могу судить, вероятно, в Кранзиннпорте произошло восстание или нападение. Три мухи были убиты, и только четвертая сбежала, чтобы предупредить нас".

Оспий остановился на тропинке. Он пытался собраться с мыслями.

'Неужели это правда? Какая сила может быть способна на это, находясь столь близко? Я могу подумать только на Друхиэль, но они уже должны быть заняты своими заботами. Болезнь распространяется даже по опушкам и чащам их леса".

'Не знаю', - признался Холеракс. 'Но судя по невнятному бормотанию мухи, силы у них не больше патруля, и даже так...'

'Даже так', - согласился Оспий. 'Мы находимся на критическом этапе. Первые веточки Сада растут у нас под ногами. Мы не должны допустить их уничтожения, лорд Холеракс. Ты слышишь? Мы не должны!'

Он постучал пяткой своего посоха по земле, размышляя. На острове было собрано достаточно сил, чтобы сдержать атаку любого, кто достаточно глуп, чтобы пересечь залив и попытаться это сделать, но реальный риск заключался во времени, которое будет потрачено, прежде чем ритуал будет завершен. Они не должны отвлекаться, не сейчас.

'Скажи капитану Коклюшу, чтобы он отплыл со своими кораблями обратно в Кранзиннпорт, как только рассветет, ' - приказал он. 'Собери всех без исключения, кто остался в городе, и разгроми эти силы, кем бы они ни были. Отправляйся с ним, лорд Холеракс. Я хочу, чтобы за этим следил кто-то, на кого я могу положиться, а не доверять этим пьяным болванам".

Холеракс выхватил свою косу и отсалютовал. На мгновение Оспий увидел смертного генерала за дарами - бравого человеческого воина, жаждущего битвы и готового защитить свою честь.

"Это будет сделано, - сказал Холеракс. 'Я уничтожу глупцов, которые полагают, что могут задержать великое дело, да засвидетельствует мою клятву Дедушка!'

'Будь осторожен', - предупредил Оспий. 'Я бы не стал доверять предупреждениям Гнилой мухи, какими бы благими намерениями она ни руководствовалась. Не рискуй понапрасну, если эта сила окажется

более значительной, чем ожидалось. Ты понимаешь? Ритуал не должен быть прерван, ни на секунду".

'Я понимаю. Внук должен подняться ".

Оспий радостно улыбнулся. Он не волновался, по крайней мере не по-настоящему. Он верил во все, что они делали. Он еще раз постучал посохом по земле и оглянулся на яму.

'Внук должен подняться', - сказал он.

ГЛАВА 12

Долг чести

Солнечный свет дрожал в разбитых окнах, рассеянный и слабый. Одгер не спал уже несколько дней. Он не мог спать, не позволял себе такой роскоши. Сон приводил только к сновидениям, а сновидения сейчас были ему невыносимы. Лучше уж кошмарное бодрствование, когда все было именно так плохо, как ты знал. Сон давал надежду, а надежда была бесполезна против тех ужасов, которые, как он знал, таились на улицах Кранзиннпорта.

Он сменил Айбея на посту у окна уже за полночь. Он сидел и смотрел на площадь, проверяя входы на улицы с восточной и южной стороны, но в городе было тихо. Тишина, если не считать вечного гула мух, шелеста лоз, плотно облегающих колонны и портики зданий, хлюпающего звука чего-то тихо гниющего в переулках. В Кранзиннпорте никогда не было тихо. В лучшие времена здесь всегда можно было услышать широкий и гулкий зов моря у подножия скал. В детстве этот звук успокаивал его по ночам, но теперь он мучил его. Раньше море было источником щедрот города. Теперь же оно было лишь тяжелой дорогой, ведущей к гибели, той дорогой, по которой шли налетчики, пришедшие разорить его дом. Именно с моря начались беды Кранзиннпорта.

Когда посветлело, он заварил чай из морских водорослей и пожевал корку хлеба, ожидая, пока проснутся остальные. Дуардин Готрек, насколько он мог судить, тоже не спал. Он просто сидел, ссутулившись, в углу комнаты, его черный глаз сверкал в темноте, а топор лежал на коленях. Это было поразительно, но купание в кишках Гнилостной Мухи,

похоже, ничуть не повлияло на него. У любого другого к этому моменту было бы уже с десяток пузырей, кожа позеленела и покрывалась язвами, но если его что-то и заразило, то дуардин просто не обращал на это внимания.

Боги, но он был настоящим чудовищем. Одгеру казалось, что он никогда не видел, чтобы смертный был так мощно сложен. Его руки были похожи на говяжьи бока, огромные покатые плечи - на скалы, а лицом он выглядел так, словно всю жизнь открывал им двери. Его ирокез был жестким от животного жира, а бритые бока головы украшали татуировки в виде завитушек. Даже с ирокезом он не доставал до груди Одгера, но он чертовски быстро расправился с Гниlostными Мухами за городскими воротами - тварями, которые за две недели убили не один десяток хороших мужчин и женщин. Если уж он смог расправиться с этими монстрами, не напрягаясь, то что говорить о налетчиках и пиратах, обосновавшихся на Сстрове Увядания?

Он посмотрел на топор, лежащий на коленях Готрека. Это было ужасающего вида оружие с острым лезвием, но все же красивое и богато украшенное, как умеют делать только дуардины. Он подумал, сколько голов Готрек раскроил этой штукой. В скольких битвах он участвовал, в скольких кабацких потасовках и диких стычках? Одгер опасался думать об этом. Трудно было представить, чтобы Готрек хоть раз вышел из них проигравшим. А сколько чудовищ он вытащил из нор за все свое время? - задумался он.

Странное дело, но когда он смотрел на Готрека, то уже не испытывал такого страха.

Он отвернулся, покачав головой. Потягивая чай, он еще раз осмотрел улицу и укорил себя за то, что позволил прорасти хоть крупице надежды. К черту надежду. Если Сигмар и послал этих двоих, значит, выбрал чертовски странных чемпионов для спасения Кранзиннпорта. Нет, он не станет верить ни Готреку, ни этой злобной жрице с жестким лицом, утверждавшей, что ненавидит богов. Если они захотят увидеть туннели, ведущие в гавань, он покажет им их, но в остальное время он должен был думать об оставшихся в живых. Мухи исчезли с прибрежной дороги - пока что. Лучше вывести людей, пока есть возможность, и попытаться убежать в лес. Надеюсь, Сигмар, что в это время года не кишат жуки-боровики, что по вересковым пустошам не бродят стада зверолодей, а

в самом лесу нет ни гротов, ни одичавших дриад. Он мог попытаться спасти жизнь или две, но на Кранзинпорт надежды не было. Не было надежды ни для Мелиты, ни для Кловиса.

Он опрокинул в себя остатки чая, почувствовав острый горький вкус на языке. Он сжал переносицу, сдерживая слезы, грозившие вот-вот хлынуть из глаз.

Ни для кого из них не было надежды.

Но, помоги ему Сигмар, он все равно должен был *знать*.

У некоторых из них были травмы, полученные уже в процессе выживания: порезы, царапины, вывихи, сломанные кости, плохо вправленные. Амара ходила между дюжиной выживших с бинтами и лекарствами, купленными в Друхиэле, и помогала, как могла. У одного юноши, которого звали Ваткин, была серьезная рана на шее, в которую, к счастью, не попала инфекция. Амара вскипятила воду на плите, которую притащили в камеру, и промыла рану.

‘Ты здесь один?’ - спросила она мальчика. Он поморщился от боли, когда она провела мокрой тряпкой по его ране. Засохшая кровь запеклась и почернела, но ему повезло, что рана заживала чисто. ‘Ты знаешь, где твои родители?’

"Уехали, мисс", - сказал он. ‘Я не видел их уже несколько недель’. Его голос слегка дрогнул, но бледно-голубые глаза были твердыми, как камень, а лицо суровым, как у любого ветерана. Он уже выплакал все, что мог выплакать, поняла она. Она приложила к порезу свежую повязку.

‘Мне очень жаль’, - сказала она. ‘Право, я не могу выразить словами, как бы мне хотелось, чтобы с тобой этого никогда не случилось. Ни с кем из вас’.

Он бросил встревоженный взгляд на Одгера, который все еще стоял у окна, сжимая копье и глядя на улицу. ‘Как ты думаешь, что с ними происходит на острове?’ прошептал он. ‘Как думаешь, есть ли шанс, что они...’ Он покачал головой. ‘С тех пор Одгер не в себе. Я дружил с Кловисом, мы вместе ходили на рыбалку и охоту каждую неделю. Он хороший парень, суровый, как его отец, но порядочный и честный, а теперь это... Это нечестно. Если бы это случилось со мной’, - сказал он с

внезапным рычанием, - 'я бы дрался! Я бы дрался, пока меня не убьют за это'.

'Я не знаю, что с ними случилось', - сказала ему Амара. На сколько здесь приукрасить правду, сколько дать мальчику непреложных фактов? Она была уверена, что никого из тех, кого забрали из города, нет в живых, но последователи Бога Чумы были странными и непредсказуемыми, настолько же зловещими, сколь и удивительно веселыми, какими бы ужасающе мрачными ни были их дела. Кто знал, что они на самом деле делают со всеми этими людьми? Она обняла его за плечи, посмотрела ему в глаза, стараясь, чтобы он почувствовал искренность в ее голосе. 'Но я выясню, обещаю.'

Ваткин кивнул головой, его глаза остекленели, и все его внимание снова переключилось на ужасы внутри него. Он поднял копье и снова занял свое место у окна.

'Ну что, решила за нас?' прорычал Готрек, стоявший рядом с Амарой. 'Я никогда не говорил, что собираюсь плыть на Остров Увядания, во всяком случае, не ради этих людей'.

Амара убрала лекарства и перекинула рюкзак на плечи. Она встала и посмотрела в хмурый глаз Готрека.

'Конечно же, это так', - сказала она.

'Это правда?' Он оперся на свой топор, расставив ноги по обе стороны, словно предлагая ей попытаться сдвинуть его с места. 'Почему ты так уверена?'

'Иначе зачем мы здесь?'

'Я скажу тебе,' рыкнул Готрек. 'Я хотел перебить тех морских аэльфов, Глубокорожденных. Это не моя битва. Мистральские Пики далеко к северу отсюда, и мне нужно найти топор'.

Амара покачала головой. 'Я не поверю в это ни на минуту'.

Готрек выдержал ее взгляд, его губы скривились в жестокой усмешке. Он проверял ее, поняла она. Давит на нее, проверяя, насколько далеко зашло ее предложение о помощи и сколько оно стоит - если вообще хоть чего-то стоит. Если он решит отправиться на Мистральские пики, последует ли она за ним, пока ее долг еще не уплачен? Или же она

останется здесь и будет помогать этим людям, займет позицию, рискнет всем ради правого дела, и пусть боги проклянут ее в любом случае? Чего стоило ее чувство долга?

‘Ты никогда не искал этот топор’, - сказала она. ‘Может быть, ты и считал, что искал, но это было лишь оправданием’.

‘Ты так хорошо меня знаешь, да, девчуля?’

‘Топор Гримнира?’ - сказала она. ‘Если он вообще существует, то это артефакт необычайной силы, реликвия утраченной эпохи...’

‘Реликвия потерянного мира, - хрипло сказал Готрек.

‘Неужели это то, в поисках чего ты пришёл в Гираны? Ты бродил по диким местам в надежде, что оно может найтись, и надеялся, что туманные намеки на ложи Огнеубийц в Мистральских Пиках приведут тебя к цели? Это оружие бога, это все равно что мне охотиться за Гхал Маразом и отвлекаться на все, что попадается по пути. Это не имеет никакого смысла. Я ни на секунду не допускаю мысли, что ты действительно позволил бы себе отвлечься от поисков чего-то столь важного из-за жажды мести этим Глубокорожденным. Или жажды смерти’.

Брови Готрека нахмурились. Его голос, когда он заговорил, был похож на раскаты далекого грома.

‘Что ты знаешь о мести, девчуля? Или о смерти?’

‘Всё’, - выдохнула Амара. Она ткнула в него пальцем, голос ее захлебывался гневом. ‘И я знаю, что если топор Гримнира не является для тебя истинной целью, то и месть тоже. Во мне осталось достаточно от жрицы, чтобы заглянуть в твою душу, Готрек Гурниссон, и ты уже много лет ищешь способ умереть. Я вижу это. Но тебя по-прежнему волнует не только это, а нечто и гораздо большее. Невинные люди все еще страдают, все еще умирают, все еще используются как игрушки силами, которые они едва ли могут понять. И от этого никак нельзя отмахнуться. Я вижу это в тебе, Готрек. Ты воин, но ты не сражаешься только за себя. Если когда-то ты и сражался только для того, чтобы найти славную смерть, то теперь те времена давно позади’.

'А что же тогда ты, жрица?' - прорычал он. 'Ты говоришь, что боги покинули почитающих их людей, так что же, ты теперь сама собираешься встать на их защиту? Ты? Которая даже не возьмет в руки оружие, чтобы защитить себя, не говоря уже о ком-то другом?'

'Что-то вроде этого'. Она посмотрела на Ваткина, на повязку, которую наложила на его рану, и на остальных, раны которых она обработала бинтами и мазью. Она яростно кивнула головой. 'Да, почему бы и нет? Если страдают невинные, то сильные должны сделать все возможное, чтобы помочь. А помощь может принимать разные формы'.

Долгое мгновение Готрек пристально смотрел на нее. Несмотря на ярость в его глазах, Амара не сдавалась. Она поняла, что уже несколько месяцев не чувствовала такой уверенности в своих действиях. Она ощущала повисшую тишину в зале, напряжение, с которым выжившие ждали, что случится. И если Готрека они боялись от его природы, то к ней они испытывали другой страх, ибо кто осмелится так говорить с таким, как Готрек, если не готов подкрепить свои слова делом? Постепенно дуардин расплылся в улыбке.

'Что же', - пожал он плечами. 'Полагаю, это лучше, чем говорить невинным, что они просто кучка идиотов со всей своей верой'. Он откинул голову назад и разразился гогочущим смехом. 'Вот оно', - сказал он. 'Вот он, огонь, о котором я всегда знал. Ты все еще хочешь уплатить этот свой долг?'

'Да,' сказала она. 'Даголетец не может быть свободен, если у него есть долг перед другим. Я хочу, чтобы долг был возвращен'.

Готрек повернулся к Одгеру, который стоял на другом конце комнаты с копьём в руке и нервным выражением лица.

'Тогда пойдем. Если у тебя нет ничего крепче этого чая из морских водорослей, давай прервем этот завтрак и двинемся в путь. Ведите нас в эту вашу гавань'. Он хлопнул по земле топором, да так неожиданно, что все подпрыгнули, и оскалился в маниакальной ухмылке. 'Этот город уже достаточно пострадал.'

ГЛАВА 13

Зов веры

Они пересекали открытый участок группами по двое и по трое. Одгер и Баффин шли впереди, а Меросис подняла руку, чтобы придержать Готрека и Амару. Прижавшись к высоким двустворчатым дверям, Меросис наблюдала за тем, как Одгер перебегает на другую сторону и осматривает улицу, ведущую на юг, к краю города и морю за ним. Через мгновение он оглянулся и поманил их за собой.

'Пойдем', - сказала Меросис. 'И пригните головы. Никогда не знаешь, кто может наблюдать'.

Амара затянула застежку доспехов, которые дал ей Одгер, - потускневший серебряный нагрудник городского полка Вольных Гильдий. Меросис сжала меч и проверила щит на спине, а затем, пригнувшись, быстро повела остальных по камням. Амара, следуя за ней, как можно быстрее бросилась в укрытие разбитого фонтана на полпути, а Готрек довольствовался тем, что шел позади, закинув топор на плечо. Как будто он весь день рубил дрова в лесу и как веселый дровосек возвращался домой.

'Готрек!' - крикнула она. 'Укройся, черт возьми'.

'От чего?' буркнул Готрек. 'Эти улицы пусты, поверь мне на слово. А если нет...'

Он похлопал по своему топору. Амара покачала головой и оглянулась на Меросиса которая бежала в укрытие монастыря на другой стороне площади. Становилось все более очевидным, что Готрек просто хотел, чтобы враги нашли его. В этом не было нигилизма, не было отчаянного желания поскорее закончить бой, но что-то похожее на грубый прагматизм. Зачем тратить время на беготню по улицам, если можно было встать посреди площади и, не боясь прорычать свой вызов? Он не испытывал ни малейшего страха, что когда-нибудь проиграет.

Одгер умело вел их по южному кварталу города, выбирая не прямой маршрут, обходя жилые районы и пробираясь по закоулкам и проходам, где их вряд ли могли увидеть. Земля под ногами была залитой темно-зеленой слизью, а фасады зданий, мимо которых они проходили, были

усеяны гноившимся фиолетовым лишайником. Амара догнала Одгера и Баффин, когда они присели за обломком стены. Одгер заглянул через осыпавшуюся верхушку на улицу, с другого конца которой открывалась широкая площадь, выходящая на самый край скалы. Амара слышала, как за обрывом плещется море, набегающие буруны разбиваются о скалы в нескольких сотнях футов ниже.

‘Вы проходил военную подготовку?’ - спросила она, не повышая голоса. ‘Вы двигаетесь так, будто знаете, что делаете, и хорошо ориентируетесь на местности’.

Одгер покачал головой. При этом он не отрывал взгляда от улицы перед ними.

‘Я был управляющим на здешнем рынке’, - сказал он. ‘Говорил рыбакам, где им разложить свой товар, следил, чтобы никто из лавочников не пытался отнять чужой пяточок, следил за порядком, если случались драки. Я считаю, что при всех наших недостатках Кранзинпорт был настолько безопасен и упорядочен, насколько это возможно в Йске, и любые неприятности никогда не превышали выше моих возможностей. В большинстве случаев мне даже не приходилось повышать голос’.

‘Это снова будет безопасный город’, - сказала Амара. Она положила ладонь на его руку и почувствовала, как напряглись его мышцы. ‘Вам просто нужно бороться за это. Вы должны верить в себя, и вы сможете построить его заново’.

‘Это из ваших писаний?’ - спросил он. В его голосе слышались нотки гнева и обиды. Он высвободил руку. ‘Разве такие как ты обычно не говорят, что мы должны верить в Сигмара? Ну, с меня достаточно слов Сигмара’, - сказал он. ‘Не хочу тебя обидеть, но оно никогда не приносило нам помощи.’

‘Это привело к нам этих двоих’, - сказала Баффин. Ее зеленые глаза, темные, как морские глубины, сверкнули. ‘Не так ли? Это уже что-то, не так ли? Должно быть так, если хотите знать мое мнение’. Она улыбнулась, почти смущенно.

‘Происхождение слов не имеет значения’, - сказала им Амара, - ‘лишь бы смысл был верен’.

Одгер негромко рассмеялся, но это был циничный смех в этом мертвом воздухе. В нем не было настоящего веселья.

'По тебе видно, что ты жрица, - сказал он. 'Всегда на все есть ответ.'

'А по тебе видно, что ты управляющий', - ответила Амара. 'Всегда делаешь все возможное, чтобы поддерживать порядок и обеспечить безопасность своих людей.'

Одгер посмотрел на нее впервые с тех пор, как они отправились в путь. Боль, которую она увидела в его глазах, была невыносимой. Он был похож на человека, который слишком долго смотрел в бездну и ждал, когда все закончится.

'Не всех,' - с горечью сказал он. 'Не тех, кто искал у меня защиты, как никто другой'.

Баффин сжала его плечо. Она залезла в карман своей туники и достала кулон на длинной золотой цепочке. 'Молот', - заметила Амара. 'Знак Сигмара.'

'Я верю, мисс', - прошептала она. Она поцеловала кулон и снова спрятала его. 'Я всегда верила и всегда буду верить. Сигмар послал вас и дуардина, я знаю это. Ведь не все молитвы исполняются вовремя, не так ли? Даже если ты не узнаешь ответа, когда он придет'.

Амара стиснула зубы и отвернулась. Она ничего не сказала. Какой в этом смысл? Зачем лишать кого-то веры здесь, посреди такого полного разрушения, если это все, что осталось? Если надежда на Сигмара помогла Баффин пережить еще один день, то...

Она вздохнула. Пусть она сохранит свою веру и держится за нее, как утопающая держится за соломинку. Если это поможет ей удержаться на плаву, то что же в этом плохого? Но боги помогали странным образом, если Амара и Готрек были ответом на ее молитвы.

Рассвет еще не наступил, но день уже был знойным. Амара почувствовала, как струйки пота стекают с ее головы, когда они свернули с улицы на площадь. Это было неестественное тепло. Кранзинпорт - город на самом краю побережья, и его должны были днем и ночью обдувать бодрящие морские ветра, но вместо этого он страдал от знойной жары джунглей.

Перед ними открылась площадь. Это было длинное пространство треугольной формы, упирающееся в самый край утеса, по краю которого шла балюстрада из скульптур голубых кораллов. Отсюда открывался потрясающий вид: все Тендрильское море, раскинувшееся на горизонте, - вздрагивающая стальная синева, испещренная белыми гребнями волн и длинными черными бурунами, прокатывающимися с одного конца океана на другой. Дальше, чем она могла видеть, Амара уловила в невообразимой дали край царства - мерцающий изумрудный блеск изумруда и струи, сверкающие, как свежедобытый хрусталь.

Но при всей своей захватывающей дух красоте и величии, на воде царила тьма. Там, в туманной дали, возвышался Остров Увядания. Он представлял собой низкий, сгорбленный овал, приплюснутый к морской глади. От него поднималась знойная дымка, отравлявшая воздух и скрывавшая большую часть острова от глаз. Даже с такого расстояния ей казалось, что она чувствует запах гнили, исходящий от него, - сладковатые испарения разложения. Она вздрогнула, когда подул легкий ветерок, хотя ветер и был теплым. Смогут ли они добраться туда в одиночку, только она и Готрек? И что они смогут там сделать?

'Видишь их?' сказал Готрек. Он прикрыл глаза ладонью и указал на море. Амара последовала его примеру. Там, примерно в лиге от острова, стояли те два двухмачтовых корабля. Паруса у них были рваные, черные, и их трепал ветер. За ними тянулись длинные белые волны - струи вспененной воды. Они двигались быстро.

'Налетчики', - сказал Одгер. Его голос дрожал. 'Они возвращаются. Они были здесь только вчера, обычно они не возвращаются так быстро'.

'Значит, им не повезло', - сказал Готрек. авайте спустимся и устроим этим гадам чертовски теплый прием".

В центре площади находился широкий полукруглый вход. По всей его длине проходили длинные перила из потускневшей латуни, а за ними находилось начало лестницы, ведущей вниз, в твердую скалу. Одгер ухватился за поручень и уставился вниз, в проем.

'Меросис, Баффин', - сказал он. 'Возвращайтесь в убежище, собирайте остальных и двигайтесь к воротам. Если Гнилокрылы ушли с прибрежной дороги, выводите их в ту сторону и направляйтесь в лес. Держитесь его края и пробивайтесь к Друхиэлю'.

Глаза Баффин расширились. 'А как же ты?' - спросила она. 'Ты не пойдешь с нами?'

Меросис схватила его за руку. Ветер трепал ее волосы. 'Мы не оставим тебя'.

'Ты должна позаботиться об остальных, особенно о Ваткине и Айбел', - сказал он. 'Они еще дети, они не должны оставаться в этом ужасном месте'. Он взял Меросис за руку. 'Я обязан тебе жизнью', - тихо произнес он. 'Если бы не ты, я бы давно сдался, но я должен знать, что с ними случилось. С Мелитой, с моим сыном'. Он посмотрел на Готрека и Амару. 'Я отведу вас в гавань, и если вы собираетесь отправиться на Остров Увядания, я пойду с вами'.

'Ты не услышишь от меня возражений, парень', - сказал Готрек.

'Одгер...' - сказала Амара. Она кивнула в сторону открытого моря, которое бушевало и бурлило под ними. 'Ты знаешь, что это будет опасно. Даже если мы доберемся до острова, мы можем не вернуться живыми'.

'Говори за себя', - проворчал Готрек.

'Я знаю', - сказал Одгер. 'Но я слишком долго ничего не делал, и мне уже недостаточно просто выживать. Я должен что-то сделать. Я должен выяснить, что с ними случилось, даже если это убьет меня'.

Меросис сжала его руку, и через мгновение они обнялись.

'Береги себя', - сказала она. 'И удачи, Одгер Пеллин'. Она улыбнулась. 'Ты был лучшим управляющим рынка Кранзиннпорта'.

'Воистину, высокая оценка', - усмехнулся он.

Баффин достала из-под туники кулон и сняла его через голову. 'Вот', - сказала она, передавая его Одгеру. 'Да пребудет с тобой Сигмар. Пусть его рука будет над тобой, и пусть он даст силу и мужество твоему сердцу'.

Одгер посмотрел на золотой кулон, свернувшийся в ее руке, и на мгновение Амаре показалось, что он откажется от него или выхватит и швырнет за край обрыва. Затем, с легким намеком на благоговение, которого, по ее мнению, он не испытывал, Одгер взял цепочку и надел ее себе на голову. Подвеску он спрятал под свою засаленную белую рубашку.

'Да пребудет Сигмар с вами обоими', - сказал он. 'Со всеми вами'.

ГЛАВА 14

Звери внизу

Вход вел на металлическую лестницу, уходящую в темноту, настолько широкую, что Амара, раскинув руки, не смогла бы ухватиться за нее с двух сторон. По бокам в нишах были установлены лампы, но единственным источником света служила колодезная шахта с площади над ними.

В воздухе стоял запах гниющих водорослей и соленой воды, и он становился тем резче, чем дальше они спускались. Амара, с Одгером впереди и Готреком позади, вцепилась в поручни и пыталась успокоить нервы. Даголет был городом равнин и широких пространств, и мысль о том, чтобы оказаться под землей в любом виде, заставляла ее нервничать. Для дуардина, конечно, это было в порядке вещей - Готрек был совершенно невозмутим.

Через несколько минут они добрались до основания лестницы. Перед ними были ржавые железные ворота от пола до потолка, прутья погнулись, как будто кто-то пытался пробить себе дорогу. С другой стороны тянулся черный коридор, уходящий во мрак. Амара увидела разбросанные на земле кости, а в воздухе стоял запах неочищенных сточных вод. Одгер взял из корзины, стоявшей у подножия лестницы, погасший факел и зажег его. Пламя затрепетало на холодном ветру, сквозившем сквозь решетку ворот.

‘С этого момента’, - прошептал Одгер, - ‘следует вести себя абсолютно тихо. Здесь внизу что-то есть...’

Амара кивнула. Готрек поплевал на ладони и отстегнул топор. Одгер сглотнул и достал из-под туники длинный железный ключ. Осторожно, дрожащими руками, он отпер висячий замок.

Пламя факела отбросило пляшущий свет на стены, когда они вошли внутрь. Тоннель был выложен белым кирпичом, а пол представлял собой мозаичную плитку из голубых и зеленых кораллов. Вонь нечистот стала еще сильнее. Амара слышала гулкие удары волн где-то далеко внизу, как будто они попали в какую-то замкнутую камеру. На земле виднелись пятна грязи, длинные полосы засохшей слизи собирали пыль у стен. То

тут, то там попадались обломки человеческих костей, разбитые черепа, высохшие клочья того, что когда-то могло быть плотью.

Вскоре в тоннеле показался пролом, и слева от них появилась камера с высоким потолком, стены которой были усыпаны яркими ракушками. Из какого-то скрытого отверстия наверху падал поток света. В центре камеры находился открытый колодец не менее двадцати футов в поперечнике, к шкиву или лебедке которого были прикреплены два конца толстого кабеля. Трос опускался прямо в колодец. Амара рискнула заглянуть за край, но дно колодца было скрыто во мраке. Снова слышался шум волн, отражающийся от подножия скал, расположенных далеко внизу.

‘Это часть системы корзиночных лифтов’, - прошептал Одгер. ‘Сюда поднимали грузы с торговых кораблей, стоящих в гавани, хотя сейчас я бы не решился рисковать. Этим пользуются налетчики, но если нам повезет, мы сможем проскользнуть мимо них, когда корабли причалят к пристани”. Туннели тоже ведут вниз - нелегкая работа по подъему грузов, когда лифты не работают, но сейчас это наша лучшая надежда. Пока они поднимаются в клетках, мы можем спуститься по западной лестнице, и, если повезет, наши пути не пересекутся”.

‘Почему бы просто не перерезать эти чертовы штуки, чтобы они не могли подняться? - спросил Готрек. Он сделал пробный взмах топором и уперся им в основание тросов, где они были намотаны на латунный барабан высотой вдвое больше самого Готрека.

Одгер молча остановил руку Готрека с выражением ужаса на лице. ‘Это сделано Харадронами’, - прошептал он. ‘Тройное плетение высокопрочной стали. Ты не сделаешь на ней ни одной вмятины, а шум будет просто оглушительным”. Он бросил нервный взгляд назад в туннель. ‘Пожалуйста, поверь мне. Думаешь, мы еще не пробовали? ’

Готрек с ворчанием согласился и с разочарованным выражением лица убрал топор. Одгер взял в руки факел и торопливо повел их дальше.

Они осторожно бежали трусцой по туннелю, который изгибался в западном направлении. Через каждые несколько футов Амара видела все новые участки засохшей слизи или кучки засохших экскрементов. От запаха, особенно в этом замкнутом пространстве, голова шла кругом. Амара почувствовала, как во рту снова появился горький привкус чая из

морских водорослей, который она пила утром. В какой-то момент даже Одгера стало тошнить, он сгорбился и его вырвало на камень, после чего он вытирал рот тыльной стороной ладони.

‘Я никогда не привыкну к этой вони, сколько буду жить’, - сказал он. ‘Даже если состарюсь за тысячу миль от этого места, то эта вонь все равно будет стоять у меня в носу. Как можно так пахнуть и при этом все еще жить?’

Амара произнесла: "Я бы не назвала это жизнью. Я бы даже не назвала это выживанием, это просто..." Она покачала головой, так как слова покинули её. В голове снова возник образ армии слаанешитов, несущейся по склонам долины, их благоухающая дымка, цепи, колючки и плети, содранная кожа, открытая стихиям для самых изысканных мучений. ‘Жизнь тяжела для всех’, - сказала она. ‘Но я не могу себе представить, какие трудности побуждают простых людей прибегать к таким ужасам’.

‘Это достаточно зрелый аромат’, - признал Готрек. Амара порадовалась, что хоть на этот раз он говорит тише. Он глубоко вдохнул и поднял топор. ‘И становится сильнее’.

‘Пойдем, - настороженно сказал Одгер. ‘Впереди еще одна лестница, ведущая в мезонинные туннели. Когда мы доберемся до них, гавань окажется всего на один уровень ниже нас’.

Справа от них простирались устья других туннелей - круги черной тени, которых не касалось пламя факела Одгера. Вода стекала по бокам стен и капала с потолка. Амара увидела другие решетки и ворота, закрывавшие проемы, - прутья были так же погнуты или вырваны в сторону. Обьедки и отбросы казались толще под ногами, а запах становился все более насыщенным и резким.

Они подошли к последнему лестничному пролету, уходящему в темноту. Одгер поднял факел и взглянул в тень. По напряжению на его лице Амара поняла, чего ему это стоило. Она еще раз удивилась его мужеству. Он был обычным человеком с семьей и обычной работой, жил в городе вдали от проторенных путей Вечновесенья, а теперь был вынужден рыться в мусоре и стал отступником. У него отняли все, а он все еще шел вперед, все еще стремился уберечь своих друзей. Может быть, он и взял кулон Баффин, но, похоже, проклятие богов его также не волновало.

"Те корабли, которые мы видели, скоро должны войти в гавань", - прошептал он. Он бросил факел на землю, где пламя затрепетало и заискрилось. Будет светлее, когда мы достигнем дна, но будьте как можно тише, прошу вас. Возможно, нам придется некоторое время прятаться, пока налетчики не уйдут к лифтам, но они не оставят на кораблях больше, чем костяк команды, и мы сможем легко проскользнуть мимо. На западной пристани привязаны рыбацкие шхуны и гребные лодки, туда мы и направимся".

Амара почувствовала, как в животе у нее завязывается узел. Готрек ничего не сказал, но она и на мгновение не могла представить, что его устроит прятаться, если перед ним будут враги.

'По-моему, неплохой план, парень', - сказал Готрек. Он мрачно усмехнулся. 'Поплывем туда, посмотрим, что к чему, и убьем всех, кого придется. Морские аэльфы или не морские аэльфы, кто-нибудь да погибнет, это я тебе точно обещаю'.

'По-моему, это дурацкая затея, право же', - пробормотал Одгер.

'Уверена, что в свое время ты побывал не в одном сражении, Готрек,' - сказала Амара.

Глаз дуардина сверкнул. 'Ха! Верно, девчуля. Истинная правда.'

Одгер поспешил вниз по лестнице, ступая легкими шагами и держа копье наготове. Готрек последовал за ним, Амара - следом. Через несколько футов тени, казалось, сгустились и окутали их, и слабый оранжевый свет отброшенного Одгером факела показался далеко позади. Амара почувствовала, как ее охватывает страх, но, стиснув зубы, пошла дальше. Впереди виднелась огромная фигура Готрека, и она сосредоточилась на плечах, похожих на плиты, на подрагивающем гребне волос, не обращая внимания на все остальное. Лестница уходила вниз, закручиваясь в штопор, углубляясь в скалы. Она слышала, как вода в гавани плещется о камни, как взбешенное море бьется о скалы.

'Как ты, жрица?' - пробормотал Готрек прямо перед ней.

'Хорошо. Я в порядке, я...' Она сглотнула, стараясь контролировать свой голос. 'А ты? Ты видишь в этом тумане?'

'Ясно, как в летний день', - сказал Готрек. 'Для меня прогулка по туннелям - это как возвращение домой'. Он провел рукой по узорчатой мозаике стены. Даже если мастерство исполнения оставляет желать лучшего".

Наконец лестница вышла в длинный ребристый коридор, который простирался перед ними, уводя на восток. Грубо отесанный потолок был не более чем на расстоянии вытянутой руки от головы Амары, и она увидела, что камень измазан грязью. Сам коридор выглядел давно заброшенным. С правой стороны коридора находился открытый арочный проем, огражденный низкими каменными перилами, над которым возвышались три широкие колонны, поддерживающие потолок. Амара присела за одной из колонн и посмотрела вниз, на гавань.

Это была огромная природная пещера высотой более ста ярдов и примерно такой же шириной по её прикидкам, образовалась в скалах в результате длительного процесса эрозии и расширена с обеих сторон благодаря изобретательности мужчин и женщин, основавших Кранзинпорт в далеком прошлом. Устье пещеры было ослепительным кругом света после темноты туннелей. Амара смогла увидеть по обе стороны от него два крыла, выходящие в море и образующие входной канал, за которым простирались дикие воды. На ближней стороне пещеры, прямо под аркой, где притаилась Амара, находилось пять массивных пристаней. Они были соединены длинным дощатым настилом, который шел по всей ширине пещеры от края до края. От каждого причала отходили деревянные дорожки, усыпанные разбитыми бочками, мотками веревки и выброшенным мусором. Морской воздух, резкий и чистый, врвался из открытого устья пещеры и выветривал вездесущую вонь.

'Кораблей не видно,' - сказала Амара. Она не могла видеть их через устье пещеры, открытую морским ветрам, но это не означало, что их там не было. Скорее всего, они шли с востока, направляясь к открытому каналу, где западная стена гавани перекрывала восточное крыло, а прилив был спокойнее.

"Мы направимся к дальнему краю", - сказал Одгер. Он указал на дальний конец дощатого настила справа, где к деревянным якорным канатам были привязаны несколько рыбацких лодок. Они плавно покачивались

на воде. 'Спрячьтесь за этими бочками и ящиками, пока мы не сможем продолжить наш путь.'

'Потом отвязать лодку и грести к острову?' - спросила Амара.

'Это лучшее, что я могу придумать', - сказал ей Одгер. 'По крайней мере, там будет тихо. Если над водой поднимется туман, мы сможем добраться туда незамеченными'.

Готрек фыркнул - но тут же замер, подняв топор. Глаз его расширился.

Откуда-то из тени в другом конце коридора доносилось булькающее хихиканье. Затем из темноты донесся скользавший звук, словно мешок с плотью тащили по неровной земле, и запах, который, казалось, всё ближе пробирался к ним. Он был похож на стоячее болото вкупе с мясным двором. Амара почувствовала, как на неё накатывает тошнота. Она прикрыла рот рукой, не в силах говорить. Она увидела Одгера, обнажившего зубы, поднявшего копье, с выражением абсолютного ужаса на лице. А потом она увидела то, что вынырнуло из темноты.

Десять лет своей жизни она была боевой жрицей по воле Сигмара. Она сражалась в стычках и битвах, защищая свой город от орруков, зверолов и культистов Хаоса, и видела, как в долинах Тирии на куски режут всех, кто был ей дорог. Но она никогда не видела ничего столь ужасающего, как то, что появилось сейчас из тени впереди.

Он был похож на какого-то гротескного, раздувшегося слизняка, более громоздкого, чем любой из аурохов, пахавших поля у Даголета, - а их рост от копыт до плеч превышал восемь футов. Он выпятил перед собой огромное вздутое брюхо, и подкожный жир начинал лопаться от напряжения. Даже когда оно, шаркая, приближалось к ним, блестящие органы начали выпячиваться наружу, превращаясь в колышущееся пурпурно-красное месиво. Заплесневелая плоть существа была зеленее могилы, из открытых ран то тут, то там сочился свернувшийся желтый икор, а огромные нарывы, пузыри и язвы, покрывавшие его кожу, были открытыми и сочащимися. У него было две рудиментарные руки, плоть которых обвисла и стала дряблой, серые когти срослись, а голову - если это была голова - венчали мясистые, извивающиеся отростки, похожие на кишечные трубки. Хуже всего было выражение лица твари. Амара была готова к звериной ярости или хищному голоду, но выпуклые, раскосые глаза чудовища были глупыми, как у слабоумного ребенка. Оно

пыхтело и отдувалось, как какая-нибудь чудовищная простуженная собака, извергая струйку вязкой слизи. Пасть приоткрылась в неровной ухмылке, и длинный слюнявый язык вывалился на брюхо.. Рот распахнулся в рваной ухмылке, длинный слюнявый язык вывалился на брюхо.

'Ради Сигмара!' закричал Одгер, взмахивая копьем. 'Не дайте ему до себя дотронуться!'

Амара отшатнулась назад от зловония, когда чудовище подобралось ближе. Оно издало гортанный лай и попыталось сцепить вздутые руки, напрягаясь так, что кожа на брюхе разорвалась, и гниющие органы вывалились на землю. Одгер упал назад, прижав руку ко рту.

'Бегите, возвращайтесь на поверхность', - выдавил он из себя.

Он снова взмахнул копьем, пытаясь заставить чудовище отступить. Лезвие вонзилось в плоть зверя, но это мало что изменило. Чудовище с мерзким хихиканьем рванулось вперед и вырвало копье из его рук. Одгер споткнулся и упал назад, растянувшись на плитке.

Амара бросилась к нему на помощь, заслонив собой, и подняла руку в отчаянной попытке удержать тварь.

'Хазукан Казакит-ха!'

Боевой клич Готрека был оглушительным в замкнутом пространстве, громче, чем волны, разбивающиеся о скалы за гаванью. С ревом он бросился прямо на чудовище, его оранжевый гребень задевал потолок, а топор, занесенный для удара, пытался срубить голову с пухлых плеч. За жаровней в рунном топоре тянулся огненный хвост. Лезвие вонзилось в плоть чудовища - взметнулся серый дым, и на плитку брызнула струйка черной крови. Из его горла вырвался дрожащий крик. Готрек снова стал рубить, скрежеща зубами, его лицо побагровело от ярости. Чудовище вздрогнуло и отпрянуло назад, жалобно заскулив. Лезвие топора глубоко вонзилось, вырвав кусок кожи и мышц, но это было все равно что пытаться разрезать желе. Чудовище так гротескно раздулось, что казалось, оно поглощает удары. Готрек, завывая от ярости, вскарабкался на спину чудовища, а Амара бросилась подобрать копье Одгера, поскользнувшись на разлетевшейся крови, но подняла его с плитки. Она

бросила его Одгеру, когда тот поднялся на ноги. Уперевшись обеими руками, он вонзил лезвие в беспорядочную массу органов.

Длинный, похожий на щупальце и покрытый волдырями, язык чудовища высунулся, чтобы схватить копье. Одгера отбросило в сторону, и он покатился к краю арки и начал падать вниз, в гавань. Он вскрикнул, пытаясь удержаться на ногах, и кувыркнулся между каменными столбиками перил. Когда он перевалился за борт, Амара нырнула на плитку и успела схватить его за запястье.

'Не отпускай!' крикнул Одгер.

'Тогда перестань сопротивляться, черт возьми', - пробормотала она.

Она схватила его второй рукой и начала тянуть вверх. Одгер, с покрасневшим от усилий лицом, задрал ногу, чтобы зацепиться за край арки. Пристань была длинным спуском вниз, по крайней мере, на половину высоты самой пещеры, и если бы он упал, то ему повезло бы отделаться не меньше, чем сломанной шеей. Дюйм за дюймом Амара тащила его обратно, пока они оба не растянулись на плитке. Рискнув бросить взгляд назад, она увидела, что Готрек, балансируя на горбе чудовища, взмахнул своим топором, продолжая реветь. Он глубоко вонзил лезвие в череп чудовища, раскроив тому голову от края до края. Из головы, как из гнилых овощей, брызнул поток мозгов, и на кафель хлынула кровь. Зверь завыл - гротескный, леденящий душу звук. Выкатившиеся глаза закатились и заслезились, дрожа в глазницах, а затем каждая половина головы отделилась и отлетела в сторону.

Похожий на слизняка корпус чудовища содрогнулся, когда оно рухнуло. Руки тряслись, а раздутый хвост шлепал и метался по плиткам, как выброшенная на берег рыба. Готрек вскочил на спину чудовища и с размаху ударил топором по дрожащему боку, в лицо ему брызнул желтый иxor.

'Ха!' - прорычал он, пуская изо рта пузыри. 'Мой топор выпьет все до дна, мешок сопливых мозгов!'

'Невероятно', - прошептал Одгер. Он все еще лежал на земле. Он с трепетом смотрел на Готрека, пока дуардин рубил труп на куски. 'Я никогда не видел ничего подобного. Он должен быть мертв уже дюжину

раз. Они убили десятки наших людей. Гражданские, обученные солдаты - все, кто пытался пробиться сквозь них, погибали за мгновение!

Амара не нашлась, что ответить. Это было правдой. Готрек, как никто другой, казался лишенным страха и бросался в бой так безрассудно, словно знал, что никакая сила в мире не сможет его остановить. Это было больше, чем уверенность. Это была... боги, это была своего рода вера. И она видела, какой эффект произвело его присутствие на Одгера и остальных. С его появлением там зажглась надежда. Надежда там, где раньше было только отчаяние.

‘Подожди минутку’, - сказала она, помогая Одгеру подняться на ноги. Мокрый хруст топора Готрека был единственным звуком в этом грязном коридоре. ‘Ты сказал "они"?’

В дальнем конце туннеля раздался хриплый рев, взрыв канализационного смрада, и из тени вынырнуло еще одно слюнявое чудовище. Одиноким глаз нетерпеливо моргнул, усики на голове затрепетали от возбуждения, а брюхо распалось на зияющую пасть, усеянную костяными зубами. Он бежал к ним, оставляя за собой след из вонючей слизи.

‘Не стесняйся!’ Готрек повернулся к нему и встал посреди туннеля. Он поднял свой топор над головой. ‘Идем поираем, малыш!’

И тут воздух прорезал долгий и заунывный звук. В нем было что-то торжественное, похожее на горестный гул выброшенного на берег кита.

‘Что это такое?’ - спросила Амара.

Одгер бросился за колонну. ‘Это они’, - сказал он. ‘Это налетчики с Острова Увядания - они здесь!’

ГЛАВА 15

Чумные пираты

"Зачем ты дуешь на эту проклятую штуку?" - проворчал лорд Холеракс на борту корабля. Он хмуро смотрел через палубу на Короля Порчи, прижавшего свои больные губы к мундштуку рога из слоновой кости, который занимал почетное место на форштевне "*Дифтериуса*". "Ты хочешь предупредить всех смертных в городе о нашем присутствии, а? Черт бы побрал твои пиратские повадки!"

Ему следовало пролететь это расстояние на Траксе, своим Гнилокрыле, а не опускаться до уровня этих мерзавцев. Он увидел, что Тракс лежит на четвердеке, на корме грот-мачты. Раздувшаяся муха, подогнув крылья, сидела на корточках на брюшке, подогнув под себя лапки, и ее тройные глаза смотрели ярко и кроваво, как три сгруппированных рубина.

"Оживляет все это, милорд," сказал капитан Коклюш, бочком подходя поближе.

Он вцепился в поручень своей омаровой клешней и уставился своим единственным глазом на пещеру гавани Кранзиннпорта. Корабли неслись вдоль края скал, пользуясь более спокойными водами по другую сторону широкого крыла гавани. Клейкие слезы потекли из глаз капитана, подгоняемые свежим соленым ветром. Рот в его животе широко зевнул, между зубами потянулись ниточки слизи. Пурпурный язык, словно пробуя ветер на вкус, принимался к нему.

"Мы здесь не для развлечения", - проворчал Холеракс. Он почувствовал, как в его горле что-то извивается и корчится, и дважды прочистил его, выплюнув личинку во внутреннюю часть шлема. Желчный Оспий требует свежего мяса для котла, и наша задача - обеспечить его".

И сделать это чертовски эффективнее, чем вы делали до сих пор, подумал он.

"Поверь мне на слово", - сказал Коклюш, - "горн нагоняет на них страх. Они разбегаются, кричат и все такое, ничего не соображают, а тут мы приходим и все ловим их всех. Арр ха ха!"

Он долго и громко смеялся - жутким, гортанным ревом. Остальные Короли Порчи присоединились к нему, с усмешкой пробираясь между канатами, спуская паруса и выкрикивая приказы культистам,

прикованным к скамьям под палубой. Вскоре все весла были просунуты в такелаж на нижней части корпуса. Паруса были убраны, и шхуна стала медленно поворачиваться к устью гавани. Справа проплывали серые, как сланец, скалы. Внизу весла поднимались и опускались, плавно рассекая воду. Слева, в трехстах ярдах от них, на вздыбленном море, "Ржавая коса" тоже убрала паруса и следовала за "Дифтериусом".

‘Традиция, парень’, - сказал Коклюш доверительным тоном, который лишь отчасти подпортил его булькающий голос. ‘Мои корабли делали это всегда, от моря Амниос до пристанищ контрабандистов, и не забывали об этом. Нет такой деревни, города или прибрежного поселка, который мы не напугали бы все одним ревом рога!’ Его циклопический глаз влажно заблестел, словно вспоминая счастливые дни. ‘И Кранзинпорт был неплохим заработком, тут уж ничего не попишешь. Полные трюмы рабов, все они склоняются перед нашей властью - это хороший улов разом. Не так ли, парни?’ - воскликнул он.

Пираты-Короли Порчи одобрительно засмеялись, подняли свои бордажные тесаки и подбросили в воздух треуголки концами змеевидных щупалец и раздвоенных когтей. Один из них выстрелил в воздух из порохового пистолета, и пуля пробила лицо наблюдателя в вороньем гнезде под веселый хохот товарищей.

Коклюш повернулся назад, к штурвалу и морю за ним, к тому, как крыло разрезало и поднимало волны. На его извилистом, вытянутом рту появилась веселая улыбка, и он потянулся, чтобы похлопать Холеракса по плечу своим когтем. Повелитель Порчи вздрогнул. Оскорбление было слишком сильным. Холеракс был весел, как любой последователь Дедушки, но в душе он был военным. Он был Повелителем Подболотья. Он командовал отрядом лучших рыцарей во всех армиях Черверодий, и он не потерпел бы, чтобы с ним так фамильярно общался обычный чертов пират!

‘Что ж’, - сказал он, облачаясь во все свое достоинство, - ‘помни, что это не просто набег с целью грабежа и разбоя. Желчный Оспий поручил нам всем святое дело во славу Дедушки - и будущего Внука. Твои собственные желания не должны входить в это дело! Нет, ни в коем случае,’ - скажу я тебе.

Он снова прочистил горло и выплюнул в шлем комок фиброзной слизи. Она аппетитно стекала по его подбородку. У Холеракса болел зуб, а в колене зарождалась свежая опухоль. Он чувствовал, как под доспехами всё чаще чавкает брюхо, жаждущее освобождения. Во имя Дедушки, как

он жаждал освободить его! Как он жаждал, чтобы миазматический воздух омыл клыки, а бугристая веревка языка вырвалась на свободу. Лишь странная и до сих пор не исследованная привередливость заставляла лорда Холеракса держать пасть под доспехом. Пасть была новой, недавним продолжением даров, которые он уже получил от Папы Нургла, и (хотя он не мог себе в этом признаться) он стеснялся того, что подумают о ней колдун и его приспешники. Не говоря уже о Коклюше, с его столь примечательной клыкастой и чавкающей пастью.

Часто Холеракс хихикал, чувствуя, как челюсти пасти щелкают под его доспехами, и вздрагивал от каждого пустого укуса. Это веселило его, но он не мог смириться с мыслью о том, что кому-то покажется, что он как-то... менее впечатляющ, чем они сами. В конце концов, он был лордом Холераксом, завоевателем Чернильных островов и тираном Неумолимых равнин! Он не был обычным вором или бродягой, набивающим свой кошелек добычей.

‘Дедушка, Внук, для меня это все равно’, - сказал Коклюш с оскаленной полуулыбкой. Он облокотился на борт. Гавань была уже близко, и он дал повернул руль в устье высокой пещеры. Они проделывали этот маневр уже полдюжины раз, и для его команды он стал привычным. ‘Пусть те, кто беспокоит богов, строят свои планы и молятся, а я позабочусь о своем обогащении’.

"Проклятье на твою голову!" - воскликнул Холеракс. ‘Это богохульство!’ Он в ярости повернулся к нему, подняв косу. Он не мог поверить. Его щупальце потянулось к мечу, и, несмотря на всю свою ярость, он готов был зарубить пирата на палубе его собственного корабля. Однако Коклюш не шевелился и не отрывал взгляда от волн, которые неслись в гавань. Руль повернулся, и шхуна накренилась на правый борт, когда пещера приблизилась.

Подняв голову, Холеракс увидел, что на форпике стоят два десятка пиратов-Королей Порчи, выхватив мечи и подняв пистолеты с черным порохом. При всех их обычных веселых ухмылках и хихиканью, сейчас они были настроены совершенно серьезно. За свою долгую и бурную жизнь Холеракс не проиграл ни одного сражения, но он знал, когда осторожность - лучшая часть доблести. Его щупальце отодвинулось от рукояти меча, и он опустил косу. В конце концов, признался он себе, они должны были быть на одной стороне. А разве не так?

Коклюш щелкнул омаровой клешней и жижикнул себе под нос, все еще опираясь на планшир.

‘Ты вспыльчивый человек, милорд,’ - рассудительно сказал он. – ‘Я это вижу. Целеустремленный. Ревностный. Я уважаю это, правда уважаю. И не сомневайтесь, мы с парнями такие же богобоязненные, как и все, кого ты найдешь в Нефритовых Королевствах. Я люблю старого Папу Нургла, и не проходит и дня, чтобы я не поднимал глаз и не благодарил его за все мои благословения.’

Он выпрямился, когда корабль плавно свернул в гулкую пещеру гавани, и подал знак своим людям приготовить тросы.

‘Но наш колдун вернулся на остров,’ - продолжал Коклюш. Его глаза наполнились слезами, когда утроба в его животе чавкнула о планшир. – ‘Он - нечто другое, этот Желчный Оспий. Есть много способов служить Дедушке в этих обширных и чудесных Владениях Смертных. Он выбирает свой, а я выбираю свой.’

‘Ты не веришь, что он может призвать Внука? Величайшего из Великих Нечистых в истории, аспект самого Дедушки? Ты ведь видел первые плоды Сада на том острове, не так ли? Что, во имя святого имени Нургла, заставляет тебя сомневаться в нем?’

‘О, я не сомневаюсь в нем,’ - усмехнулся Коклюш. ‘Нисколько. Но есть набеги и грабежи во имя Дедушки, и - это очень приятное занятие. А вот священная война - совсем другое дело, если ты меня правильно понимаешь. Как правило, это более тяжелая и менее полезная работа, если можно так сказать”.

Холеракс стоял во весь рост, пока корабль входил в гавань, и крыша пещеры возвышалась даже над "вороньим гнездом" грот-мачты. Пластины его доспехов лязгали и звенели, а когда он заговорил, то словно уже сидел на Траксе и обращался к своим рыцарям, облаченным во все военное облачение.

‘Священная война - это именно то, чего я хочу,’ - сказал он. ‘Когда Оспий пришел ко мне в Подболото как странник и пилигрим, я дал ему приют, как и полагается. Но когда он рассказал мне о видении Дедушки и о том, что ему было велено сделать, я почувствовал, как в моей груди зашевелилась новая вера”.

“Может быть, это просто личинки?” - предположил Коклюш. Холеракс проигнорировал его.

‘Я бы пошел за ним до самых врат Азира’, - сказал он. ‘Когда много веков назад приспешники Бога-Короля разрушили наши надежды в Полотне Вечной Весны, они посеяли семена собственной гибели. Ибо все, что гниет и приходит в упадок, вырастет вновь, в новой и обильной жизни, и наше унижение будет отомщено’.

Я верю, что так и будет,’ - с циничным смешком сказал Коклюш. ‘Да, действительно, верю в это’.

Корабль плавно рассекал спокойные воды гавани. Коклюш приказал "Дифтериусу" пришвартоваться к причалу с правой стороны, а "Ржавой косе" - с левой. Корабли приякорились, и матросы набросили канаты, чтобы обвязать якорные петли. Команда с радостным смехом начала спускать трап к деревянному причалу. Холеракс посмотрел на потолок пещеры, высоко в тени, и на арку, выходившую на причал. Сама верфь представляла собой беспорядочное нагромождение обломков. На причале были бессистемно разбросаны бочки и ящики, мотки веревки, бочки с смолой и дегтем для заделки килей кораблей. В углу до сих пор тлела жаровня, пламя которого отражалось на стенах дрожащим красным светом.

“Идем, капитан”, - сказал Холеракс, проходя по палубе и ведя в поводу Тракса, своего Гнилокрыла. ‘Давай сделаем это побыстрее и соберем последних выживших. Обряд должен быть завершен до последнего дня новолуния, прежде чем она начнет расти снова. К завтрашнему рассвету мы увидим, как Внук ступит на поверхность Владений Смертных во славу Папы Нургла, а Кранзинпорт останется лишь воспоминанием’.

Титанический рев расколол глухую тишину, ударившись о стены и вернувшись от них эхом. Холеракс вздрогнул, затрясся, поднял косу. Коклюш, клацая клешней омара, обшаривал тени в дальних углах гавани; и тут с высоты арки над пристанью, где туннель мезонина шел в крест к лестничным пролетам, раздался треск и взметнулось облако пыли - что-то пробilo себе путь в камне.

Быстрее, чем они успели разглядеть, это нечто упало на палубу "Ржавой косы" в пятидесяти футах ниже размытым пятном зеленого, серого и оранжевого цветов. Раздался сильный грохот, когда эта борющаяся масса пробila настил, визг скрипящего дерева, а затем грохот, когда команда "Косы" сорвалась со своих постов.

‘Мы получили пробоину под линией!’ - в недоумении крикнул один из Королей Порчи с пристани. ‘Мы набираем воду, капитан, весь чертов корабль сейчас затонет!’

Шхуна уже слегка накренилась вправо, корпус с хрустом ударился о деревянный помост и оторвался от якорных тросов. В районе киля с треском лопались огромные пузыри воздуха, а затем судно стало неуклонно крениться на корму, как будто пытаясь нырнуть головой вниз на дно гавани. Из пробоины в палубе корабля вырвался фонтан черной воды, а затем через гавань хлынул пенный прилив, качивая "*Дифтериус*" с левого на правый борт.

'На нас напали!' - крикнул один из пиратов с носовой части "*Косы*".

Другой, с опухшими руками, обтянутыми больной плотью, и выпученными глазами, крикнул: "Это было орудие!" Короли Порчи засуетились и зашатались по палубе, спотыкаясь, когда шхуна накренилась вперед. 'Пушка! Ракета должно быть!'

"Вооружайтесь, сукины дети!" - крикнул Коклюш своей команде. Он отхаркнул комок слизи, похожей на личинки, и сплюнул ее в воду, затем бочком, по-крабьи, направился к трапу. "Мы перебьем этих мерзавцев, если они посмеют выступить против нас! Рубила! Мушкеты! Топоры и дубины! Пошевеливайтесь!"

Странное дело, думал Холеракс, тяжело шагая к своему Гнилокрылу. Это совсем не походило на пушечное ядро или ракету.

Более того, он мог бы поклясться, что это больше походило на полуголого дуардина, сидящего на мертвом звере Нургла.

ГЛАВА 16

Сила природы

Готрек отрывал от существа куски, а оно все липло к нему своим извилистым языком, притягивая все ближе и ближе. Амаре показалось, что оно хочет лишь обняться. Он яростно бился и извивался, с прижатыми руки к бокам, а оскаленная пасть приближалась все ближе.

Одгер метнул копье и пронзил его в плечо. Лезвие глубоко вонзилось в плоть, и хотя чудовище, казалось, почти не почувствовало удара, этого оказалось достаточно, чтобы Готрек смог освободить руку и отрубить язык у корня. После этого дуардин пришел в ярость. Амара отскочила в сторону, и он с маниакальной яростью набросился на тварь, разрывая ее

на куски, пока та хрипела и скулила. Куски мокрой плоти посыпались дождем, а рунный топор, казалось, выпустил огненный хвост.

Амара наблюдала, как он перелетел через каменные перила арки, вцепившись в спину чудовищного зверя. Его топор глубоко вонзился в то, что могло сойти за мозг существа, и Готрек мотал лезвием из стороны в сторону, пока оно вслепую не врезалось в колонны. Его зловонная громада с легкостью разнесла их - и затем они полетели вниз, кувыркаясь из стороны в сторону, а безумный рев дуардина раздался в пустоте гавани, как раз когда два нурглийских корабля заходили к причалам.

Готрек и зверь ударились о палубу одного из кораблей, пробив доски и оставив после себя рваную дыру. Амара бросилась на край разбитой арки, глядя вниз, на мачты, которые содрогнулись от удара, и на корабль, завалившийся набок и врезавшийся носом в дорожку. Он быстро тонул.

‘Давай,’ - крикнула она Одгеру. ‘Мы должны спуститься туда, пока он не утонул!’

‘Никто не сможет этого пережить’, - прорычал Одгер. ‘И вообще, что, по милости Сигмара, мы можем им противопоставить?’

Он указал на экипаж другого корабля, который спускался по сходням с поднятым оружием. Они ревели и распевали то, что показалось Амаре похожим на морскую песнь. Амара никогда не видела таких ужасных, раздутых извергов. Это были коренастые воины, по меньшей мере на голову выше обычного человека, все они были одеты в ржавые кольчуги и проржавевшие пластины. У некоторых из них на деформированных головах были надеты треуголки, в то время как другие прятались за стальными шлемами, в которых было полно дыр. Несмотря на все потеки ржавчины на их оружии, мечи и топоры, которые они несли, выглядели достаточно смертоносно.

На другой стороне причала команда терпящего крушение корабля спрыгивала с палубы в воду. Лодку еще больше накренило в сторону, и она продолжила тонуть ещё быстрее. Мачты раскололись, врезавшись в дощатый настил, а паруса вздулись на поверхности моря, как чудовищные лепестки.

Амара вгляделась в тени на восточном конце гавани. Она могла видеть лестницу, которая вела от причала к какой-то точке в дальнем конце туннеля. У подножия лестницы стояло несколько разбросанных бочек со смолой и жаровня, все еще дымившаяся низким и яростным пламенем.

Готрека не было видно. Бурлящие воды все еще поднимались из-под обломков тонущего корабля, переливаясь через разбитый проход, но ни Готрек, ни чудовище еще не всплыли на поверхность. Проклятье, подумала она, он мог оказаться в ловушке в корпусе корабля, когда тот набирал воду, зажатый под деревянным лонжероном или трупом этой ужасной твари. Если он еще не утонул, то скоро утонет, и она ничего не сможет сделать.

С поверхности неповрежденного корабля поднялась огромная Гнилотная Муха. На ней сидел нурглский воин, даже более ужасающий, чем пираты с кораблей. Его серая некротическая плоть была испещрена пурпурными прожилками, а черные доспехи покрыты ржавчиной. В руках у него была огромная коса длиной не менее восьми футов, и он опирался на помпель седла, словно едва сдерживая себя от нападения. Лицо его было скрыто за черным забралом железного шлема. Он направил гудящую муху туда, где в водах бурлил тонущий корабль, и завис над ним, словно выискивая выживших.

По крайней мере, команда пиратов Нургла их еще не видела. Они неслись по дощатому настилу к другому краю пещеры, где стремительно тонущее судно раздавило дорожку. Должно быть, - подумала Амара, - можно пробраться туда так, чтобы они не заметили. Нужно было что-то делать. Даже если Готрек каким-то образом остался жив и сумел выбраться на поверхность, пираты разорвут его на куски, прежде чем он успеет выбраться из воды. Она посмотрела на жаровню и бочки со смолой.

‘Идем сюда, ’ - сказала она. ‘У меня есть идея.’

Она схватила Одгера за руку и потянула его вверх. Вместе они проползли мимо разрушенного арочного проема, пока стена туннеля не скрыла их из виду, а затем бросились к началу лестницы. Туннель уходил дальше в комплекс под скалами, и Амара надеялась, что там нет больше тех гротескных зверей, направляющихся к ним.

Сползти вниз по проржавевшим перекладинам лестницы было довольно легко. Одгер прижимал к боку копье и нервно поглядывал на другой конец гавани, где, наблюдая за утоплением корабля, столпились моряки Нургла.

‘Мне нужна та мерзость, которая это сделала!’ - закричал один из них, отвратительный пучеглазый урод с рукой, больше похожей на клешню омара - несомненно, их капитан. Не всякий флот Сигмара смог бы потопить “*Ржавую косу*”, будь они все прокляты, и я отомщу за это, вот увидите!’

Как и у убитого Готреком зверя, у него в животе зияла пасть с десятками желтых, гнилых зубов и толстым, эластичным языком, который извивался и вываливался на грудь. Он поднял кулак, который был относительно нормальным по сравнению с чудовищной клешней на другой руке, и потряс им над далеким потолком.

‘Разойдись!’ - гаркнул он. ‘Выследите их, псы, и приведите ко мне живыми! Я сниму с них шкуры и сделаю себе новые сапоги!’

Амара добралась до прохода и бесшумно спустилась с нижней ступеньки лестницы. Пригнувшись, она проскользнула мимо бочек и ящиков, пока не подошла к мангалу и ведрам со смолой. Тень другой шхуны упала на них, заставив ее вздрогнуть. С ее корпуса, находившегося не более чем в шести футах от края прохода, капала слизь, а древесина выглядела настолько прогнившей и попорченной, что, несомненно, только благодаря какой-то темной магии она держалась на плаву. Он был весь покрыт зелеными ракушками, которые смотрели на нее, как тысячи крошечных налитых кровью глаз. От ватерлинии корпус судна возвышался над ними не менее чем на двадцать футов, представляя собой мрачный утес из гнилого дерева. Она видела его название, выведенное перламутровыми буквами: *Дифтериус*. Она посмотрела на бочку с смолой, стоявшую у края прохода, где лениво извивалось пламя, все еще не погасшее. А что может быть лучше огня для выжигания порчи, подумала она...

Смола была прочной, как кожа, но все же немного поддавалась. Схватив обломок дерева, Амара вонзила его в черную жижу и обмазала конец палки. Она опустила свой факел в жаровню, и смола загорелась. Одгер сразу понял, что она делает, и уже через несколько мгновений рылся в

щепках дерева в поисках ещё одной. Вместе они подбросили горящие палки высоко вверх, к палубе корабля.

‘Двигаемся быстрее’, - сказала Амара. ‘Как только они увидят, что мы делаем, нам придется сражаться за свои жизни’.

Факел Одгера едва прилип к корпусу, и пламя вскоре охватило его. Не успел обломок Амары взлететь вверх, и камнем упасть на палубу, а она уже накручивала на конец сломанного весла еще одну порцию смолы и поджигала ее на жаровне. Она со всей силы бросила его вверх, метнув, как копье. Весло перелетело через борт и вонзилось в палубу. Уже было слышно, как пламя лижет доски. С палубы поднялся клубок дыма, и огонь затрещал, как сухие листья в осеннем лесу.

‘Эй, капитан!’ - раздался вязкий голос пирата с другого конца пристани, и он остановился, вытаскивая из воды одного из своих мутировавших товарищей. *‘Дифтериус горит!’*

Амара рискнула окинуть взглядом погруженный в воду нос корабля. Когда пламя охватило палубу корабля и стало быстро распространяться по ней, то тени отступили назад. Через несколько мгновений они стали видны. Пригнувшись за штабелем ящиков, Амара увидела капитана нурглитского судна, размахивающего в воздухе клешней омара, и его циклопический глаз, выпученный от ярости. Слюнявая пасть в его нутре скрежетала зубами.

‘Вы, гребанные трюмные крысы!’ – завопил он. ‘Я вам за это кишки вырву, обещаю!’. Он колотил своих товарищей рукояткой трезубца. ‘Ловите их, чертовы поломойки! Порубите этих вредителей и разрушителей кораблей!’.

Пираты Черверодий погрохотали по дорожке от дальнего причала, их грузная плоть выпирала из брони, ржавые цепи звенели. Деревянные рейки прогибались под ними, пока они выхватывали оружие. Некоторые выкрикивали леденящие кровь боевые кличи. Другие выглядели радостными и смеялись от всего этого, такие же веселые, как обычно.

‘Ох, Сигмар, сохрани нас’, - пробормотал Одгер. Он бросил последнюю горящую доску на палубу корабля и схватил свое копье. Его челюсть была сжата. ‘Я рад, что знал тебя, Амара Фиделлус’, - сказал он. ‘Жаль только...

жаль, что мы не смогли выступить раньше. Возможно, Кранзинпорт устоял бы".

Амара позволила себе горькую улыбку. Она отказалась проливать кровь во имя богов, и теперь ее кровь должна была пролиться на воду во имя бога, столь отвратительного, что он стал нарицательным словом для грязи и разложения во всех королевствах. 'Лучше бы я умерла в тот день', - прошептала она.

Одгер ухватился за копье. 'Мы не можем выбирать тот самый день', - сказал он. 'Он придет к нам, когда пожелает'.

Вонь от пиратов Черверодий следовала впереди них, распространяясь по деревянной дорожке. Слева от них полыхало пламя огромной шхуны, и жар бил по коже. Амара слышала крики команды под палубой, когда огонь добрался до них, - несомненно, это были рабы, прикованные к гребным скамьям, которым некуда было деться. В воздухе стоял запах жарящегося мяса и горячей смолы. Мачты были подняты, как факелы, и от них, как от свечей, струились дым и пепел. Справа от них, по другую сторону дорожки, поднималась стена пещеры, но в этом мокром камне не было ни одной точки опоры, некуда было уходить, чтобы спастись от того, что надвигалось на них.

Дощатый настил задрожал, когда больные воины приблизились к ним. На них слетались тучи мух, а от вони становилось дурно. Гниющая плоть отходила с их костей, гнойники лопались и сочились на их разорванной коже. Проход был достаточно широк, чтобы бежать по двое, и они с добродушной яростью толкались друг о друга, стремясь первыми порубить этих диверсантов.

Земля дрожала. Пламя ревело. Одгер молился, его руки тряслись, но он все еще крепко держал копье. Амара, не мигая, смотрела на пиратов - на их безгубое слюнявое безумие, на гротескные мутации, превращавшие их плоть в какую-то мрачную насмешку над жизнью, на зеленую гниль, на личинки, извивающиеся по их коже, на пузыри, которые гноились и лопались. Они были всем тем, что она ненавидела, - существами, которые предпочли безумие богов всему остальному.

Вода выплеснулась на край дощатого настила, взметнув брызги. Деревянные планки качнулись в стороны, и какая-то темная громоздкая масса вынырнула из пены перед надвигающимся на нее Черверодьем, пылая от ярости. Пираты остановились, держа оружие наготове.

‘Готрек...’ - прошептала Амара.

В свете пламени от горящего корабля он был похож на демона, вырвавшегося из адской преисподней. Его ирокез обмяк в воде, опал набок, и был измазан черной слизью и грязью со дна гавани. Его массивные плечи были покрыты синюшно-красными пятнами, а из израненого лица сочилась кровь. Его борода была такой же мокрой, в ней запутались отрезки гниющих водорослей и слизи. Руна на его груди светилась яростным красным пламенем, но это была всего лишь искра по сравнению с огнем ярости в черном глазу Готрека. Он бросил короткий взгляд на Амару и Одгера, но словно смотрел сквозь них. Они были для него никем, просто еще одной тварью, которую нужно убить.

‘Сигмар, спаси меня!’ прошептал Одгер, отступая назад.

‘Готрек, пожалуйста’, - сказала Амара, стараясь сохранить ровный голос. ‘Она подняла руки. Послушай мой голос, это...’

‘Чего ждете, парни?’ - закричал капитан пиратов, спеша по дощатому настилу за своей командой. Он сплюнул на доски и обильно захихикал, причем смех его звучал одновременно и мрачно, и весело. Клешня омара щелкнула и закрипела. ‘Отбросьте этого низкорослого дуардина в сторону и захватите этих чертовых разрушителей кораблей! Я сдеру плоть с их костей, прежде чем покончу с ними!’

Готрек медленно повернулся лицом к пиратам. Амара почувствовала, как жар его ярости спадает, и только тогда поняла, что затаила дыхание.

Огонь вновь разгорелся в жаровне его топора. Его огромные плечи задрожали, а лицо побагровело от ярости. Руна вспыхнула. Крик, изданный Готреком, был подобен реву бога и потряс стены пещеры. Пираты Черверодий сделали шаг назад - но Готрек бросился на них следом по дощатому настилу, как паровой танк, и доски задрожали под его сапогами. В последний момент он подпрыгнул, оторвавшись от земли почти на шесть футов, и врезался в колонну пиратов, крутя своим топором над головой.

Это было похоже на взрыв. Крики, лязг металла, раздирающий визг выбиваемых пластин брони. В воду у края дощатого настила посыпались тела - вздутые трупы без голов, отрубленные конечности, хлопающие щупальца. В воздух взметнулся фонтан кишок. Разбитые мечи и топоры отлетали в сторону. Готрек, словно говоря на всех языках сразу, испустил боевой клич полный невыразимой ярости, его топор поднимался и опускался размытым пятном золота и серебра.

'Деритесь, черт бы побрал ваши глаза!' - закричал капитан. Его голос булькал, как прорвавшаяся канализация.

Он размахивал трезубцем в воздухе, но толпа была слишком плотной, чтобы он мог продвинуться вперед. Узкий дощатый настил отбрасывал пиратов прямо на топор Готрека, и кровь и грязь клубились в воздухе, пока дуардин шел вперед. Каждый взмах его топора прорубал в противниках брешь. Черепа сминались, а шлемы раскалывались вдребезги. Оружие тех воинов, которые успевали парировать удар или сделать выпад, Готрек с грохотом раскалывал на стальные осколки. Нож полоснул его по ребрам, но он, казалось, едва почувствовал это. Щупальце метнулось к его лицу, но он отсек его.

Амара и Одгер последовали за Готреком, причем Одгер остановился, чтобы добить раненого копьем в лицо, когда они проходили мимо. Тела плавали в черной воде лицом вниз, истекая в гавань зеленой жидкостью. Другие, еще полуживые, под тяжестью доспехов шли на дно, при этом крича, булькая и захлебываясь. Пламя горящего корабля взревело, и мачты обрушились в клубах огня и дыма. Дощатый настил уже начал тлеть. Совсем скоро вся гавань могла превратиться в пылающий ад.

Наконец Готрек пробился сквозь тухлую команду, разделывшись с последними, пока не остался только капитан. Дуардин, красный от ярости, перелезал через трупы, усеивавшие дорожку, и скрежетал зубами, борода его была в крови. Битва привела его в еще большую ярость, хоть это и казалось невозможным. Гнев разгорелся до такой степени, что выглядел неугасимым. Руна на его груди пыталась, как кузнечный горн.

'Назад, пес!' - крикнул капитан. Несмотря на свой страх, он разразился веселым кашляющим смехом и держал трезубец наготове. 'Я заставлю

тебя пожалеть о том дне, когда ты взялся за капитана Коклюша, негодяй! Вот увидишь, я это сделаю!’

По пещере разнеслось глухое жужжание, переходящее в визг, когда воин на Гнилой Мухе взмыл над водой. Муха отклонилась назад с порывом смрада вонючей канализации, когда воин замахнулся косой на голову Готрека, и, когда огромное ржавое лезвие столкнулось с рукоятью рунного топора Готрека, дуардина отбросило назад, сбив с ног. Он врезался в стену пещеры на другой стороне пристани.

‘Ты хорошо сражаешься, дуардин’, - сказал всадник. Его голос гулко прозвучал в шлеме и издал ужасный, высокопарный, хриплый смех. ‘Это я признаю. Но теперь ты теперь ты испытываешь свои навыки против меня, отброс. Я вырежу руну Дедушки на твоей спине, чтобы она соответствовала богохульной руне на твоей груди!’

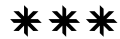
‘Холеракс, ты - идиот!’ - закричал капитан, поспешно отступая по проходу. ‘Вытащи нас отсюда!’

‘Ты хочешь от меня чего-то требовать, пират?’ – с насмешкой спросил воин. Гнилая муха покачивалась в воздухе, ее изодранные крылья слились в сплошное пятно. ‘Лорд Холеракс не отступает из боя!’

Готрек с рычанием поднялся на ноги. Он ухватил топор, на его губах выступила слюна, а глаз пылал яростью.

‘Помни о ритуале’, - прохрипел пират, отступая по дощатому настилу. Он почти умолял. ‘Ты готов рискнуть им ради своей чести?’

Одгер, задыхаясь, метнул копье в нурлитского воина, но Холеракс дернул помпоном седла в сторону, и Гнилокрыл уклонился от броска. Словно решившись, нурлитский лорд со сдавленным ревом понесся обратно вдоль пристани. Неуклюжие лапы его Гнилокрыла подхватили пиратского капитана, который вызывающе потряс своим трезубцем. Готрек прыгнул вперед, рыча от ярости, но теперь они были вне досягаемости его топора. Скользя над поверхностью гавани, и избегая пламени горящего корабля, лорд Нургла и его пассажир пролетели через устье пещеры и вышли в море. Вскоре Гнилокрыл был уже не более чем черным пятном на фоне дрожащего тумана, поднимавшегося с острова вдалеке, а вокруг них были только огонь и дым.

Через день пути от Ксил'антоса он обнаружил остатки костра, примостившегося в древних руинах. Под ногами была густая зеленая трава, с равнин доносился прохладный ветерок. Укромное местечко, где можно отдохнуть и набраться сил.

Он нашел участок земли, где кто-то прилег на время. Потрескавшиеся камыши на берегу бассейна, где кто-то окунулся с головой, чтобы попить. Он пощупал траву пальцами в перчатках, сдвинул назад шляпу на макушке и уставился в широкое синее небо. Ксил'антос все еще виднелся вдалеке - обесцвеченное пятно на фоне лугов, недалеко от эпического размаха леса. Как он хорошо знал, это трудные земли для одинокого путешественника.

Он посидел немного и задумался, оглядываясь на пройденный путь. Костяшки пальцев все еще болели, но синяк на челюсти уже начал исчезать. Он оставил плату за причиненный ущерб и также достаточно, чтобы оплатить бутылку или две для тех, кого он допрашивал. Это было справедливо, и он всегда платил по счетам. В любом случае, он получил нужные ему ответы. Всегда получал.

Он стянул с плеча седельную сумку и подумал, не стоит ли ему самому немного отдохнуть здесь. Он ехал уже некоторое время, всегда отставая на шаг или два. Впереди были только холмы, спускающиеся к краю равнины, и равнина, усыпанная чем-то похожим на диаспоргум, да еще стадо йетаров вдалеке. Опасные животные, особенно если их застать врасплох. Он мог бы обойти их, покружить, пока не выйдет к западной границе леса, но тогда предстоял долгий путь к побережью, по прибрежной дороге и обратно. Он еще раз осмотрел землю на дальнем краю лощины. Следы все еще были видны. По крайней мере, последние несколько дней не было дождя. Это сохранило их и сохранило.

Он вздохнул, достал трубку и набил рубиновым гиранским табаком, от которого все время обещал себе отказаться. Зажег кремень и закурил, обдумывая полученные знания. Далеко вверху и на юге виднелись плоские черные фигуры нефритовых орлов, кружащих над землей. Ему стало интересно, что они здесь видели. Если бы только они могли сказать ему. Но задавать им этот вопрос было бессмысленно. Позор.

Он подумал о том, что узнал в Ксил'антосе. Признаться, он такого не ожидал. Это новое пополнение, не такое, каким он рассчитывал его увидеть. Странно. Подобные осложнения всегда вызывали у него беспокойство. Ему стало интересно, что за история скрывается за всем этим. И решил, что скоро узнает. Он всегда так делал. В конце концов, это не имело никакого значения.

Позже он прошел через поля диаспоргума, сдвигая их в сторону и держа пистолет наготове. Всегда ненавидел этот запах. Идеальное место для засады, но ничто и никто не встало на его пути, когда он вышел на ровные зеленые поля на другой стороне. Он убрал пистолет в кобуру и остановился, чтобы попить из своей фляги.

На земле, в траве, он обнаружил раздавленные останки жуков-боровиков. Тысячи их, искалеченных, раздавленных, размазанных в мучениях. Но ни одного трупа, ни одного признака того, что кто-то стал жертвой этих тварей. Хорошо, подумал он. Было бы как-то бессмысленно, если бы все закончилось здесь.

Он посмотрел в сторону леса, видневшегося в миле от него. Друхиэль из Сосен, скрытый город. Следы указывали на границу леса. Оставалось пройти по следу. Еще не наступил момент, когда все это закончится, когда будет вынесено наказание. Он гадал, остались ли они там. Скорее всего, нет. Тем не менее, было бы больше людей, которых он мог бы расспросить, больше ответов, которые он мог бы получить.

Властью, данной мне, подумал он. На его губах появилась тень улыбки, лишь намек на нее.

Он направился к Друхиэлю. Высоко над головой кричали нефритовые орлы. Впереди него дрожал лес.

ЧАСТЬ 3

ГЛАВА 17

Сквозь море

Пламя от горящего корабля билось о дощатый настил, но сырые деревянные доски пока еще сдерживали его. Другое судно, погружаясь на дно гавани, продолжало булькать. Теперь была видна только кормовая часть корабля, и жирные черные крысы пытались выбраться из него, плюхаясь в воду и уплывая в тень под настилами дорожек. Амара задалась вопросом, что за крысы чувствуют себя комфортно на корабле Нургла. Она покачала головой - об этом не стоило и думать.

Вся пещера трепетала от огня, и жар заставил их отойти к койкам на западной стороне. Готрек скорчился на плитах, все еще сжимая топор, и пытался отдышаться, пока ярость покидала его. Руна блестела угрюмым золотом. Готрек вцепился в нее рукой, его лицо исказилось от боли, которую Амара с удивлением увидела.

‘Я - не оружие, которое ты можешь использовать’, - пробормотал он, прикрыв глаза. Его пальцы снова сжались вокруг руны, как будто он собирался вырвать ее. ‘Будь ты проклят, я не буду, клянусь...’

Он закашлялся, задрожал и провел руками по своим всклокоченным волосам, снова превратив их в некое подобие привычного ирокеза.

‘Готрек’, - сказала Амара, приседая рядом с ним. ‘Ты ранен, тебе нужен отдых.’

Рубцы на его плечах были огненно-красными, а рваные раны на лице вздулись, превратившись в белые кровоподтеки, из которых сочилась тонкая кашица крови и слизи. Она порылась в своем рюкзаке в поисках бинтов, но последние из них она использовала на выживших в городе. Все, что у нее осталось, - это баночка мази, которую она купила в Друхиэле от укусов жуков-боровиков. Не зная, что еще можно сделать, она нанесла мазь на его ушибы, надеясь, что это поможет. Готрек вздрогнул.

‘Отстань с этой чертовой штукой’, - проворчал он. ‘Мне не нужна никакая чертова помощь, черт бы вас побрал’.

Пошатываясь, он поднялся на ноги, опираясь на топор для равновесия. Амара увидела, как его глаза сфокусировались.

‘Он заражен’, - сказал Одгер. ‘Клянусь всеми богами, я никогда не видел, чтобы хоть кто-то так сражался, но ты можешь испытывать удачу лишь до поры до времени, дуардин. Чума теперь в тебе”.

“Черт бы побрал эту чертову чуму, - проворчал Готрек. ‘У меня бывали простуды и похуже. Или еще хуже - похмелье”. Он потянул шею, пока позвонки не хрустнули, затем пожал плечами, чтобы размять мышцы.

Амара посмотрела вниз, на разбросанные по дощатому настилу и плавающие в воде отрубленные конечности и свернувшиеся кишки. Готрек прошелся по пиратам Черверодий, как молния. Она предложила ему опереться на нее, но он отмахнулся и последовал за Одгером, пока они добирались до дальнего конца пристани, где несколько небольших рыбацких лодок все еще были привязаны к якорным канатам. Она оглянулась на горящее судно, где шипело и потрескивало пламя. Крики тех, кто не успел спастись, теперь смолкли - все они сгорели в аду под палубой, когда корабль вспыхнул, как факел.

Она поклялась не проливать кровь во имя богов. Она была верна своему слову. Но скольких она убила, предав их огню? Этот мир, как она хорошо знала, был жесток. И разве может быть ответом на это насилие что-то другое, кроме еще большего насилия?

Они подошли к причалу, где были привязаны рыбацкие суда - полдюжины маленьких лодок, которые, похоже, больше подходили для того, чтобы пересекать гавань, а не выходить в открытое море. Готрек перебрался в ближайшую к устью пещеры и примостился рядом с румпелем, пока Одгер отвязывал лодку от якорного троса.

‘Придется грести’, - сказал Одгер. ‘Он посмотрел на воду за устьем пещеры. Ветра нет, вряд ли от паруса будет толк”.

‘Тогда давай побыстрее покончим с этим’, - проворчал Готрек. ‘У них будет меньше времени на подготовку”.

Дуардин выглядел совершенно ужасно. У него был вялый взгляд, лицо осунулось, а раны на груди и плечах приобрели зеленый оттенок. Как он мог еще идти? Убить двух ужасных чудовищ, пережить падение с высоты пятидесяти футов сквозь палубу и днище корабля на дно гавани, а затем

пробить себе дорогу через две дюжины самых выносливых нурглитских воинов, которых Амара когда-либо видела... Кранзинпорт пережил несколько недель самого невыразимого ужаса, а Готрек за один день освободил выживших из их тюрьмы и разбил наголову налетчиков, которые сделали их жизнь такой мучительной.

Она посмотрела на руну, на глубокое мерцание сверкающего света, который, казалось, сливался с самим золотом.

"Мастер-руна Крага Черного Молота", - сказала она, входя в лодку. Одгер оттолкнулся, и Готрек передал ему весла. Одгер закрепил их на бортах и медленно отчалил от причала. 'Так ты её называешь. А что это на самом деле?'

'Не знаю', - пожал плечами Готрек. 'Черный Молот был рунным мастером ложи Унбек в Акши'. Он постучал по руне лезвием своего топора. 'Маленет пыталась украсть её, когда я впервые... Когда я впервые повстречал её'. Он грустно усмехнулся. 'В один миг я был в царстве Хаоса, а в другой – уже оказался в этом мире. Я думал, что это все обман, очередная чертова уловка богов'. Он снова сжал руну и поморщился, словно она причиняла ему боль. 'А как она оказалась во мне... это уже другая история'.

'Ты сражался во Владении Хаоса?' - произнесла Амара, с трудом веря в свои собственные слова. 'Готрек... кто ты?'

'Последний представитель вымирающего рода, девчуля', - пробормотал он. 'Погибшего рода. Последний дави во Владениях Смертных'.

Замерев, словно подыскивая слова, Одгер произнес: "Владение Хаоса..." Он покачал головой и посмотрел на дуардина. 'Когда ты вышел из воды и сражался с ними, с теми налетчиками, это было как будто... Я видел тебя, Готрек, но это был не ты. Или это было что-то *большее*. У нас были кое-какие дела с Огнеубийцами с Мистральских Пиков, торговля и тому подобное, и я видел их знамена, когда они выступали в походы. Золотая маска в виде их бога. Вот что я видел".

Он достал кулон-молот, подаренный ему Баффин, и поцеловал его.

‘Клянусь Сигмаром и всеми богами’, - сказал он. ‘В его глазах стояли слезы. Наконец-то они услышали наши молитвы и послали тебя, чтобы ты положил конец этому ужасу”.

Готрек ничего не ответил. Он нахмурился, его рука крепче вцепилась в румпель лодки. Он лишь смотрел на воду, пока они пробирались через устье пещеры. Казалось, слова Одгера как-то угнетали его. Амара внимательно наблюдала за ним. Это было все, что она могла сделать - она не могла уследить за своими мыслями, настолько быстро они двигались. Раны на его лице и плечах все еще окрашивались в зеленый цвет, но он, казалось, преодолел усталость, вызванную тем, что его заразило. Она не могла представить себе природную выносливость, благодаря которой такое стало возможным; даже обычный дуардин, каким бы крепким он ни был, не смог бы так избавиться от болезней Чумного Бога.

Все это было более понятно, когда она была жрицей. Это было единственное, чего ей не хватало, - чувства уверенности. Молот в одной руке, *Знамения Кометы* - в другой, и враг перед тобой. Боевому жрецу нужно было придерживаться только двух верований: врагов у Сигмара - легион, а Сигмар - мудр и справедлив. Вот и все, что было нужно. Но теперь? Что ей оставалось, кроме гнева, сожаления и печали? Как жить дальше, если это все, что у тебя есть?

Невольно в голове возник образ: рука в ее руке, выжженная трава, запах смерти на ветру. Она закрыла глаза и почувствовала, как собрались слезы. Только усилием воли она удержалась от того, чтобы заплакать.

Одгер налегал на весла весла, плывя спиной к Острову Увядания, а Готрек вглядывался в море и направлял лодку. Налетчики приплыли на морских шхунах, а весельную лодку то и дело швыряло по воде, но все же им удавалось держаться. Сам остров был скрыт растущим туманом, который стелился по воде навстречу им - липкое, пенистое варево, пахнущее кислым дыханием и, казалось, выжимающее из мира весь свет. Было, наверное, только позднее утро, но небо над головой было таким же мрачным, как будто они плыли в сумерках.

‘Это неестественно’, - тихо сказал Одгер. ‘Этот запах. Неприятный, не правда ли? Как вонь трупов или мертвых цветов”.

Где-то вдалеке зазвонил колокол - низкий бронзовый звон прокатился по туманным водам. Одгер встретился взглядом с Амарой, и они оба посмотрели на Готрека, но тот ничего не сказал. Лишь слегка повернул румпель влево. Теперь они слышали только негромкий плеск весел и бульканье воды, когда они входили в туман. Амара гадала, что мог разглядеть Готрек своим дуардинским глазом. Его топор по-прежнему лежал у него под рукой, и это ее немного утешало. Остров Увядания находился примерно в двадцати милях от побережья, и она сомневалась, что они прошли больше пары миль - хотя в клубящемся тумане это было почти невозможно определить.

Готрек заметил, что она смотрит на его топор. 'Ты все еще избегаешь насилия во имя Сигмара? По крайней мере, ты достаточно легко сожгла тот корабль. Если ты примирилась со смертью, то должна быть готова сражаться, когда мы прибудем на этот остров'.

'Это было не во имя Сигмара', - огрызнулась она.

Готрек пожал своими массивными плечами, морщась от боли в красных рубцах. Амара заметила, что на его лбу выступили капельки пота. Он все еще боролся с инфекцией. Он долго и громко прокашлялся, сплевывая в воду комок чего-то хрустящего и черного. Он стукнул себя кулаком по груди, крепко зажмутив глаз.

'Готрек?' - спросила Амара, наклонившись вперед. 'С тобой все в порядке?'

'Достаточно хорошо', - вздохнул дуардин. Его губы были бледными. Он прочистил горло и начал рыться в ящике под скамьей, на которой сидел. 'И если я знаю рыбаков так хорошо, как мне кажется...'

Он издал торжествующий звук. Из глубин ящика он извлек керамическую бутылку и проверил ее, наклонив. Вытащив пробку разбитыми зубами, он сделал длинный и смачный глоток.

'Ха!' - воскликнул он, чмокнув губами. 'Вот тебе и лекарство от всех болезней! Неплохо для человеческого грога. Мягче, чем я обычно люблю, но это единственное чертово лекарство, которое мне когда-либо было нужно!'

Он передал бутылку Амаре, которая подозрительно принялась. *Огненная вода*, подумала она. Она набрала полный рот, проглотила его

и почувствовала, что в груди у нее горит, словно она хлебнула лавы. Она передала бутылку Одгеру, который на мгновение придержал весла, чтобы опрокинуть ее в себя.

‘Боги!’ - закашлялся он. “Это как болотная вода, смешанная с каменноугольной смолой!

Он перекинул бутылку обратно Готреку, который отпил из нее и выбросил далеко в воду.

‘Здесь холодно, если ты рыбак’, - сказал он. ‘Нужно иметь что-то, чтобы поддерживать в себе огонь, а капелька скавенской храбрости никогда не помешает перед боем’.

Глаз его горел, и он шатко поднялся на ноги.

‘Дай мне весла, парень’, - сказал он. ‘Чем быстрее мы с этим покончим, тем лучше’.

ГЛАВА 18

Танец смерти

Сколько лет прошло? Ждал, молился, перебирал в уме те моменты, когда все они с такой радостью и восторгом продвигались в воды нового мира? Полоса Вечной весны, изумрудный рай, густой от испарений, шуршащий от зверей и вирусов, пробирающихся сквозь густеющий бульон. Гнилостный мор, рай, который был, есть и будет снова...

Он часто размышлял об этом в те долгие и одинокие месяцы, когда прятался в тирийских болотах. Каждое утро, если можно было сказать, что в этом туманном месте наступал рассвет, Оспий выходил из своей тростниковой хижины с молитвой на устах. Закутавшись в мантию, он сжимал в руках свитки с язвами и морами и перечитывал написанные им священные слова - священные тексты о тех днях, когда много лет назад Сад Нургла явился во Владениях Смертных в тот тусклый и мрачный миг. Все эти столетия он ждал, подбадривая себя новыми болезнями, бродившими в его коже, и обходил границы застойных водоемов и мутных ручьев, где устроил свое убежище.

Иногда, когда Дедушка благословлял его, Оспий находил смертных добытчиков и охотников, пробирающихся через болота в поисках

трясинных кабанов и леопардовых угрей. Остановить их сердца колдовским взрывом или зарубить крюком на посохе было проще простого. Ему было приятно смотреть, как их трупы медленно тают в водах болота: как кожа вздувается и провисает на плоти, сползая жирными складками и веревками; как желтый жир сворачивается в прогорклую зелень, а мясо чернеет и кишит личинками. Он с удовольствием наблюдал за тем, как из жижи проступают кости, пока трупы не превращались в скелеты, погружившиеся в трясину. Там, где раньше была жизнь, теперь была только смерть, а там, где раньше была смерть, теперь была новая жизнь. Личинки начинали свое славное превращение, поднимаясь из грязи в виде синих и янтарных мух. Из трупного компоста вырастали растения и болотные цветы. Вокруг него было богатство перемен, щедрость разложения.

Мог ли он остаться там навсегда, довольствуясь тем, что находил? Он знал, что болота вскоре приобрели дурную репутацию и стали местом, где матери запрещали своим детям играть. Охотники и добытчики в конце концов также избегали их, поскольку говорили, что если зайти слишком глубоко, то можно стать добычей болотного изверга Старого Трясинника, который пробирался через трясину на ходулях, сделанных из человеческих костей, и вынужден был облачаться в человеческую кожу, чтобы его гниющие органы не вываливались на землю. Оспий посмеивался над этими легендами, но в то же время они его чем-то огорчали. В те долгие и одинокие годы, пока видения Дедушки не вывели его из болот, он думал о том, скольких его товарищей по великому походу Гниловодной Порчи постигла та же участь. Разбитые армиями Бога-Короля, вынужденные искать убежища в глухих уголках королевства, они постепенно превратились в не более чем мифы и легенды - кусочки фольклора, которыми пугают детей перед сном. Он мог бы быть Старым Трясинником на протяжении всех оставшихся ему дней, его минута славы во время Гниловодной Порчи была забыта, когда была поглощена течением веков.

Но нет, не такова была его судьба. Желчный Оспий был одарен видениями, которые с радостной уверенностью заставили его ползти к Роканскому побережью, к тому широкому морю, где в глубине засел осколок ногтя Дедушки. Ему было дано совершить то, что не смогли сделать Болатракс и все его армии демонов. Именно Желчный Оспий

вновь посеет семена Сада Нургла во Владениях Смертных и станет повивальной бабкой для прихода Внука.

Теперь он стоял на краю ямы, опираясь на свой посох и глядя вниз, в трупную мульчу, булькавшую под ним. То тут, то там виднелись очертания полураспавшегося лица: кожа сползала с костей, как матерчатая маска. Мертвые глаза утонули в серых глазницах, зубы оскалились в беззвучном рычании, рты, похожие на черные пещеры, открылись в бесшумных криках. Из всего этого месива торчали конечности, вздутые и зеленые. Руки были подняты в знак приветствия или капитуляции. Волосы разметались по поверхности озера, как сорняки. Пузырьки трупного газа поднимались и лопались в сырости, воняя желчью и экскрементами. Оспий вдохнул его. Он взволнованно постучал посохом по краю ямы и продолжил смотреть вниз, где тела гнили, превращаясь в колоритную жижу.

Осторожно, с протяжным стоном, Оспий присел и погрузил руку в яму, набрав в ладонь вязкую жидкость. Аккуратно, словно повар, пробуящий новый рецепт, он попробовал эту жижу языком, ощущая на своем нёбе ее пикантный вкус. Он нахмурился, прислушиваясь к вкусу. Если бы только этот дурак Коклюш привел свои проклятые корабли обратно на остров, чтобы они могли закончить! Еще несколько трупов - и все, четырнадцать или около того, а может, и двадцать один... Но время поджимало.

Он взглянул на небо - чистый серый лист, подернутый зеленой рябью от паров, поднимающихся из ямы. В этот последний день мертвой луны, здесь, в этом царстве, которое так живо энергией жизни...

Поднявшись на ноги и тяжело опираясь на посох, Оспий распустил плетение магии, отводя нити реальности в сторону, чтобы можно было потянуть за нити колдовства. Он закрыл глаза, погрузился в себя и позволил краскам Гирана расцвести перед его глазами. Цвета Сада, цвета Дедушки.

Он почувствовал, как бульон в яме начал вибрировать. Под поверхностью, глубоко внизу, жижа дрожала. Здесь, на этом осколке Дедушкиного ногтя, и там, в извилистых аллеях сада, реальность вздымалась и готовилась сцепиться в клубок бесконечности. Оспий пробормотал слова своего заклинания и почувствовал, как они слетают с его губ, как стрекозы и личинки, как рябь света, как потоки мора и

разложения. Под покровом своего ветхого капюшона он открыл глаза и уставился на зеленую пену ямы.

Туда, где поверхность жижи щла рябью в центре...

Он вытянул руки, поднял посох и почувствовал, как его голос приобрел новую конфигурацию, когда слова заклинания сотрясли его. Давление за его глазами было огромным, как будто они вот-вот вырвутся из его головы брызгами ихора. Все его тело содрогнулось, и поверхность ямы ожила танцующим пламенем – струйками радужного пара, нитями зеленого тумана, шипением и искорками гниения, словно мраморный кусок мертвой плоти медленно погружался в свое долгое разложение.

Вот оно! Он закричал - и медленно, разворачиваясь из мульчи трупов и рвоты, появилось поднимающееся лицо Внука, измученное всеми муками рождения. Огромные глаза были закрыты, зажмурены от боли, передававшейся из эфира. Длинная кривая пасть скрежетала и кричала в безмолвном экстазе: клыки скрежетали по коже мира, когти пытались пробить сдерживающую его оболочку. Лицо, прижатое к поверхности бассейна, было тучным, больным и таким огромным, что почти заполняло пятьдесят ярдов его радиуса от края до края.

Оспий зарыдал, увидев такую красоту и чудо, и вскоре его рыдания перешли в радостный смех. Но тут нити заклинания стали рваться в его руках, магическое плетение потемнело и истончилось, и он почувствовал, как оно начало распадаться на части. Постепенно огромное лицо Внука снова погрузилось в трясину, а на насупленных бровях появилось выражение печальной покорности. Там, где раньше была мерцающая влажная линза, смотревшая на плодородие Сада, теперь была лишь грязная, мутная яма, густая от грязи и жужжащая от мух. Оспий рухнул на колени, выронив посох, и боль пронзила его огненными копьями и стрелами.

Внук ушел. Этого было недостаточно. Он сделал недостаточно, и только его самонадеянность заставляла его считать, что его силы хватит, чтобы осуществить такое.

'Коклюш!' - закричал он. Он долго и громко кашлял, сплевывая трепещущие комки плоти, и рот его был полон крови и желчи.

Старый Трясинник, - слышалось ему. Он увидел себя, бредущего через застойные пруды, бормочущего себе под нос, сжимающего в руках свои заплесневелые свитки, старое печальное существо, потерявшееся в мечтах о славе. Старый Трясинник, где густые камыши и тяжелый туман лежит на воде... Не ходи на болота, а то Старый Трясинник до тебя доберется!

'Коклюш,' – закричал он снова. 'Приведи мне моих пленников! '

Воздух, обычно наполненный нежным жужжанием насекомых, внезапно рассечен гулом Желетруба. Он доносился с другой стороны гавани. Диссонирующий, бешеный гул говорил об опасности и угрозе, и такого звука Оспий не слышал все долгие недели, прошедшие с тех пор, как он поднял остров из глубин.

Пошатываясь, он поднялся на ноги и зашагал по тропинке прочь от ямы, упираясь в грязь своим посохом. До него доносился гулкий, булькающий голос лорда Холеракса, взволнованное жужжание гнилокрыла, яростные вопли капитана Коклюша.

Выбравшись из зарослей папоротника и продираясь сквозь нависающие лианы, Оспий увидел Коклюша, распростертого на земле у каменистой пристани и держащегося за глаз. Его трезубец вылетел из руки и лежал в грязи рядом с ним, а лорд Холеракс, казавшийся еще более раздутым, чем прежде, стоял над ним с поднятой косой. Рядом с ним, дрожа и делая маленькие, взволнованные прыжки в воздух, хлопала крыльями и фыркала в грязи Гнилотная Муха Холеракса.

'Ты не более чем хнычущий трусэ, - прорычал Холеракс. Он прижал щупальце к нагруднику, его шлем затрясся от ярости. 'Если твоя некомпетентность привела к нарушению этого ритуала, то я за себя не ручаюсь! '

"Будь ты проклят за раздутую муху!" Коклюша вырвало. Пошатываясь, он поднялся на ноги и нашарил свой трезубец. 'Что толку, если бы мы сдохли там, ответь мне на это!'

Зоб на шее Холеракса затрясся от ярости, и, когда Оспий, прихрамывая, вышел на пристань, он был уверен, что воин собирается разрубить пирата на две части своей косой.

Коклюш держал трезубец у груди и отступал по каменистой земле, готовясь к обороне. Оспий увидел, что причалы, у которых обычно швартовались пиратские суда, опустели, а на пристани лишь толпились культисты, нервно хватаясь за оружие, обеспокоенные тем, что на тропе к яме нет пленников, которых они могли бы растерзать. Оспий встал между двумя воинами, и мрачное предчувствие закрутилось у него в затылке. Море за гаванью и носом острова Увядания было окутано серым туманом, и Кранзинпорт, приютившийся на Роканийском побережье, был скрыт от них.

‘Что происходит?’ - спросил он. Его голос захрипел в мертвом воздухе. ‘Капитан Коклюш, где твои корабли? Где пленники из Кранзинпорта? Что это за насмешка, что ты в последний момент рискуешь нашим священным начинанием?’

В глазах у него потемнело, словно на него набросили простыню. Он отступил, опираясь на посох. Ритуал истощил его; он был глупцом, что взялся за него до того, как мульча была готова. Глупец, самонадеянный и нетерпеливый, шатающийся, как нурглинг, жаждущий озорства, когда торжественность момента должна была заткнуть ему рот молитвой!

Он закашлялся, почувствовал, что приступ отступает, с подбородка повисла ниточка слюны. Оспий вытер ее тыльной стороной костлявого запястья. *Дедушка*, - подумал он. *Сколько себя я вложил в этот момент? Опухоли и вздутия твоей благосклонности сгорели и сменились этим слабым иссушением...*

‘Мои корабли?’ Коклюш закричал, его голос был наполнен мокротой. ‘Мои корабли лежат на дне гавани Кранзинпорта, и это все, что они мне сейчас приносят, а моя команда разрублена на куски, и среди них не осталось в живых ни одного Короля Порчи! Мы были ужасами океанов в течение столетия, и ни один порт на побережье Йска и Тирии не был обойден нашим вниманием, и что теперь? Неужели я останусь одиноким капитаном, у которого нет ни корабля, ни команды? Проклятье!’ - воскликнул он. ‘Будь проклята твоя святая затея, колдун, ибо ты стоил мне всего!’

Оспий с ужасом посмотрел на лорда Холеракса.

'Это правда?'

'Да, правда', - прорычал воин. Он издал высокопарный визг смеха, хотя в его голосе не было и капли веселья. 'Из-за некомпетентности этого пирата налет потерпел полное фиаско! Вот что бывает, стоит лишь довериться таким негодьям'.

Коклюш надвинулся на Холеракса, с вздетым трезубцем, чтобы подчеркнуть свои слова.

'Именно эта дурная Гнилостная Муха принесла нам весть о войсках, пришедших в Кранзинпорт, не так ли? Нас заманили в ловушку, в засаду! У них было не меньше сотни солдат, закаленных воинов. У них были пушки, ракеты, зажигательные устройства страшного и неведомого искусства!'

'Ложь, - прошипел Холеракс. Он взмахнул на пирата косой, и Коклюш попятился назад, щелкая клешней омара. 'Это была не более чем небольшая компания, в лучшем случае, во главе с одним диким дуардином, который прокладывал себе путь через твою слабую команду, словно это был помет гнилой мухи!' Он запнулся и повернулся к Оспию, словно пытаясь оправдаться. 'Правда, этот дуардин, похоже, обладал могучей силой. Признаюсь, я этого не понимаю, но он горел с такой яростью...'

'Дуардин?' взвизгнул Оспий. 'Яростью? Во имя Дедушки, ты хочешь сказать, что нашим силам нанесен смертельный удар, и у нас нет пленников для обряда?'

Он смотрел на облака, сквозь клубящуюся массу тумана и пара, окутывавшую остров. Там, едва различимая в свете заходящего дня, сияла последняя тонкая полоска умирающей луны.

'Мне все равно, был ли это один одержимый дуардин или тысяча', - прорычал он. 'Одна рота или все полки Хаммерхола Гиры! На Роканийском побережье могут стоять армии самого Бога-Короля, готовые вот-вот приплыть на этот священный остров, и это не будет иметь ни малейшего значения! Проклятье язычникам и глупцам! Мы должны завершить ритуал до наступления ночи, иначе Внук исчезнет из этой реальности и его не увидят как минимум еще сотню лет!'

Коклюш, бросив на Холеракса нервный, полный ненависти взгляд, провел рукой по слюнявому языку своей пасти на животе.

‘Что же ты предлагаешь, колдун? Ведь без кораблей у меня нет больше средств заполучить ваших пленников’.

‘Желчетруб!’ - позвал Оспий.

Он взмахнул посохом, и с отрога пристани, где гранитная стена упиралась в заиленную воду, к ним подскочил демон. Из-под рваного кожаного капюшона на них смотрел единственный глаз, желтый, как гной. Из оскаленной клыкастой пасти торчал извилистый синий язык, а из раздутого зеленого брюха свисала петля гниющих кишок. Демон держал в руках кишечный мешок, похожий на наполненный воздухом мочевой пузырь. Из него торчали три трубки, вырезанные из костей, и всякий раз, когда существо сжимало пузырь, из них вырывался тонкий хрипящий звук. В другой руке существо держало шутовской маротт - кричащую голову в лохматом колпаке с бубенцами. Демон, запертый в энергии этой святой земли, казалось, мерцал и сжимался в тусклом свете - в один момент он был не более чем набросок на пергаменте, а в другой - мясистая твердь, воняющая отбросами.

‘Сыграй для нас, Геральд’, - приказал Оспий. ‘Пусть мы услышим дивную музыку Сада. Сыграй те мелодии, что сводят с ума от радости, и мы что-нибудь спасем из этих обломков’.

Он повернулся к Холераксу и Коклюшу. Оба воина дрогнули перед его гневом.

‘Милорд, готовь своих рыцарей к бою, ибо я сомневаюсь, что эти силы - кто бы они ни были - оставят наш остров нетронутым’.

Холеракс, ссутулившись и отяжелев, хлопнул по земле концевиком своей косы. За его брюшной пластиной рот, который он так старался скрыть, издал клопочущее рычание. Он быстро остановил его щупальцем.

‘Будет сделано’, - сказал он. ‘Рыцари Подболотья выйдут в бой во имя Внука, и враги пожалеют о том дне, когда осмелились выступить против нас!’

Когда Холеракса отошел, чтобы вскочить в седло своего Гнилокрыла, Оспий повернулся к капитану пиратов. 'Коклюш?'

'Ага,' сказал тот. Он прищурил свой циклопический глаз и крепче сжал трезубец.

'У тебя будет шанс искупить свою вину, и обещаю, что после этого ты переплывешь невиданные океаны'.

'Неужели? – с сомнением спросил Коклюш.

'Угасание наших надежд – это лишь компост, из которого могут подняться новые надежды', – сказал Оспий. Он жестом указал на Желчетруба. 'Пойдем, посмотрим, что можно сделать, чтобы призвать Внука'.

В туманной тишине, нарушаемой лишь плеском моря о стены гавани, раздался пронзительный вопль. Желчетруб сжал мясистый пузырь и задул сквозь шероховатый тростник, его когти заплясали по отверстиям трубочек. Завихряясь и повизгивая, разворачивалась мелодия – безумная и веселая, которая скакала и нисилась по острову, поднимаясь и опускаясь, скользя и проскальзывая, пока все, кто ее слышал, не почувствовали, как как их сердца наполняются счастливым отрешением. Желчный Оспий постукивал своей древней, обутой в сандалиии ногой по причалу и пытался подпевать. Коклюш покачивал головой и хихикал, а на обоих крыльях портовых стен культисты, казалось, замирали, когда над ними проносились ноты мелодии.

Они были еще смертны, эти мужчины и женщины, вступившие в Цикл Жизни. Некоторые из них попали под опеку Оспия, когда он впервые вышел из болот Тирии и направился к Роканийскому побережью, привлеченный видениями Дедушки. Вслушиваясь в слова, записанные им в свитках, они находили в своих душах отклик на щедрость и счастье Бога Чумы, и смеялись, видя, как их конечности приобретают столь удивительные формы. Каждая ползучая кожная болезнь или кишечная инфекция становилась для них источником радости, и они брали в руки оружие, служа ему, когда пробирались к пустым водам за Кранзиннпортом. Некоторые из них решили помочь делу Нургла, когда их привели сюда в качестве пленников из города. Те, кто был достаточно молод, чтобы их души еще не были полностью отравлены ложью Сигмара, или достаточно стар, чтобы бояться суда Сигмара, когда смерть наконец настигнет их, умоляли принять их в ряды Дедушки. Их было

меньше, чем хотелось бы Оспию, но все же... Еще больше было взято из веселых рабов на кораблях Коклюша, чтобы восполнить численность, если придется сражаться. Всего же культистов было около двух сотен: они дежурили на стапелях в гавани, ухаживали за новой порослью в джунглях или служили конюхами и оруженосцами у рыцарей лорда Холеракса. Более чем достаточно для того, что задумал Оспий.

Волынщик соскочил с пристани, продолжая дудеть в свои дудочки, и медленно, словно потянув за невидимую нить, культисты стали следовать за ним из гавани. Из джунглей с хохотом выходили мужчины и женщины с толстой кожей, покрытой фурункулами. Со скалистых мысов рысью бежали смертные, настолько искаженные болезнью, что почти напоминали священных Чумоносцев из Сада Нургла. К основанию тропы, ведущей через джунгли, подскочил Желчетруб, и все обитатели острова последовали за ним, барахтаясь в грязи, прыгая, танцуя и смеясь, когда музыка заполнила их уши и пробудила их души. Они танцевали круг за кругом, переплетая руки и щупальца, откидывая назад головы в таком восторге, что Оспий улыбался, глядя на них.

Даже сейчас, в тени новой угрозы из Кранзиннпорта, в душе колдуна царило такое счастье, что он устроил небольшую проказу. Опираясь на посох и придерживая подол мантии, он, шаркая и подпрыгивая, следовал за вереницей танцующих путников, несущихся через джунгли. Рядом с ним Коклюш размахивал клешней омара и весело напевал. Он помахивал трезубцем в такт мелодии, но мелодия Желчетруба была настолько дикой и сложной, как непокорный шум прямо с гниющих полян Бесконечности, что никто не мог и надеяться сравниться с ее безумием.

Песня привлекла даже журчащих мух и зверей джунглей.

Оспий видел, как из подлеска за ними наблюдают выпуклые глаза, как странные существа покачиваются и шаркают, когда процессия проходит мимо них. Мухи весело кружились в воздухе, проносясь то в одну, то в другую сторону, некоторые из них доходили до такого экстаза, что бросались на Желчетруба и размазывали себя по его коже.

Размахивая своей мароттой, с головой, завывающей какую-то свою путанную мелодию, Желчетруб довел процессию до края ямы в центре поляны. Там мульча кипела, источая зеленые миазмы, которые, словно темное облако, нависли над джунглями. Под ними вздымалась гниющая плоть. Бродившая желчь хрипела и хлюпала, а глубоко под поверхностью мульчи шевелилась что-то ещё.

'Вокруг, мой друг!' - позвал Желчный Оспий. 'Веди их, и мы обойдем эту яму своим танцем!'

Кивая, подвывая, с единственным желтым глазом, мерцающим то в реальности, то вне ее, Желчетруб кружил в своей песне все выше и выше, пока ее ноты, казалось, не стали когтями впиваться в самое небо. Смертные, настолько очарованные мелодией волынщика, что едва ли понимали, где и кто они, безумно танцевали на краях ямы. Взмахивая руками, они кружились по кругу, распевая молитвы, вливая свои голоса в мелодию, переходящую в немыслимые гаммы и октавы.

Коклюш размахивал своим трезубцем, как дирижерской палочкой, щелкал в воздухе клешней, а его брюшная пасть цокала языком по нагруднику. Передвигаясь, как краб, он запрыгнул на внешнюю сторону большого круга и зазвучал в песне своим булькающим, сбивчивым голосом. Желчный Оспий корчился рядом с ним, чувствуя новую силу в своих гниющих жилах. Но если капитан пиратов полностью отдался танцу, то колдун внимательно следил за его ходом. Как только Желчетруб провел культистов один, два, семь раз по окружности ямы, он поднял посох и крикнул: "Хватит!"

Ноты моментально стихли. Пузырь издал последний, почти отчаянный вздох. Желчетруб, оскалив желтые клыки, засунул инструмент под струпную руку и в последний раз с грохотом встряхнул маротту. Оспий поклонился ему, и волынщик поклонился в ответ.

Все смертные, чьи умы все еще были охвачены мелодиями, вздрогнули и остановились. Они стояли, смеясь и хихикая, собравшись вокруг ямы и радостно глядя вниз, в варево гнили и тлена. 'Сейчас, мой музыкант', - обратился Оспий к волынщику. Он поднял свой посох и внезапно опустил его, а волынщик снова прильнул языком к дудочке и направил ее в рот.

Песня, которую он теперь играл, не была веселой мелодией, подходящей для балагана. Это была одна пронзительная нота, острая, как лезвие, и яркая, как луна в безоблачную ночь. Звук, казалось, вонзился в уши Оспия, колеблющийся и точный одновременно, и он оскалил зубы от мук, которые он вызывал в его сознании.

Коклюш уронил трезубец в грязь и схватился за голову. Смертные закричали все вместе, их рты были раскрыты, а руки подняты в священном экстазе. Нота визжала все выше и выше, словно ногти царапали грифельную доску. А затем, словно по какому-то скрытому сигналу, она оборвалась, и на поляне воцарилась ошеломительная тишина.

‘Теперь, братья мои’, - с благоговением сказал Оспий. ‘Танец окончен, и жертва должна быть принесена’.

Каждый культист, вооруженный ножом, выхватил из-за пояса клинок и без замедления вонзил его себе в горло.

Кровь хлынула в яму. Тела кувыркались с края и падали в жижу. Крики восторга сменялись воплями агонии, когда плоть отделялась от костей, а едкое варево начало переваривать свою пищу. Не имевшие ножей культисты брались за дубины и дубинки и забивали друг друга до смерти, сбрасывая трупы в яму, а потом с радостью прыгали в нее сами. В их головах все еще звучала песня Желчетруба, и некоторые напевали эту мелодию, когда смерть настигала их. Яма запузырилась и начала подниматься, с ее поверхности посыпались брызги грязи. По ее плоскости расплылся зеленый туман. Земля начала содрогаться. Приближалась ночь - неестественная ночь, наступившая после того, как луна померкла и появилась вновь.

Время приближалось.

Коклюш недоверчиво смотрел на это. Один раз он рассмеялся - захлебывающимся, хриплым смехом. ‘Клянусь Дедушкой’, - сказал он, - ‘никогда бы не подумал об этом, колдун! Ага, я хвалю тебя как безжалостного злодея, человека с гнилым сердцем как у меня самого!’

Он повернулся к Оспию и нахмурился. Затем он увидел лезвие, вонзившееся ему в горло, - крюк, прикрепленный к посоху колдуна. Оспий вырвал его, брызнув зеленой кровью.

Коклюш подтянул клешню к горлу и отспулил назад, широко раскрыв глаз. Задыхаясь и брызгая кровью, он упал на землю и закричал, пока крюк пронзал его снова и снова.

‘Черт бы тебя побрал, Желчный!’ - прохрипел он. Он схватился за свой трезубец, но Оспий отшвырнул его в яму. ‘Предательство! Мятеж!’ Клешня вцепилась колдуну в ноги, но в укусе не было силы. ‘Ты... обещал мне... *корабли, шавка!*’.

‘Я сказал, что ты переплывешь невиданные океаны’, - сказал ему Оспий. Коклюш вздрогнул от удара колдовского посоха, когда тот вонзился ему в грудь. ‘Так будет и с тобой, когда та душа, которой ты обладаешь, поплывет по океанам преисподних’.

Оспий отвел крюк в сторону, и в глазах пирата померкло. Клешня упала в грязь, а пасть на брюхе в последний раз скорбно содрогнулось, когда его челюсти сомкнулись.

Коклюш был довольно большим существом но в иссушенной теле Оспия скрывалась жилистая сила, и подтащить труп до края ямы не составило большого труда. Опираясь на посох, он погрузил тело в суп и наблюдал, как оно пенится в грязи, а тяжесть доспехов медленно утягивает его под поверхность. Так нашел свой конец ужас открытых морей от Амниоса до Пристанища Контрабандистов, от Тендрильских пляжей до Побережья Терзающих Пещер.

‘Я говорил, что ты искупишь свою вину - и вот твоё искупление’.

Яма содрогнулась. Огромный слизистый мениск начал покрываться рябью. Огонь замерцал на поверхности. Туман поднялся удушливым облаком, и откуда-то с другой стороны реальности донесся звон огромного бронзового колокола.

Оспий почувствовал, как последние ноты волынщика исчезают из его сознания. На их место вернулась архитектура заклинания. Этот обряд он создавал не только с тех пор, как поднял остров из океана, но и с того самого дня, когда Дедушка впервые явился ему во сне. Старый Трясинник вытащил себя из болота и начал сплетать первые слабые нити этого

волшебства, и вот теперь, когда яма получила достаточно и наконец насытилась, пришло время Желчному Оспию занять свое место рядом с Внуком.

Он заплакал слезами радости и какое-то время не мог заставить себя говорить. И, наконец, он высоко поднял свой посох и начал произносить слова, которые изменяют мир.

ГЛАВА 19

На берегу

Весло тяжело шлепнулось в воду, когда Готрек перетал грести. Звук был похож на то, как будто кто-то пригубил бутылку эля, и пробудил Амару от дремоты. Она села, прикрыв глаза. Голова болела, но то ли от выпитой огненной воды, то ли от общей усталости, она не могла сказать. Она была измотана. Она была измотана уже несколько месяцев.

'Ты дал мне поспать?' - пробормотала она. 'Не стоило, я...'

"Всего полчаса или около того", - тихо сказал Одгер. Не хотел будить тебя.

"Похоже, тебе это было нужно", - сказал Готрек.

Амара подавила зевок. Если кто и выглядел так, будто ему нужен отдых, так это Готрек. Кожа дуардина приобрела зеленый оттенок, а рваные раны на его лице были окаймлены черным. Неукротимая сила все еще позволяла ему сидеть прямо и погружать весла в воду, но она могла сказать, что его выносливость доведена до предела. Его взгляд был тусклым, а мастер-руна потеряла часть своего блеска. Сейчас в нем чувствовалась какая-то вялость и безволие.

А что насчет тебя?" - спросила она Одгера. 'Тебе тоже следует воспользоваться возможностью закрыть глаза и немного поспать'.

Мужчина выглядел совершенно потрепанным, как будто давно уже перешагнул за свои пределы. Его глаза были запавшими и серыми, а лицо избородили тяжелые морщины. Она не могла представить, что его удерживает. И тут она вспомнила, что даже уверенность в смерти близкого человека может в конце концов стать утешением. Одгер не собирался возвращаться после этого, она знала. Остров Увядания так или иначе станет его могилой.

‘Мне это уже не нужно’, – сказал он. ‘Сон, я имею в виду. Слишком много вещей скрывается от меня в темноте. Слишком много воспоминаний, которые всплывают только в тени. Я лучше оставлю их в покое”.

Воздух вокруг них был неподвижен. Густой туман стелился по воде, и ничего не было видно дальше нескольких футов от лодки.

‘Откуда ты знаешь, что мы идем в правильном направлении?’ – спросила Амара, вглядываясь в темноту. ‘Мы могли бы вообще миновать остров и направиться к границе Владения. Или вернуться в гавань Кранзиннпорта, почём знать”.

‘Я не знаю,’ – сказал Одгер. ‘Но он знает”.

Готрек опустил весла в воду, сделал гребок, и снова поднял их из воды в алмазных брызгах. Он нахмурил брови, и казалось, что на него снова опустилась тьма. Он поднял голову и вдохнул.

‘Следуем за моим чутьем, девчуля,’ – сказал Готрек. ‘Даже сквозь этот туман я чувствую запах”.

Амара вдохнула. За запахом моря она почуяла едва уловимую вонь гнили.

‘Остров Увядания’, – сказал Одгер. Он говорил тихо, как будто их могли подслушать. ‘Осталось недолго.’

Амара вглядывалась в туман. Быть может, это обман зрения или там, в миле от воды, виднеются какие-то темные очертания? Она не знала, сколько сейчас времени, но ей казалось, что весь мир заволочло туманом, и яркий полдень сменился вечным полумраком.

Она посмотрела на темную воду под ними. На ней лежал слой странной студенистой слизи, похожей на ковер из водорослей. Чем дальше продвигалась лодка, тем сильнее в воздухе ощущался запах неочищенных сточных вод. Амара видела, как сквозь слизь проступают какие-то предметы: черви или личинки, более темные силуэты, похожие на ободранных рыб, где-то под поверхностью, и еще более темные – глубже.

На ней, как она поняла, росли цветы. Еще дальше, где стены тумана клубились и сжимались, она увидела бледные растения, раскрывающиеся на ковре слизи, как кувшинки на поверхности пруда. Только эти цветы не были яркими и ароматными: они воняли, а их лепестки напоминали оборванные крылья мух. Тычинки, вывалившиеся из куполов и чашечки, были похожи на маленькие щупальца, а больные листья, которые развевались в воздухе, казалось, вынюхивали пищу.

Одгер увидел, на что она смотрит, и прочитал отвращение на ее лице.

‘Только Сигмар знает, что здесь происходит’, - тихо сказал он. ‘С того дня, как остров Увядания поднялся из моря, по эту сторону воды происходят темные дела. Но никто не смог подойти достаточно близко, чтобы узнать. Один старик жил у отрога, где лестница спускается в туннели, у него был дуардинский микроскоп. Говорил, что в молодости получил его на харадронском торговом судне. Однажды он навел его на это место, и его лицо стало белым”.

‘Что он увидел?’ - спросила Амара.

‘Он не сказал. Только то, что здесь росли джунгли, странные растения, которых он никогда не видел, и... *что-то* двигалось на берегу. В тот день он собрал вещи и уехал в Живой город, насколько я знаю. И забрал с собой микроскоп. А потом пришли налетчики на своих кораблях, и с тех пор никто не отважился предпринять такую попытку, как мы”.

‘Значит, никто не был на этом проклятом месте?’ - спросил Готрек. ‘Мы не знаем, что или кто может нас поджидать?’ Он многозначительно усмехнулся. ‘Похоже на то’.

‘Пират с клешней’, - сказала Амара, вспомнив. ‘Он говорил что-то о ритуале, что ему грозит опасность, если он останется сражаться. Вот почему они оба улетели и вернулись на остров”.

‘Да’, - сказал Одгер. ‘Я помню. Тогда я не подумал об этом, и просто решил, что нам повезло”.

“Повезло?” - презрительно бросил Готрек. ‘Эта удача уберегла их от острия моего топора, и в следующий раз им не будет так чертовски везти, могу тебя заверить”.

Амара снова посмотрела на воду. Ковер из слизи был испещрен белыми нитями, но даже когда она смотрела на него, казалось, что он мерцает и исчезает. Она моргнула глазами. Нет, все было по-прежнему, как и прежде. Существа, которые скользили по ней, черви, личинки и клещи, казалось, мелькали и исчезали, если она смотрела на них прямо - лишь на мгновение, так быстро, что это могло быть либо обманом света, либо напряжением ее уставших глаз.

‘Все это не реально’, - пробормотала она. Она протянула руку, чтобы коснуться поверхности воды.

‘Не трогай!’ - рявкнул Готрек. Она почувствовала его сильную руку на своем плече, тянущую ее назад. ‘Ты не знаешь, откуда это’.

Амара тряхнула головой, прогоняя мысли.

‘Я видела это раньше’, - сказала она. Она потерла глаза. ‘Не совсем это, но... В долине, когда Рассветоносный поход попал в засаду. Гедонисты, они были смертными последователями Темного Принца, но у них было... *кое-что* с собой. Демоны, существа, словно осколки нереальности, проникающие в реальный мир. Они мерцали, как будто были сделаны из тумана и дыма, но становились осязаемыми, более твердыми, чем сильнее становились. Чем больше нас погибало’.

‘Все это будто вырвано из Владения Хаоса,’ - сказал Готрек. ‘Все - слизь, существа, даже туман, - не более реально, чем кошмарный сон в одну минуту, а в другую - тверже камня. Я провел столетия по колена в подобной грязи, сражаясь с тем, что ты даже не можешь себе представить. Да, девушка, я думаю, ты права’.

“Что ты имеешь ввиду?” – спросил Одгер. Он с тревогой поднял глаза.

‘Это не просто болезнь или инфекция’, - сказала Амара ровным голосом. Она почувствовала, как в животе у нее завязался узел страха. ‘Это какая-то часть Владений Нургла, проникающая в Гиран. На остров Увядания, на само Роканийское побережье’.

Готрек от души рассмеялся и хлопнул по рукояти весла.

“Тогда лучше ускорить ход,” - сказал он, - ‘мы плывем прямо в Сад Нургла!’

Одгеру показалось, что его сейчас стошнит, но, к своей чести, он все же вернул руку на румпель и направил лодку вперед по илу.

'Это не имеет значения', - бормотал он, вытирая глаза о плечо. 'Я знаю, что их больше нет. Я только хочу иметь возможность умереть там, где умерли они, и забрать с собой как можно больше этих чумных ублюдков'.

'Вот это дух, парень,' - сказал Готрек.

'Одгер...' - Амара потянулась к нему. 'Когда мы доберемся туда, гребни обратно в город. Тебе не обязательно бросать свою жизнь на кон судьбы. Ты можешь покинуть Кранзиннпорт, отправиться в Друхиэль, даже в Живой город. Это не обязательно должно стать концом для тебя'.

'Но для тебя это конец?' - спросил он. Его лицо было искажено страданием. 'Посмотри на нас. Вы оба скорбите о чем-то или о ком-то так же сильно, как и я. Жрица, отринувшая Сигмара, и дуардин, который... Боги, Готрек, я даже не знаю, кто ты такой. Но я вижу в тебе такую же боль, как и в Амаре. Только не говори мне, что кто-то из вас думает, что это - не самоубийство'.

'Он прав', - сказала Амара Готреку. Дуардин улыбнулся - язвительно и цинично. 'У нас нет ни единого шанса. Ты заражен, Готрек, и ты должен это чувствовать. Я не буду сражаться, а у Одгера даже нет оружия'.

'Ха!' - рассмеялся дуарден. "Ну и герои же мы!"

"Этого мне хватит", - сказал Одгер. Он пошарил под сиденьем и достал лодочный багор. 'Мое копье может и лежит на дне гавани Кранзиннпорта, но и этого достаточно, чтобы забрать с собой парочку'.

'Здесь,' - сказал Готрек. Он откинул весла и порылся в ящике, где нашел огненную воду. Через мгновение он достал молоток. Это был массивный инструмент, которым каменщики разбивают старый камень. 'Вряд ли это то, к чему ты привыкла, жрица, но в крайнем случае сойдет. '

'Я же сказала, что буду защищаться, но не стану убивать, если могу помочь", - сказала она.

Готрек жестикулировал молотком, но когда он заговорил, голос его был усталым и покорным.

'Тогда зачем ты нужна?' - сказал он. 'Тебе следовало остаться в Кранзиннпорте и бежать с остальными. В этом мире есть много способов умереть, а не ждать, пока один из этих больных ублюдков попытается

отнять у тебя жизнь. Вырви ее у них первой, девчуля, пока им не предоставился такой шанс".

Амара сложила руки. "И всё же, - сказала она, - 'я останусь рядом с тобой, пока мой долг не будет уплачен".

'Пока ты не спасешь мою жизнь, как я спас твою?'

'Да. Таков путь моего народа, и я не могу его изменить".

'И как же ты собираешься это сделать, если ты не поднимешь оружие для защиты?' Готрек вздохнул. Он засунул молоток за пояс и в последний раз сильно взмахнул веслами. Под килем лодки раздался хруст песка и гальки. Амара разглядела за туманом склон с темными тенями, неровную линию деревьев. Вдали простирался галечный пляж, камни были замаслены черной слизью. В воздухе стоял густой запах гниения и разложения, приторный аромат гноя, рвоты и болезней.

Какое место для смерти, подумала она.

Сквозь туманную завесу донесся звон колокола. Одгер помог Готреку приторочить весла к уключинам и взялся за багор. Он встал первым.

'Что бы мы ни собирались делать, давайте сделаем это быстро', - сказал он. 'Пока они не поняли, что мы здесь".

Он спрыгнул с борта лодки и, преодолевая последние несколько футов черной воды, поплелся к берегу. Готрек поднялся на ноги и, мотая плечами, кашляя и отплевываясь, последовал за ним. Амара уходила последней. Она оглянулась на участок моря, который они пересекли, но никаких признаков Кранзиннпорта в этой мгле не было. Казалось, что они находятся на самом краю света, где сходятся все приливы и отливы магии.

'Что же нам делать?' - спросила она Готрека. 'Мы даже не знаем, с чем мы здесь боремся".

'Где есть ритуал, там есть и чертов колдун', - проворчал он. 'Найди этого ублюдка и познакомить его с моим топором. Дело сделано.'

'Так просто?' - сказала она. Несмотря ни на что, она улыбнулась.

'Всегда так'. Готрек подмигнул и зашагал в сторону джунглей, где они выходили на берег, с топором на плече.

ГЛАВА 20

Рыцари Подболотья

Полог джунглей задевал его Гнилостною муху и стебли лиан хлестали по ее неуклюжим ногам, когда лорд Холеракс вылетел из гавани. Восторженно бормоча что-то себе под нос, рвущийся в бой и охваченный азартом, Холеракс плавно повел муху над лесом и обогнул остров с другой стороны. Он вел существо к ряду хижин и лачуг на дальней стороне острова, скрытых с гавани и более широкого моря за ней, где он разбил свой лагерь недели назад. Миазмы ямы и зловонная гряда облаков, мерцавшая желтым светом, когда она вздымалась над островом, распались, когда он пролетел сквозь них. Слева от себя, едва различимые во мраке, он видел гребни морских волн, жирно разбивающихся о берег.

Вода была густой от ила, пенилась, пузырилась, как поверхность чумной ямы, где Желчный Оспий проводил свой обряд. Пролетев ниже, Холеракс увидел, как в приливе кувыркаются странные существа - звери и рыбы, извивающиеся щупальцами и отростками, вырываясь из джунглей и исчезая в волнах. Ветви странных растений цеплялись за камни и питались мульчей. Все вокруг менялось. Все было в потоке и нестабильности, то вспыхивая бурной жизнью, то вновь замирая в энтропийном гниении. И по мере того, как сила ритуала Оспия возрастала, возрастало и распространение роста, смерти и возрождения. Все будет так, как пожелал Дедушка и как ожидал его Внук.

Холеракс почувствовал, как в его кишках зашевелилась зависть - хотя, возможно, это были личинки. Покс действительно был там, в те далекие легендарные дни. Он шел вместе с Болатраксом, когда Великий Нечистый вышел вперед, чтобы взять на себя власть над Владением Алариэлль, и грязь Нургла окрасила голубые воды и сделала их ядовито-зелеными. Ах, чего бы он только не отдал, чтобы оказаться там в те славные минуты, сражаться за правое дело, отдать свою жизнь в борьбе! Он никому не завидовал, и за свою долгую и страшную карьеру владыки Подболотья Холеракс снискал себе больше славы, чем многие гиранитские военачальники. Но он не ходил с богами, как Оспий. Он не сохранил веру на протяжении всех долгих лет разочарований, ожидая, что новый рост подарит ему уверенность, когда все вокруг казалось потерянным.

Что ни говори о Желчном Оспии, подумал Холеракс, но у этого колдуна определенно было *видение*!

Пасть под его броней заскрипела зубами. Холеракс вздрогнул, поглаживая кончиком щупальца свой живот.

‘Скоро, скоро, я обещаю тебе’, - прошептал он. ‘Ты почувствуешь воздух Сада на своих зубах и языке, обещаю!’

При мысли об этом он почувствовал, как по телу пробежала мучительная дрожь. В этот священный день его враги должны затрепетать, увидев дарованное ему благословение.

Пролетая над джунглями, Холеракс слышал безумную, кружащую голову мелодию песни Желчетруба, но, хотя эта музыка вызывала в его душе странные образы и чувства, он знал, что песня не предназначена для его ушей. Он заблокировал ее в своем сознании и закричал в полете, издав длинный и гулкий боевой клич, прорезавший джунгли. Летя на низкой высоте, и вздымая вихри мертвых листьев и пыли рванными крыльями Тракса, Холеракс приближался к лагерю. Вскоре он услышал ответные кличи своих рыцарей, выезжавших на место сбора: одни приезжали с полян в глубине джунглей, другие - с патрулей далеко в море. Все они вывесили в лагере свои вымпелы и знамена, и рисунки на их знаменах рябили на влажном ветру. Когда Холеракс опустил на землю своего Гнилокрыла и выпрыгнул с седла, он увидел знамена лордов Проказуса и Си'фаликса, барона Гриппа и сэра Ангинуса, а также воина без титула Хо'рея, который обязался служить Холераксу до тех пор, пока не будет поднят Внук, но ни на минуту дольше. Все они были Повелителями Порчи с исключительными заслугами, доблестные и трижды одаренные всеми благодатными болезнями, которые Бог Чумы мог подарить своим самым любимым сыновьям. Рыцари Подболотья, они были преданы своему господину и готовы были следовать за Холераксом куда угодно.

‘Милорд,’ - прохрипел сэр Ангинус, приближаясь. ‘Где проклятые оруженосцы? Неужели я должен конюшить своего Гнилокрыла?! Это возмутительно - я прикажу выпороть их за это!’

Он спрыгнул в центр лагеря с седла своей Гнилой мухи - тучного зверя с тремя безумными булавочными глазами и болтающимся хоботом, с которого на грязь капала фиолетовая жижа. Тусклая латунь его доспехов была покрыта пятнами патины и ржавчины, полушлем

скрывал большую часть широкой челюсти. На его напряженном животе, раздувшемся от трупного газа, виднелись три священных бубона, а пальцы левой руки медленно срастались в шишковатую и покрытую волдырями палицу.

‘Ты не слышал песню, сэр Ангинус?э - спросил Холеракс. Он широко улыбнулся под шлемом и зашагал дальше, пока остальные приземлялись, поманив лорда Си’фаликса и барона Гриппа, которые пронеслись по окружности лагеря в поисках места, где можно было бы расположиться. ‘Боюсь, наши оруженосцы пошли по пути палубных матросов, портовых крыс и всех смертных культистов, присоединившихся к нашему делу, не говоря уже об ордах, которые мы привели из Кранзиннпорта”.

‘И что это за путь?” - жидким, насмешливым голосом произнес безтитульный Хо’рея. ‘Вряд ли у них хватило смелости дезертировать, ведь они всего лишь корм для стрел. И в любом случае’, - сказал он, размахивая своими пухлыми руками, - ‘куда именно они могут пойти?’

‘В яму, я полагаю’, - торжественно сказал Холеракс. ‘Мастерский ход со стороны колдуна, я признаю”.

Он посмотрел на собравшихся рыцарей, оружие его воли. Они соскочили с седел и гордо стояли, твердо держась своей цели. Холеракса охватило чувство глубокого удовлетворения.

‘Увы’, - сказал он, - ‘после стольких недель набегов на улицы Кранзиннпорта пираты этого недоумка капитана Коклюша наконец-то нашли своц конец. Мы были осаждены в гавани, и корабли доброго капитана теперь украшают морское дно”.

Все были возмущены и расстроены этим - скорее из-за того, как позор отразится на их собственной репутации, чем из-за того, что кто-то из них испытывал большое уважение к пиратам. Может быть, они и последователи одного и того же бога, но безделье команды Коклюша и их небрежный пиратский образ жизни не позволяли считать их настоящими братьями по оружию. У рыцарей Подболотья более строгие стандарты.

‘Вызов!’ - воскликнул барон Грипп. Он потряс своим скимитаром, и ржавые прутья лицевой пластины еще глубже врезались в зловонные складки его кожи. ‘Мы устроим им такую выволочку, что они никогда ее

не забудут!' Он наклонился ближе, как бы в знак уверенности. 'Кто были эти мятежники?'

'Чужаки', - подтвердил Холеракс. 'Не отбросы Кранзиннпорта, а более профессиональные воины, пришедшие им на помощь'.

Он подошел к своему шатру и отвязал ржавый латунный шест своего личного знамени, на котором оно было вывешено. С большим трудом, выкручиваясь и проклиная отсутствующих оруженосцев, ему удалось прикрепить его к спине, и грязно-багровое полотнище обвисло в тумане.

'Коклюш считал, что нас атаковали всеми орудиями войны, но я полагаю, что наши враги - не более чем компания смелых авантюристов. Опасная, но не сравнимая с объединенным силовом оружием рыцарей Подболотья'.

По воздуху раскатился аденоидный рев одобрения собравшихся рыцарей.

Затряслось оружие, возвысились голоса, затрепетали складки заплевываемой кожи. От воинов поднялась зловонная дымка, вырвавшаяся из-под пластин доспехов и растяжек потной плоти.

"Берите свои знамена!" - проревел Холеракс. 'Запрягайте мух! Готовьтесь! Если эти дьяволы не переплывут море, чтобы бросить нам вызов, то мы сами переправимся через залив и перебьем их на улицах разрушенного города!'

Его зоб задрожал, и он хлопнул щупальцем по нагруднику. Настал ли момент? Должен ли он сделать это сейчас, чтобы вдохновить своих рыцарей на еще большие подвиги? Да... Он покажет им, что именно Дедушка считал нужным даровать их командиру. Пусть они наконец узрят истинные качества своего господина и повелителя!

Нервно дернув щупальцем за край пластины, Холеракс одним величественным и размашистым жестом сорвал доспехи и выпустил в воздух свой раздувшийся живот. Пасть в его животе бешено скрежетала зубами, язык высунулся, как у змеи, чтобы почувствовать дуновение ветерка. Переложив косу в щупальцевую руку, Холеракс похлопал себя по животу правой рукой, готовясь к волне благоговения и поздравлений, которые, несомненно, были ему положены.

Но он так и не последовали. Лорд Си'фаликс своим циклопическим глазом уставился куда-то поверх левого плеча Холеракса, прочистил

горло и с почти скрупулезной тщательностью выплюнул комок слизи на песок. Волны плескались и бурлили на берегу. В удушливых зарослях джунглей жужжали мухи. Холеракс посмотрел вниз.

Там, где он ожидал увидеть огромную и разинутую пасть, усеянную острыми клыками и занимающую все его огромное брюхо, Холеракс увидел слабое маленькое отверстие, больше похожее на дряблую мордочку жабы. Из него донесся хлюпающий крик. Язык, бутылочно-зеленый, высунулся и затрепетал в воздухе.

'К оружию!' крикнул барон Грипп, нарушая тишину. Его товарищи весело взревели рядом, лязгая оружием, потрясая косами. 'К знаменам! На Гнилокрылов! К войне!'

Холеракс смотрел, как они подхватывают свои вымпелы и забираются в седла своих зверей. Через мгновение, бросив последний, горький взгляд на свой нагрудник, лежащий на песке, он последовал за ними.

'Я требую сдержанности только в одном!' - воскликнул он, садясь на Тракса. "Если увидите в этой компании дуардина, предоставьте его мне!".

ГЛАВА 21

Атака гнилостных мух

Справа от них возвышался отрог из черного камня - скалистый мыс, вдававшийся в широкую естественную гавань. По обе стороны от нее были возведены и укреплены стены, а из обтесанных плит скалы сооружены два длинных стапеля для причала пиратских кораблей, уничтоженных ими в Кранзиннпорте. Морская вода билась о стены гавани, словно нечистоты в гальюне.

Куда бы Амара ни посмотрела, везде виднелись ползучие джунгли. Фиолетовые лианы, мясистые, как кишки, пробивались из-под ветвей деревьев и обвивались вокруг якорных канатов на пристани. Коврики плюща, каждый лист которого был покрыт лишайником, сползали к берегу, словно пытаясь укрыть море. Между огромными глыбами гранита и песчаника на стенах гавани росла волокнистая поросль желтого мха, пушистого, как шкура животного. В нем извивались клещи, и везде, куда бы они ни ступили, слышался хруст жуков или мягкий, гнойный скрип

слизней и червей. В воздухе порхали журчащие мухи, а сам воздух был густым от пара.

Воняло все: и земля под ногами, и ползающие по ней твари; и растения, цветущие в таком безумном и неестественном изобилии, и гниющий подлесок, погибающий под ними. Море представляло собой густую жижу, а воздух - кислые миазмы. Казалось, что они уже не стоят в реальном мире. Они находились в другом месте.

‘Как все это может быть?’ - прошептал Одгер. Он прижал к груди багор, в глазах застыл затравленный взгляд. ‘Как они могли привести сюда людей, обычных людей, вырванных из своих домов? Что за злой умысел завладел умами, что они обратились к поклонению Хаосу?’

‘Трудно понять безумие этих людей’, - хмуро сказал Готрек. ‘И нет смысла пытаться, пойми меня правильно. Все это не имеет ни малейшего смысла’.

Он зашагал дальше по гавани, его сапоги хрустели по жукам, снующим по причалу. Амара последовала за ним, Одгер шел сзади. Багор в его руке выглядел жалким оружием, но, по ее мнению, это было лучше, чем совсем никакого.

Она посмотрела на Готрека, который топал по пристани, и море разбивалось о камень под ним. Зеленый оттенок распространился по его лицу, а бородавки на спине и плечах были бледными и сочащимися. Она знала, что он умрет. Он должен был умереть уже десятки раз с тех пор, как она его встретила, но он все еще продолжал жить. Даже болезнь, которая медленно убивала, как бы неестественна она ни была, не могла остановить его. Топор на плече, голова как пушечное ядро, напряженные мускулы, готовые к бою... Готрек не останавливался ни перед кем и ни перед чем. Он не останавливался с тех пор, как они узнали об Острове Увядания в Друхиэле.

Зло подняло голову, и первой мыслью Готрека было отрубить ее.

Рука потянулась к ней. Его голос, зовущий ее, когда забрезжил рассвет. Крики, когда сгустились сумерки, и холмы закишели врагами...

Амара заставила себя идти дальше, вытесняя образы из сознания.

"Здесь тихо", - сказал Одгер. Он стоял на причале и смотрел на море, туда, где в тумане скрывался Кранзинпорт. "Я думал... не знаю, но предполагал, что они нас как-то ждут".

"А ты бы предпочел, чтобы они нас ждали?" - спросил Готрек.

"Нет", - признался Одгер. Он посмотрел на топор Готрека, на свирепое выражение его лица. "Но уверен, что ты хотел бы".

"Эти два ублюдка, которые удрали на этом летающем чудище", - прорычал Готрек, - "и я, по крайней мере, получу их головы".

Он трусцой направился к линии джунглей, подняв топор.

"Здесь есть тропа", - сказал он. "Судя по всему, хорошо протоптанная". Он присел в сторонке, порылся в траве и поднял ржавую кандалу. "Вот куда их привели", - сказал он. "Людей из Кранзинпорта. Смотри."

Одгер взял кандалу из рук Готрека. Его челюсть на мгновение дрогнула, когда он уставился на нее. Он провел пальцами по ржавому железу, и Амара поняла, что он терзает себя мыслью о том, что точно такой же наручник был надет на запястье его жены. Держал ли сын ее за руку, когда их тащили в эти тени под деревьями? Пыталась ли она успокоить его, говоря, что все будет хорошо? Лгала ли она ему, скрывая ужас в собственных глазах, чтобы он не испугался, когда наступит конец? Неужели она стояла на пороге гибели и молилась богу, который не поможет им, не поможет никому из них?

...Тянулся к ней... Звал...

Одгер посмотрел на нее. Он держал в руках кандалы, и мучения были похожи на маску, опустившуюся его лицо.

"Ты так и не вступишь с ними в бой?" - он взглянул на нее. "Ты не заставишь их заплатить, даже после этого?"

С яростным криком он швырнул ржавый наручник далеко в воду. Теперь его лицо стало спокойным. Его глаза были как камень. Амара не могла на него смотреть.

"Идем", - прошипел он. "Если кто-то из этих чудовищ еще здесь, то я увижу их в могиле раньше, чем закончится день".

'Теперь ты поешь мою песню, парень!' – сказал Готрек. Он засмеялся, но смех перешел в захлебывающееся хлюпанье, от которого он согнулся пополам. Он упал на колени и выплюнул еще один комок черной слизи, пытаясь восстановить равновесие.

'Готрек, тебе нужно отдохнуть', – сказала Амара. Она бросилась к нему и помогла встать. От него исходил запах, еще более резкий, чем обычный запах пота и несвежего пива. Его кожа была горячее, как печь, а в ее рюкзаке не осталось ничего, что могло бы ему помочь. 'Ты никому не поможешь, если ты слишком болен, чтобы сражаться'.

"Это мы еще посмотрим", – сказал он, вытирая глаза рукой. Он бросил на нее взгляд. 'Похоже, тебе все-таки нужен кто-то, кто будет драться вместо тебя, не так ли?'

Ветерок внезапно усилился и порывисто подул по скользкому галечному пляжу и крыльям гавани. Вода, дымящаяся под слоем слизи, билась о камень. Полог джунглей зашелестел – и тут Амара услышала пульсирующий гул, который поднимался все выше и выше, пока не заставил ее заскрипеть челюстями.

С другой стороны острова, стремительно рассекая воздух, с визгом неслись шесть гнилых мух. Их крылья дрожали от тусклого блеска маслянисто-зеленого света, а в седле каждой сидел нурглитский воин с оружием наготове. Пронзительно крича и размахивая оружием, всадники направили своих скакунов к гавани.

Впереди ехал повелитель Нургла, которого они повстречали в порту Кранзиннпорта: его щупальце обвилося вокруг черного древка косы, а другая рука вцепилась в попону седла. Амара чувствовала в нем азарт битвы даже за закрывавшим лицо шлемом с отверстиями. Он сразу же заметил Готрека и наклонился вперед: огромный ржавый полумесяц его косы взметнулся в воздух, и смрад мух понесся по пристани в их сторону.

'Вот они! Рубите их, мои рыцари!' – прокричал он. Его смех был таким же тягучим, как морская вода, жирно бьющаяся о стены. 'Оставьте дуардина мне. Его гниющая голова будет висеть на моем знамени еще до конца дня!'.

ГЛАВА 22

Схватка

С пляжа полетели галька и песок. Амара бросилась на землю. Она почувствовала свист косы, пронесшейся мимо ее головы, и посмотрела на Одгера, отброшенного назад, когда тот отчаянно парировал удар своим багром. От удара он перелетел через край пристани и рухнул на сходни.

Может быть, повелитель Нургла и приказал им игнорировать дуардина, но его рыцари были слишком увлечены азартом битвы, чтобы послушаться. Один из них, коренастый толстяк с зарешеченной лицевой пластиной, глубоко вдавившейся в обвисшие складки мраморно-белого лица, взмахнул скимитаром и бросился вперед. Опередив своего повелителя, воин переместился в седле и приготовился к удару, который разрубил бы Готрека надвое.

Дуардин даже не шелохнулся. Раздраженно смеясь и скрежеща зубами, он стоял с топором наготове, устремив блестящий черный глаз на несущегося к нему врага.

‘Барон Грипп, будь ты проклят!’ - закричал повелитель Нургла, когда его гниlostная муха была опережена. ‘Дуардин мой!’

‘Не запятняйте свою косу, милорд!’ - крикнул другой. Он отклонился назад в замахе, песок и опавшие листья с деревьев вздымались вокруг его скакуна, когда тот волочил свои огромные ноги по грязи. ‘Я отдам его голову вам!’.

Другие звери пронеслись над головой Амары. Готрек успел увернуться от удара скимитара воина и ухватиться за одну из задних лап мухи. Притянутая таким якорем, взревев и загудев в бешенстве, муха отскочила в сторону и поднялась в воздух, а Готрек все еще цеплялся за нее. Когда Гнилокрыл с бешеной скоростью понесся в туман над морем, всадник вылетел из седла и тяжело рухнул на каменную пристань, меч выскользнул из его руки.

‘Святые недуги деда’, - простонал он.

От удара шлем раскололся, и из прорехи вывалилось нечто, очень похожее на мозги. Все еще лежа на причале, он поднял руки и затолкал

их обратно в пролом. Затем ухватился за лицевую пластину, пытаясь снять ее.

Амара находилась всего в нескольких ярдах от него и, подняв глаза, осматривала воздух в поисках Гнилокрылов, которые заходили на посадку. Готрека нигде не было видно. Либо он упал с мухи и укатился в джунгли, либо каким-то образом держался за нее, пока та набирала высоту. В любом случае, он исчез в тумане.

'Жрица, да?' - прохрипел воин Нургла, глядя на нее. 'Я раберусь с тобой, жрица. Я много раз убивал таких, как ты, и каждый раз возносил молитву Папе Нурглу! Будь проклята борода Сигмара за трусость!'

Его желтые глаза с красными зрачками остекленели. Мозги снова вытекли из шлема. Здоровяк перекатился на бок, шлепнув по пустым ножнам своего оружия. Амара присела, отступая назад. Она могла броситься на него, схватить камень и разбить ему череп, прежде чем он успеет подняться. Она могла бы убежать, завести его в джунгли и попытаться потеряться. Она могла...

Но все это было несущественно. У нее не было оружия, а воин медленно поднимался на ноги.

В нескольких футах от воина Нургла на пристань выскочил Одгер. В руках у него был багор, а лицо было в крови.

'Я не жрица!' - крикнула она воину Нургла, надеясь отвлечь его. Она широко раскинула руки. 'Я даже не вооружена. Но я все равно увижу тебя в земле, гниющий урод'.'

'Ха! Еще большая дура, что встретила меня без оружия'. Он подходил ближе, одна рука все еще была поднята, чтобы ухватиться за голову. 'Ибо я - барон Грипп, хозяин Лилового Леса, вождь Шумной Борозды, и я владею своей вотчиной по праву, дарованному мне самим лордом Холераксом. И это я увижу тебя в...'

Одгер со всей силы ударил багром в заднюю часть бедра толстяка и рванул вверх. Плоть отвисла, и серая мышца выскочила наружу. Не чувствуя боли от раны, барон Грипп споткнулся и рухнул на спину, когда нога подкосилась под ним.

"Ударил меня в спину, а?" - бурчал он. 'Бесчестье! Позор!'

Одгер, не сбавляя шага, вонзил багор в выпуклую решетку шлема воина. Задыхаясь и крича, Одгер потащил его к краю пристани. Амара бросилась к нему, чтобы помочь, и вместе они сбросили толстяка в слизь.

‘Где Готрек?’ – тяжело дыша, спросил Одгер. Он вытер кровь с лица и посмотрел на небо. Амара увидела черные точки гниlostных мух, которые рассекали воздух в сотнях футов над ними. Она указала туда.

‘Вон там’.

‘Тогда Сигмар помоги ему...’

Пока они наблюдали за происходящим, черные пятна разрастались и наскакивали друг на друга, метались туда-сюда в тумане. Там, где туман был наиболее густым, слышались лишь нечленораздельные крики, бешеное жужжание гниlostных мух и лязг стали. Амара поняла, что затаила дыхание. В любой момент она ожидала увидеть, как он, кувыркаясь в воздухе, рухнет на скалы или погрузится в глубины джунглей. Она не была уверена, что даже Готрек смог бы пережить такое падение.

Эскадрилья мух – узел копошащихся тел – начала выпрямляться в линию. Вскоре одна из них с жужжанием вырвалась вперед, метаясь то влево, то вправо, а остальные пять стремительно неслись за ней. Амара наблюдала за тем, как ведущая муха понеслась вниз, к берегу на дальней стороне острова, неподалеку от того места, где они причалили гребную лодку, и в последний момент остановилась, а затем бросилась к причалу. Готрек глубоко вогнал лезвие топора в череп твари и, ухватившись коленями за седло, дергал за рукоять топора, как за корабельный руль.

‘Как остановить эту чертову тварь?’ – ревел он.

Он повернул лезвие в сторону, когда другие всадники настигли его, и Гнилокрыл полетел через верхние ветви джунглей. Готрек, покрылся гнилой кашицей из жухлых листьев, пылал от ярости.

Каким-то образом ему удалось протащить Гнилую муху по кругу. Муха набрала высоту, когда Готрек ударил по древку топора, а затем перекувыркнулась так, что оказалась мордой к тому месту, откуда только что прилетела. Готрек разразился жутким хохотом: он направил тварь навстречу преследующим воинам Нургла.

‘Боги’, - вздохнул Одгер. ‘Похоже, ему это доставляет удовольствие’.

‘Для Готрека’, - сказала Амара, - ‘я думаю, сражение - самое лучшее, что может быть’.

Они помчались дальше по склизкому пляжу, стараясь следовать за Готреком. Мухи толкались и проносились в двадцати футах над ними, и смрадный ветер от их крыльев душил их, пока они бежали.

‘Поединок, сэр?’ - крикнул повелитель Нургла. Его голос гулко прозвучал в туманном воздухе. ‘Хорошо, пусть будет поединок, но не жди от меня пощады!’

На животе у него красовалась клыкастая пасть, размером не больше, чем слюнявый мешочек, и она скрежетала зубами, когда он направлял косу. Готрек быстро приближался, рыча, его борода развевалась за спиной. Он выдернул лезвие топора из головы мухи со звучным хлопанием. Тварь зашипела и загудела, ее веретенообразные лапки нелепо болтались на ветру.

Все произошло слишком быстро, чтобы Амара успела рассмотреть. В последний момент, когда до цели оставались считанные футы, кричавший повелитель Нургла отпрянул в сторону. Готрек выпрыгнул из седла и ударил топором по воздуху, промахнувшись мимо него на несколько дюймов. Его мертвая гниlostная муха, из головы которой хлестали мозги и кровь, рухнула на землю. А когда Готрек падал, один из других всадников, двигавшийся слишком быстро, чтобы успеть притормозить, врезался в него.

Гнилокрыл закружился, махая крыльями. Амара увидела, как Готрек сцепился с всадником, который пытался ударить дуардина волдыристым кулаком, похожим на дубину. Держа топор за рукоять, Готрек снова и снова бил им по лицу воина. Всадник повалился назад, его разинутая пасть свисала на лоскуте с обода полушлема. Зеленая кровь лентой взвилась в воздух. Последним презрительным ударом Готрек сбросил его с седла, и тот упал в море, как мешок с гниющим мясом.

“Сбейте его с седла!” - закричал повелитель Нургла, снова разворачиваясь, но Готрек бросил своего захваченного скакуна вглубь

вражеского строя. Крылья бились друг о друга, сталь лязгала о сталь, а жужжание мух становилось все выше и выше.

Еще один воин пал под ударом топора Готрека - раздувшееся чудовище с желтым циклопическим глазом. Два рога цвета слоновой кости торчали из его бронзовых набедренных пластин, а на спине у него висела подставка для трофеев, украшенная гниющими головами. Не успев воспользоваться косой, воин нащупал кинжал, пристегнутый к седлу, но через мгновение отрубленная голова уже кувыркалась в джунглях далеко внизу. Не успокоившись на этом, Готрек уже рубил на куски пролетавшую под ним муху, крича от боевого безумия. Лезвие сверкало золотом и серебром, жаровня полыхала, и вскоре куски гниющей плоти брызнули на джунгли, пока муха летела вниз.

'Он сейчас упадет, - сказала Амара. Она схватила Одгера за руку. 'Идем!'

Полог джунглей содрогнулся. Раздался треск ломающихся веток и рвущихся листьев, крик запредельной ярости и высокий, гулкий вопль. Амара бросилась в подлесок, заслонив лицо руками, Одгер последовал за ней. Она продиралась сквозь жижуху под ногами, сквозь личинки, отбиваясь от отростков со разинутыми ртами, которые, словно лианы, тянулись к ней. Одгер срезал сочащиеся ползучие листья, которые свисали между деревьями, как занавески. Все вокруг затрепетало и поползло прочь от них, скрываясь в кустарнике. По щиколотку погрузившись в грязь, Амара следила за тем, как под рев гнева Готрека оставшиеся Гнилокрылы кружат над деревьями.

ГЛАВА 23

Поединок

Готрек стоял на небольшой поляне в глубине джунглей, у его ног валялись кишки и органы. Он тяжело дышал, сжимая в обеих руках топор. Под ним лежала разорванная в клочья Гнилостная муха, а в пологе над головой зияла огромная дыра. Листья и обломки веток трепетали на земле у его ног. Даже когда они наблюдали за происходящим, казалось, что они мерцают и сжимаются, а паутина магии и ритуалов, удерживающая их вместе, начала ослабевать. Листья превратились в черную пасту, и в воздухе запахло горелой плотью. Чем бы ни было это место, какие бы нечистые чары его ни породили, на данный момент оно лишь слабо держалось за реальность.

Где-то позади них в подлеске раздался треск. Взмах косы, звук железных сапог, пробирающихся по грязи.

‘Они осквернили это святое место’, - раздался приглушенный деревьями голос. ‘Найдите и уничтожьте богохульников!’

‘Готрек, их еще трое’, - быстро сказала Амара. ‘Если за этим стоит какой-то колдун, то мы должны быстро найти его и покончить с этим’.

Он, казалось, не слышал ее. На его лице промелькнула боль, и он, пошатываясь, ударил кулаком по спящей руне на своей груди. Над глазом сгустилось яркое пятно цвета зеленой морской волны. Болезнь пронизывала его насквозь, лишая сил и погружая в глубокое смятение.

Под ними содрогалась земля. Джунгли зашелестели, воздух задрожал, словно первые порывы бури прошли по ветвям. Издалека, из-за колдовской поросли, донесся раскатистый, гортанный рев, который словно отодвинул сам океан в сторону.

"Милосердный Азир, что это?" - прошептал Одгер.

Амара поискала тропинку в кустарнике. В листьях шумели мухи, и что-то длинное и сухое проскользнуло в грязь у ее ног.

‘Не знаю - сказала она. ‘ Но что бы это ни было, держу пари, именно там нам и нужно быть. Помоги мне с Готреком, он - наш единственный шанс.’

Подлесок хрустел и шуршал, звук двигался в их сторону. Быстрее, чем она успела моргнуть, пелена болезни мгновенно рассеялась, Готрек занес свой топор над головой и метнул его в деревья. Тот завертелся словно золотисто-серебряная комета, и с хрустом вонзился в нагрудник одного из воинов Нургла, появившегося из-за лиан, практически разрубив того надвое.

Готрек бросился за топором и подобрал его с земли. Двумя хорошо поставленными ударами он обезглавил воина. С рычанием он швырнул отрубленную голову за деревья.

‘Он здесь, лорд Холеракс!’ - раздался булькающий голос. ‘Будь он проклят этот злодей, но он только что убил лорда Проказуса!’

‘На них, Хо'рея’, - приказал повелитель Нургла, прорываясь сквозь деревья. Он указал косой, и пасть на его животе весело зашипела. ‘Пока я разбираюсь с этой дуардинской скотиной, прирежь его спутников’.

Тот, кого звали Хо'рея, зашагал по тесному пространству к Амаре и Одгеру. Он долго и высоко смеялся, издавая звук, похожий на забившийся опавшими листьями сток. Пристегнутые к его плечам пластины брони, зеленые, как проржавевшая медь, были покрыты грязью. В одной опухшей руке он держал длинный зазубренный клинок, в другой - латунную дубинку. Его лицо было скрыто за крылатым шлемом, а сами крылья шлема напоминали кричащие рты.

‘Стойте и сражайтесь, псы’, - бормотал он, голос его хрипел в горле. ‘Ронин Хо'рея желает заполучить ваши головы в качестве трофеев. Я съем ваши глаза и использую вашу содранную кожу в качестве платка. Я буду купаться в ваших кишках и использую ваши сухожилия как струны для лютен моих менестрелей. Я...’

Топор Готрека пронзил его плечо, почти отрубив руку.

Хо'рея хрюкнул, когда лезвие вырвалось, и меч упал в грязь у его ног.

‘Вот так’, - прорычал Готрек, обращаясь к Одгеру. ‘Думаю, теперь ты сможешь с ним справиться?’ Он ткнул большим пальцем в сторону Холеракса. ‘А я вырежу этому ублюдку новую пасть в брюхе’.

Готрек бросился на Холеракса, когда повелитель Нургла с грохотом вывалился на поляну. Грязь и нечистоты брызнули из его сапог. Казалось, сами джунгли затаили дыхание, когда он взмахнул своей косой. Раздался оглушительный лязг стали, а затем Амара отступила назад, когда Хо'рея хрюкнул и пошатнулся, отрывая последние сухожилия, за которые дуржалась его отрубленная рука, и позволяя ей упасть в грязь.

‘Пусть Дедушка даст мне новые дары взамен этой!’ - воскликнул он.

Он размахнулся, ударив своим баклером. Амара попыталась отбить его рукой, но удар пришелся по нагруднику и отбросил ее назад. Даже однорукий он был безумно силен, грузная фигура была наполнена мощью его поганого бога. Амара увидела, как Одгер наносит удар своим багром, разрывая сталью запястье Хо'рея, но воин Нургла отбросил его в сторону. Амара ударила ногой ему по колену и откатилась в сторону, когда тот обрушил на нее баклер в попытке разmozжить ей череп.

Одгер снова набросился на него с багром, вонзив шип в бедро Хо'рея. Воин захрипел и выбил его из раны. Зеленая жижa стекала по его поножам.

‘Даже обезоруженному, ты мне не ровня, жалкий отброс’, - сказал он. Из его груди вырвался смех, и он отбросил Одгера в сторону. ‘Прекрати свои бесполезные попытки, и позволь мне скормить тебя Внуку. В конце концов, будешь мне благодарен, обещаю тебе. Когда он освободится, будет похоже, что сам Папа Нургл свободно гуляет по Владениям Смертных, прямо здесь, где когда-то ступали его святые ноги”.

Амара почувствовала, как ее охватил холодный страх, но затем появилось и что-то еще, тепло, которое, казалось, распространялось по ней, ощущение силы и могущества. Ее пальцы ухватили что-то, утонувшее в грязи, - рукоять молотка, который Готрек взял с лодки. Должно быть, он выронил его, когда падал с Гнилокрыла. Она крепко вцепилась в него, и на мгновение ей показалось, что ее руку направили именно в это место.

‘Кем бы ни был этот Внук’, - проговорила она, - ‘он никогда не получит свободу на Острове Увядания, обещаю тебе”.

Он навис над ней, от него исходило зловоние, как из сортира. За прорезями его шлема виднелись слезящиеся желтые глаза, пылающие веселым безумием.

‘Остров Увядания? Так его называют смертные?’ Он захохотал, откинув голову назад. ‘Это осколок ногтя Дедушки, дитя, а Внук - аспект самого Папы Нургла! Это не просто остров, глупая девчонка. Это место роста. Это плодородие и плодовитость. Это плодородие и...’

Амара выхватила молоток и ударила его по челюсти.

‘У меня есть идея’, - сказала она.

С криком ярости воин попятился назад, из его подбородка потекла зеленая жижа. Амара отшатнулась. Она стряхнула слизь с рук, стараясь не потерять сознание от зловония, и тут увидела, что Одгер приближается к ней с поднятым багром. Он подпрыгнул и вонзил шип в шею воина Нургла.

Здоровяк с воем повалился вперед. Он упал на землю, а Одгер, кричащий от гнева, со всей силы вонзил лезвие в его череп, расколов лицевую пластину. Воин Нургла рухнул лицом в в грязь, начал захлебываться и пускать пузыри. Наконец, утонув в болотной жиже, опухшее тело замерло без движения.

Амара, пошатываясь, поднялась на ноги. Одгер отступил от трупа, его грудь вздымалась.

‘За Кранзинпорт’, - тяжело дышал он. ‘За Мелиту и Кловиса, за всех, кого ты там убил, ублюдок!’

На другом конце поляны Готрек и лорд Холеракс продолжали дуэль, не щадя друг друга. Повелитель Нургла был чудовищем - семь футов гниющей, мраморной плоти и проржавевшей стали. Щупальце его правой руки хитроумно обвилось вокруг древка косы, придавая ей еще больший размах. Лезвие косы было почти пять футов длиной, и Готрек мог дотянуться до него лишь на малую часть. В ослабленном состоянии он только и делал, что отбивал каждый взмах косы, рискуя по поляне в поисках возможности нанести свой удар.

Амара видела, как он ослаб. Каждый раз, когда он прыгал вперед, это отнимало у него все больше сил. В каждом ударе его топора было чуть меньше силы, чуть меньше той взрывной энергии, которую он использовал раньше. Когда Холеракс наносил ответный удар, ударяя острием косы ему в грудь или рубя с размаху, Готрек пошатывался под напором. Его плечи обвисли, кожа стала зеленой и бледной. Только глаз, казалось, все еще пылал прежней горячей яростью.

‘Ты легко расправился с пиратами, дуардин’, - усмехался Холеракс, - ‘но они были не более чем шайкой праздных разбойников, больше привыкших терроризировать детей и стариков на разрушенных улицах ваших городов’. Он взмахнул рукоятью косы и нанес Готреку удар по виску. Дуардин хрюкнул и настороженно отступил назад, со лба текла кровь. ‘Здесь, я подозреваю, ты встретишь свой конец. За все свои долгие годы я ни разу не проиграл в поединке. Можешь ли ты сказать то же самое?’

‘Да, черт возьми, могу,’ - усмехнулся Готрек. Он пригнулся и, словно пушечное ядро, ударил Холеракса в брюхо, выбив повелителя Нургла из равновесия. ‘А ведь я сражался и с более крупными и уродливыми тварями, чем ты, и вообще!’

Он вонзил лезвие топора глубоко в бок Холеракса. Холеракс хрипнул и ударил косой так, что острие воткнулось в плечо Готрека. Сцепившись, рыча друг на друга, каждый сжимал оружие. Кровь потекла по спине Готрека.

Одгер подбежал с багром и ударил по щупальцу лорда Нургла. Амара выхватила из трясины липкую лозу, вздрогнув от ее прикосновения. Она обвила ею шею Холеракса и попыталась задушить его сзади. По поляне разнесся истошный рев Холеракса.

'Готрек!' – прохрипела Амара. 'Я знаю, что они делают - они собираются призвать некий аспект самого Нургла и обрушить его на Полосу Вечной Весны, на весь Гиран. На сами Владения Смертных!'

'Пора заканчивать этот чертов танец', - пробормотал он.

Оскалив обломанные зубы, с выступившими на лбу венами, Готрек отпустил топор и вцепился в челюсти на брюхе повелителя Нургла. С отвратительным хрустом он раздвинул их и просунул внутрь руку по локоть - его ладони была изрезана игольчатыми зубами пасти.

Холеракс закричал. Его зоб задрожал, и щупальце бешено захлестало вокруг. Одгер был отброшен в сторону, и бок щупальца врезался ему в лицо. Амара упустила лозу, и та выскользнула из ее рук. Но тут Готрек, хрюкая, как мясник, разделяющий кусок мяса, вырвал из груди Холеракса целую вереницу гниющих органов. Сердце, легкие, печень - все это с хлопанием вылетело в разорванную пасть, и все потроха набились в гниющую полость - смрадное месиво, которое Готрек с отвращением швырнул через плечо. Когда Холеракс, шатаясь, попятился назад, размахивая руками и издавая возмущенные вскрики из-под шлема, Готрек подхватил свой топор и с ревом обрушил его на лицо лорда Нургла.

Шлем рахлетелся на части. Череп треснул, и дикое, оскаленное лицо нурглита было рассечено надвое.

Готрек рухнул в грязь. Грудь его мерно вздымалась, а веки подрагивали от усталости.

'Борода Грунгни, - простонал он. 'Как будто... Как будто у меня сотня самых тяжелых похмелий одновременно...'

‘Это инфекция, Готрек, ты должен бороться с ней’, - сказала Амара. Она опустилась на колени рядом с ним, обнимая его голову, опустившуюся на грудь. ‘Мы должны найти эту штуку и остановить ее, пока не стало слишком поздно, и ты нам нужен. Ты слышишь меня?’

Его глаза закрылись, а челюсть отвисла. Амара отдернула руку и изо всех сил ударила его по лицу. ‘Готрек! Черт возьми, ты нам нужен! Ты нужен мне, слышишь? Ты...’ Она зажмурила глаза, потом снова открыла их и увидела избитое, жесткое лицо дуардина, смотревшего на нее.

‘Без тебя у меня ничего не останется’, - тихо произнесла она.

По его лицу медленно расползлась щербатая улыбка. На поверхности мастер руны вспыхнул золотистый свет. На его щеки вернулся оттенок цвета - небольшой румянец под бледно-зеленым цветом.

‘У тебя еще много чего осталось, девчуля.’ - пробормотал он. ‘Может, ты и наполовину сломлена, но я... вижу в тебе гнев... Желание бороться за то, что ты потеряла’.

‘Я потеряла все’, - сказала Амара.

‘Но... не твои воспоминания. Никогда не отпускай их, слышишь? Это то, за что ты борешься... За то, что у тебя когда-то было. И чтобы не дать другим людям отнять их...’

И снова раздался этот апокалиптический рев, глубоко в земле, разнесшийся по сизым зарослям джунглей. Под ними задрожала земля. Деревья трепетали.

Готрек схватился за руку Амары. Осторожно он поднялся на ноги. Он застонал, нагнувшись, чтобы поднять топор, но руна уже мерцала светом. Он провел по ней пальцами и выпятил челюсть, как показалось Амаре, с сожалением.

‘Нет’, - пробормотал он. ‘Я сделаю это сам или не сделаю вовсе’.

Руна вспыхнула один раз и застыла, как раскаленный слиток, опущенный в холодную воду. Готрек вытер кровь с лица. Его кожа оставалась бледной и желтоватой, но в нем еще оставались силы.

‘Ладно’, - сказал он, затягивая пояс. ‘Если я не могу убить Нургла, то давай хотя бы выьем дурь из его внука’.

ГЛАВА 24

Внук

Оспий стоял на краю дымящейся ямы, вдыхая смертоносные испарения. Он смотрел за рванные растения джунглей, которые пробивались в реальность из корней, уходящих вглубь Сада Нургла. Он видел не только сквозь дымку тумана, поднимавшуюся из ямы, но даже сквозь мерцающее присутствие Желчетруба, расхаживавшего по поляне. Он смотрел дальше, туда, где в черной траве были разбросаны обрывки его предыдущего заклинания, изумрудные и кислотно-желтые нити, невидимые для всех, кроме тех, кто натренировал свое зрение на восприятие тайного. Линии старого заклинания умирали, но, как давно заметил Дедушка, смерть и разложение были не более чем необходимыми условиями новой жизни.

Посох приятной тяжестью лежал в его руке, и он поднял его высоко. Он мысленно вернулся к словам заклинания и почувствовал, как они, словно тошнотворный газ, расплываются на его языке. Сначала молитвы, обрамляющие заклинание, призывы к плодородию и благодати. Затем заявление о намерениях, направление обряда, бесстрашно выкрикиваемые в воздух. Наконец, почувствовав, как тяжесть обряда оседает на его плечах, словно старое одеяло, теплое и уютное, Оспий начал снова собирать обрывки заклинания в полотно.

Энергия земли, этого острова, этого гноящегося осколка Дедушкиного ногтя поднялась вокруг него. В голове у него зашумело, и вскоре слова, которые он произносил, казалось, исходили откуда-то извне пространства и времени. Оспий поднимал свой посох все выше и выше, его руки дрожали. Он видел, как в пространстве за гранью реальности вокруг поляны выстраивается архитектура заклинания, как лестница его слов, произносимых нараспев, опускается в яму и уносится в кипящую мглу Сада Нургла, где все, что умерло, вырастет вновь, а все, что выросло, однажды увянет в плодородном разложении.

Накипь, лежавшая на вареве из гниющих трупов и рвоты, начала содрогаться. Как струп на зияющей ране, она начала отслаиваться. В пленке широкого мениска появились трещины, и из каждой щели в воздух с силой хлынул переливающийся свет.

Под ним загрохотала земля, да так мощно, что чуть не свалила с ног. Оспий возвысил голос, выкрикивая слова в воздух и в эфир, который находился на расстоянии волоска от него, по ту сторону реальности.

В жиге озера начало собираться лицо. Когти, каждый длиной с человека, сдавила поверхность. Два многоконечных рога пронзали пелену. Зияющая пасть раскрылась в грязи, издав звук, похожий на конец света. В глубине слизи вспыхнули три красных, как пламя, глаза, каждый из которых был почти три фута в поперечнике. Из мерзкого варева высунулась рука и ухватилась за край ямы.

Медленно, словно рождаясь в мир, Внук стал проникать во Владения Смертных.

Оспий, истекающий кровавыми слезами, из носа и ушей его текла бледная слизь, сильно содрогнулся, когда заклинание подошло к концу. Он упал на колени, опираясь всем своим весом на посох. С благоговением и ужасом взирал он на то, что сотворил, сжимая руки в священном экстазе.

'Внук!' - воскликнул он. 'Повелитель, я веками ждал этого момента! Позволь мне причаститься твоей святой болезни, владыка. Позволь мне испытать ихор твоих священных бубонов!'

Демон, визжа, пока его кожа горела в свете реальности, стал вытаскивать себя дальше из ямы. Огромные лезвия его рогов взбороздили дерн, вырываясь на свободу. Грудь - массивная плита гниющих мышц - была покрыта волдырями и подкожными инфекциями. Каждая из его обвисших рук была более двадцати футов длиной, и в их складках кишели личинки. Когда он вытягивал себя из эфира, переваливая через край ямы свое бургистое и зараженное нутро, его обнаженные органы парили в липком воздухе. Поверхность кожи сверкала, как яркий мираж. Красные глаза, сгруппированные в виде тройного знака Нургла, светились inferнальным, неземным светом.

Это был Великий Нечистый, пришедший из Сада Нургла - но в какой-то мере он и сам был частью Сада. Он был основой и плоть лопастных папоротников, ковром из плодородного ила, возвышавшимися над ним высокими стволами разросшихся деревьев. Там, где свет падал сквозь пелену тумана, Внук мерцал, как поверхность прозрачной воды. Там, где на его кожу падали тени, демон казался не более чем наброском жизни,

нацарапанным на странице реальности. Вокруг него вяла и умирала трава. Плодоносящий кустарник за пределами поляны превратился в бурую шелуху. Но уже тогда, пока Оспий наблюдал за происходящим, прикрыв глаза от всего этого величия, в усохшем кустарнике зародилась новая жизнь. Зеленый сок хлынул из стеблей и листьев. Деревья вздымались еще выше, а их стволы наполнялись трупным газом. Журчащие мухи с азартом носились над зеленой жижей ямы, садились на кожу Внука, обглаживали ее хоботком и лапами и откладывали яйца под корку его плоти. Почти сразу же яйца лопались, и личинки, прогрызая себе путь к поверхности, извивались на продырявленной коже и падали в грязь ямы.

Желчетруб, размахивая сочащимся мешком своего инструмента, выводил бешеную мелодию. Подпрыгивая от радости, он скакал вокруг ямы, а Внук, плюхнувшись огромным брюхом на дерн, поднимался из грязи.

В одной огромной руке Великий Нечистый держал ржавый бронзовый колокол. В другой - крючковатый клинок длиной десять футов от острия до рукояти, а само лезвие по всей длине украшали искаженные, вопящие лица. В его брюхе, рассекая поверхность от края до края, располагалась пасть небывалой величины. Острые зубы, покрытые кальциевой коркой, щелкали со звуком, похожим на лязг стали. Десны были испещрены язвами, а дряблый язык то тут, то там покрыт открытыми ранами, в которых блестили личинки. Во всех своих снах и кошмарах Желчный Оспий и представить себе не мог, что нечто столь внушающее благоговение может быть даровано искусству его заклинаний.

‘Желчный!’ - прогремел на всю поляну голос демона. Бронзовый колокол звякнул, словно последний звон обреченного собора в поверженном городе. ‘Оспий, слуга мой, ты хорошо потрудились. Да пребудет над тобой благословение Дедушки’.

Демон засопел и выплюнул комок слизи, которая обдала Оспия с ног до головы. Сила извержения отбросила его назад. Растянувшись в грязи, колдун почувствовал, что его конечности раздуваются, а грудь и живот наполняются жидкостью.

'Владыка!' - кричал он, корчась на земле. 'Твой покорный слуга благодарит тебя!'

Ремни из заплесневелой кожи разошлись на груди. Его посеревший халат был разорван в том месте, где из него вывалился живот. Он был похож на шар, наполненный гниющими соками, на плод, сорванный с дерева и не успевший созреть. Поднявшись на ноги, с каждым шагом из пальцев его стекала странная жидкость, Желчный Оспий почтительно поклонился Внуку.

'Мои искусства в твоём распоряжении, повелитель. По видениям нашего Дедешки ты появился на свет, чтобы нести его дары простым людям, взывающим к его благосклонности'.

'Тогда разнесем же скверну по морским водам', - провозгласил демон, еще раз ударив в колокол. 'Принесем святость болезней на земли. Полоса Вечной Весны захлебнется нашей славной заразой. Реки Гирана станут зелеными и почернеют от гниения. Владения Смертных будут втянуты в лоно Сада, и Сад расширится, чтобы охватить всё'. Он оглушительно захихикал, смех колыхал растрескавшуюся плоть от живота до сгибов шеи. 'Все вкусят плоды разложения. Все получают дары Нургла, и мелодия жизни и смерти охватит миры от края до края'.

Готрек срубал в сторону кустарник, прогрызаясь лезвием топора сквозь корни и колючки. Заросли пышных сорняков, утыканных шипами, казалось, преграждали им путь. Вокруг них росли кроющие листья пальм с острыми, как ножи, краями. Виноградные лозы дрожащими петлями спускались с навеса наверху, откуда падал кремнисто-серый свет, освещая солоноватую жижу, через которую им приходилось пробираться. Вирулентные лишайники распространяли споры в воздухе вокруг себя. Толстые тыквы дрожали в чашечках из листьев, бледные, как трупы, раскрываясь, чтобы показать странных полуформированных существ, которые показались Амаре похожими на освежаванных поросят или вареных щенков. Повсюду были грибы и тростник, странные водоросли, гниющая зелень, которая воняла протухшей рыбой и кислыми фруктами, и все же ничто из этого не имело ощутимой связи с реальностью. Лианы таяли в их руках. Кора разлетелась в сверкающий эфирный туман. Тем не менее, чем глубже они углублялись, тем сильнее,

казалось, становилось все вокруг. Сказочное и нереальное, оно становилось все более плотным в реальном мире.

Одгер прихлопнул журчащую муху по своей щеке. 'Становится все хуже,' - сказал он. 'Чувствуете? Воздух как... Как в шторм на море, когда все брызги летят на сушу'.

'Как будто само Владение Хаоса пытается прорваться наружу,' - сказала Амара.

'Если безумие этого проклятого места вырвется отсюда,' - проворчал Готрек, - 'это все Владения Смертных окажутся под угрозой'. Он прорубил себе путь через неровную поросль саженцев, из сломанных стеблей которых брызгал сок, похожий по виду и запаху на кашу многодневной давности. 'Более отвратного места не найти во всем мире. Хотя', - размышлял он, - 'когда дело доходит до дела, демоны - такие же существа, как и все остальные. Они все равно умирают, если их ударить достаточно сильно'.

Одгер провел дрожащей рукой по лицу. '*Кровь Сигмара...*' - прошептал он.

Снова раздался глухой звон колокола, а за ним - сгустившийся гул кошмарной речи. Амара чувствовала это всем нутром: слова дрожали под покровом джунглей и сотрясали землю, и хотя она с трудом могла их разобрать, они все равно вселяли в нее неподдельный страх. Она крепко сжала молоток, стараясь не думать о том, что будет с ним делать, когда придет время. От чьего имени она теперь им владеет? Сигмара? Своего собственного? А может быть, и Готрека...

Подлесок начал наконец редеть, заросли отступали, как занавес, кусты и саженцы редели, пока перед ними не открылась обширная поляна. Готрек продрался сквозь последние нависающие деревья и, запнувшись, остановился, а Амара, шатаясь, вышла на поляну следом за ним и не сразу поняла, на что смотрит.

Перед ней лежала масса вывороченного дерна, а ручей с какой-то приторно-темной жидкостью омывал скалу из бугристого зеленого камня. Как она поняла, в воде были останки человеческих тел - руки и ноги, высунутые из варева, полусгнившие лица, глядящие в воздух.

И тут зеленая скала зашевелилась.

Она задрожала, и жидкость зарябила под ней. Амара посмотрела вверх. Дыхание замерло у нее в горле.

'Задница Грунгни', - прорычал Готрек. "Здесь есть ещё один большой!"

'Сигмар, спаси и сохрани нас! - воскликнул Одгер. Голос его дрожал, и он вцепился в свой багор, словно это была святая икона, способная защитить его от ужаса, нависшего над поляной. Он рухнул на колени.

Сверху донизу чудовище было высотой, наверное, в сто футов. Колья его рогов торчали над деревьями. Раскинутые руки, перевитые огромными складками жировой ткани, простирались не менее чем на пятьдесят футов из стороны в сторону. Высоко на животе зияла гротескная, оскаленная пасть, десны были изрезаны язвами, а зубы напоминали заточенную слоновую кость. Глаза были похожи на три сгруппированных пузыря, красные как огонь, в белых зрачках плясало бледное веселье. Массивная челюсть демона отвисала под ухмыляющимся от уха до уха ртом, губы которого напоминали валики свернувшегося жира. Зубы в этой пасти были похожи на камни разбитого кладбища - ряд серых клыков, покрытых слюной.

На губах Амары застыла молитва - слова, в которых она просила Сигмара о благословении, и которые она не произносила уже несколько месяцев. Лишь потрясение, вызванное этим, вывело ее из оцепенения ужаса.

'Что же нам делать? Во имя чего...'

'Единственное, что мы можем сделать', - прорычал Готрек. Несмотря на его тон, несмотря на ужасы, которые предстали перед ними, он все равно устремился вперед с выражением восторга на лице. 'Это сражаться!'

ГЛАВА 25

Поляна руин

Готрек торопливо пересек поляну. По краю ямы, в тени чудовищного демона, бродил один из его меньших собратьев - злобное, грозное существо с раздутым животом и мешком под мышкой, похожим на гротескную волынку. Младший демон, покачивая палкой, на которой висела маленькая сморщенная голова, с воплями неся к дуардину. Готрек едва притормозил. Быстрый взмах топора, скользящий взгляд - и тварь повалилась на траву на две половинки, а ноты ее мелодии превратились в диссонансный гул. Отрезанная от мира, даже в жиге, где была сильна воля Нургла, тварь превратилась в черный налет на траве.

Руки Амары дрожали. Ей потребовалось все самообладание, чтобы сделать первый шаг на поляну. Она чувствовала, как дыхание перехватывает в горле, как сердце замирает в груди. Она была слишком напугана, чтобы понять, из каких глубин она черпает силы, из какой остаточной веры или животной потребности бороться, но молоток был в ее руке, крик - на губах, а ярость разгоралась в ее сердце. Одгер, молясь про себя, последовал за ней. Его лицо было каменным, безжизненным, как у мертвеца. Амаре не нужно было спрашивать, что заставило его броситься на эту дьявольскую поляну. Он видел яму. Он видел трупы, плавающие в трясине, распластанные и расчлененные. Теперь он знал, что случилось с его семьей.

Великий демон был им не по зубам. Большинство обычных людей сошли бы с ума, просто оказавшись в присутствии этого чудовища, и Амара была почти удивлена тем, что продолжала двигаться вперед. Вонь словно физически пыталась удержать ее, лед страха был достаточно холоден, чтобы сковать ее сердце, но она все равно шла вперед.

‘Милость Сигмара защитит нас!’ - воскликнул Одгер, и на мгновение Амара была вынуждена согласиться. Возможно, Сигмар все-таки был с ними после всего этого...

На дальнем краю ямы она увидела того, кто мог быть только колдуном, поднявшим монстра. С посохом в руках, с такой распухшей кожей, что казалось, она вот-вот лопнет, маг откинул серый капюшон, открыв лицо, покрытое волдырями инфекции. С бугристого скальпа свисала прядь

всклокоченных волос. Рот был похож на щель, вырезанную в деревянной маске, а глаза так глубоко запали в голову, что Амара сначала подумала, что он, должно быть, ослеп. Потом он повернулся к ним, когда они бежали по траве, и рот его распахнулся в желтозубой ухмылке.

Готрек бросился на большего демона, этого "внука", как звали его воины Нургла. Вид дуардина с матовой оранжевой бородой и ирокезом, прыгающего на стофутовое жирное чудовище, был настолько нелепым, что она едва не рассмеялась. Он просто не сдавался. Даже такое, от чего нормальные люди бежали бы в ужасе, было лишь очередной мишенью для его топора. Не было...

Она боролась с этой мыслью. Это ведь была не просто уверенность, верно? Это не было боевым безумием или каким-то фатальным желанием умереть в бою.

Тогда Амара вспомнила о том, о чем не думала уже много месяцев, что вытесняла из сознания всякий раз, когда оно подкрадывалось. Это был образ, не более того. Он возник в ее сознании, когда вокруг нее начали падать тела. Когда погиб последний из ее товарищей, когда лезвие меча рассекло ее скальп и лишило сознания в тирийских пустошах. Это было последнее, что она себе представляла - золотой свет воинов Сигмара, Грозорожденных Вечных, обрушивающихся на землю во вспышке молнии, вершащих правосудие Сигмара над богохульниками. Неудержимые. Праведные. Мрачные от веры.

Пожалуйста, - взывала она тогда. Пошли своих чемпионов, чтобы они защитили нас, Бог-Король!

Но Бог-Король не ответил...

Она смотрела на Готрека, который, завывая боевые кличи дуардинов, вонзал свой топор в жабоподобную ногу твари. В нем кипела убийственная ярость, а топор пылал, как раскаленное клеймо.

...Или всё же?

Времени на раздумья и беспокойство о Готреке больше не было. Амара увидела, как маг вскинул посох, на кончике которого дымился колдовской огонь. Она оттолкнула Одгера в сторону и нырнула в грязь. Магическая вспышка пронеслась мимо нее, вырвавшись на волю, и взорвалась на ветвях деревьев. Воздух задрожал. На всей поляне джунгли словно

вздыбились. Они вздымались все выше и глубже, сгущаясь в какой-то нелепой пародии на рост. В этом не было ничего естественного, ничего похожего на чистый, органический рост Гирана. Это было бешеное, неостановимое разрастание опухоли, бездумной и больной. Чем больше сил накапливал демон, тем сильнее просачивались в реальность ветви Сада Нургла - и они не собирались останавливаться на достигнутом.

"Если вы те самые глупцы, что потопили корабли в Кранзиннпорте," - прорычал маг, приближаясь, - "то, к вашему сожалению, должен сказать, что вы опоздали. Обряд завершен. Внук наконец-то родился на свет, и мир будет трепетать под его поступью!"

Амара, скорчившись в грязи, рискнула взглянуть на Готрека. Он карабкался вверх по обвисшим складкам брюха демона, пока тот преваливался по поляне, и вбивал свой топор, словно альпинист, вбивающий крюк для опоры. Она понятия не имела, что, по его мнению, он сможет сделать, когда доберется до чавкающих челюстей пасти на брюхе. Высоко над ним, вытянув свою дряблую шею, чтобы луяше видеть происходящее, чудовище весело хохотало.

Одгер перекатился на колени и метнул багор как копье. Колдун отбил его посохом, отвлекшись, и у Одгера хватило времени, чтобы броситься на него. Он метнулся вперед, вцепившись пальцами, как когтями, яростно крича, желая только одного - разорвать колдуна на части голыми руками.

Маг, раздувшийся настолько, что его кожа начала расслаиваться, и явно истощенный суровым ритуалом, все же успел взмахнуть посохом и ударить им Одгера в челюсть. Тот повалился на землю, глаза его потухли. Колдун повернул посох, высоко поднял ржавый крюк, чтобы вонзить его в грудь Одгера.

Амара вскочила на ноги, поскользнувшись в грязи, покрывающей поляну, и прыгнула вперед с отведенным назад молотком.

Готрек был прав. Амара стала придерживаться своего кодекса - решимости не убивать - только после того, как увидела, как погибло все, что она любила. Разве могла она спокойно смотреть, как гибнет еще один хороший человек, когда в ее руках была сила, способная остановить это? В мире, полном таких ужасов, возможно, единственный реальный выбор, который может сделать человек, - это бороться с тьмой или позволить ей победить. Вот и все.

Она опустила боек молотка, пытаясь вонзить его в череп колдуна.

Но маг оказался быстрее, чем она предполагала. Пусть он и был истощен заклинанием и опух от болезни, но он не был ползающим или слабым существом. Когда Амара прыгнула в его сторону, он взмахнул посохом и вонзил острие крюка ей в живот, выбив из неё дыхание. Перевернувшись на спину и выронив из рук оружие, Амара упала, задыхаясь.

Демон с ревом вырвал Готрека со своей груди и швырнул его через всю поляну. Амара увидела, как дуардин врезался в землю, прорыв в грязи траншею. Поднявшись на ноги, Готрек, отплевываясь опалыми листьями и жухлой травой, зарычал с яростью, не уступавшей смеху демона. Он перехватил топор и бросился назад, снова набросившись на склизкого, тучного Внука.

‘Прилив грязи распространится с этого острова по всему морю’, - с наслаждением шипел маг. Он поднял крюк над ее головой. ‘Роканийское побережье заболеет, деревья Друхиэля завянут и умрут, и вскоре Живой Город будет считать своих мертвецов тысячами. *Миллионами*. Внук грядет... и его не остановит ни одна потрепанная банда героев, как бы доблестно они ни сражались”.

Сплюнув кровь, Одгер бросился через траву и ударил багром. Шип вонзился в бок колдуна, выплеснув прогорклый гной. Маг зашатался, на его лице промелькнула вспышка боли.

"Мы ничего вам не сделали!" - закричал Одгер. Он выглядел одержимым, весь ужас последних нескольких месяцев отразился в нем. ‘Мы не были воинами, черт бы вас побрал! Мы не были ни Грозорожденными,, ни какой-либо другой угрозой, которую вы только можете себе представить! Мы были обычными людьми!’

Он снова замахнулся багром. Колдун успел отразить удар своим посохом, но ярость удара Одгера отбросила его назад.

"Разве садовник спрашивает разрешения у мусора, который он сгребает в компост?" - рассмеялся маг. ‘Разве жуки и черви имеют право голоса в планах богов? И тем не менее, они все равно являются частью Сада”.

Он подцепил багор древком своего посоха, провернул и вырвал его из рук Одгера.

'Если твоя семья была одной из тех, кого забрали с улиц Кранзиннпорта, то позвольте мне воссоединить вас - я уверен, что ты скучал по их объятиям!'

Он взмахнул посохом, и из него вырвалась вспышка желтоватой молнии. Взрыв ударил Одгера в грудь, и в тот же миг плоть на его костях начала увядать. Через несколько мгновений он стал похож на месячный труп - сморщенный, иссохший, но все еще держащийся в жестоких тисках жизни, которая не желала его покидать. Одгер закричал и, пошатнувшись, упал назад, на край ямы. Варевое из гнилых трупов бурлило под ним, а затем, последним презрительным движением руки, колдун отправил его кувырком прямо в него.

'Одгер!' закричала Амара.

Она нащупала молоток. Колдун с глазами, светящимися как болотный газ, повернулся к ней. Дым из ямы поднимался за ним, как занавес на сцене, мерцающий и мерзкий. Медленно он направил на нее посох. Нити зеленой магии потрескивали по древку, словно тот был заряжен.

В своей жизни она много раз сталкивалась со смертью. Как боевая жрица, сражавшаяся за свой город. Как одинокий странник в диких землях, распространяющий свое гневное послание о бездушных богах. С собственной насильственной смертью она давно смирилась как с вероятным концом своего пути, куда бы он ни привел ее. Но Амара не думала, что когда-нибудь в ней было столько гнева и ненависти, как сейчас.

Пальцы нащупали молоток, который она выронила. Медленно она поднялась на ноги. Одевание было ветхим остатком того, что она когда-то носила как жрица, но она чувствовала, что в ней мелькает та же уверенность, та же искра той непоколебимой веры. Это чувство разливалось по венам, как наркотик, и заставляло ее скрежетать челюстями. Молоток безвольно повис в ее кулаке. Глаза ее были как неподвижные озера, бесконечно глубокие, и она не отрывала их от лица стоявшего перед ней мага. Она приготовилась вновь выйти из серого мира в суровую чистоту, которую пыталась оставить позади. Она чувствовала, как приближается сила Сигмара, так близко, как никогда раньше.

‘Не могу не оценить твою смелость,’ - оскалился колдун. ‘Но для таких смелых авантюристов, пожалуй, было бы неразумно вооружаться простым хозяйственным инвентарем. Багры? Молотки? Я что по-твоему, гвоздь, который ты хочешь прибить к стене, моя дорогуша? Лодка, которую ты хочешь переправить через глубокие воды? Глупо, очень глупо”.

‘Я была жрицей Бога-Короля’, - сказала она. Она подняла свое оружие. ‘Знаешь ли ты, почему боевые жрецы вооружены только боевыми молотами? Это старое поверье, пришедшее из более благочестивой эпохи. В те времена считалось, что жрецы, излагающие Слово Сигмара, не должны запятнать свою душу пролитием крови. Мол, клинок режет глубоко, а молот только бьет, но не пробивает кожу”. Она улыбнулась. ‘Конечно, все зависит от того, насколько сильно ты бьешь’.

Маг громко рассмеялся. Кожа на его раздутой груди уже разошлась, и из нее начали выступать налитые кровью мышцы и сухожилия. Его глаза, утопающие в складках мраморной кожи, были похожи на сверкающие булавки. Он направил на неё свой посох.

“Когда твой труп превратится в засохшую кучку костей’, - мягко сказал он, - ‘я думаю, что прикреплю тебя к знамени Внука. Когда наши легионы будут маршировать, мы сможем утешать себя тем, что Слово Сигмара марширует вместе с нами - такое же лживое, как и всегда”.

‘Правда не может увянуть’, - сказала она. ‘И справедливость Сигмара не может ослабеть”.

Маг гоготнул, словно ожидал меньшего. Он поднял посох - и тут из грязи за его спиной, вырываясь из ямы, высунулась иссохшая рука,хватила его за ногу и вывела из равновесия.

Взрыв некротической энергии пронесся мимо головы Амары. Одгер - то, что от него осталось, - застонал от боли, выкарабкиваясь из ямы. Больше всего на свете ей хотелось броситься к нему, попытаться облегчить его агонию, но Амара знала, что у нее есть только один шанс, поскольку маг Нургла отвлекся. Она воздела молоток и обрушила его на древко колдовского посоха, разломив тот пополам.

Оскалив желтые клыки в пасти, похожейна зловонный туннель в глубине переполненной канализации, маг с шипением бросился на нее. Кожа на

его лице отслоилась, когда он взвыл, и вокруг рта показались влажные связки гниющих мышц.

Теперь в ней была какая-то сила, направляющая ее руку. Она чувствовала, как она пульсирует в ладони, спускается по древку молотка в сплюснутую железную головку - сила Сигмара, бурлящая в ее венах. Она с силой опустила молоток, и в ее душе вспыхнула вся боль тех месяцев, когда был уничтожен Рассветоносный поход. Словно красная пелена надвинулась на нее, и она почувствовала, как молоток со всей силы врезался в самый центр черепа колдуна.

Его дыхание, похожее на трупный газ, захлебнулось в пасти. Его багровые губы были заляпаны кровью. Амара вновь и вновь опускала молоток, приседая над ним, когда он падал. Треск костей, мокрая жижа из мозгов. Она кричала или плакала? Она словно стояла рядом и смотрела, как молоток разбивает голову мага на куски. Она вцепилась ногтями в его череп и разорвала его на части, как дыню. Его руки с пальцами, из которых текла черная жидкость, вцепились в ее запястья. Она подняла молоток и обрушила его вниз, затем ещё и ещё, бормоча сквозь стиснутые зубы.

'Это еще одна проблема с молотом, - прорычала она. Через некоторое время все становится похожим на гвоздь".

Она ударила с такой силой, что черенок молотка сломался.

ГЛАВА 26

Истребитель порчи

Руки колдуна плюхнулись в грязь. Вздущаяся грудь еще один раз поднялась и опала без движения. Амара обессиленно завалилась на бок. В глазах у нее клубился красный туман. Вокруг нее искрился и вспыхивал свет. Амара почувствовала, как внутри нее поднимается тошнота, и перевернулась в траву. Она увидела Готрека, который, как ни странно, все еще сражался. Он вскочил на бок демона и бросался на него, пытаясь пробиться через складки кожи. Демон долго и громко хохотал, когда Готрек вонзил свой топор ему в брюхо и продолжал яростно и тщетно карабкаться. С его клыков капала бледная слюна. Слюнявый язык высунулся и развернулся, синюшный от разложения.

‘Амара...’ - прошелестел голос.

Амара повернулась и увидела на краю ямы обмякшее тело Одгера. Его плоть стала жесткой, как дубленая кожа, мышцы сжались и скрутились, как мотки просмоленной веревки. Лицо являло собой не более чем череп: кожа натянулась на кости, зубы выпали из почерневших десен. Его глаза были выжжены из глазниц, и теперь он ничего не видел: ни бледного пара на поляне, ни прогорклой, бурлящей жизни растений, которые переплетались по всему острову и устилали море ковром. Боль отражалась на его лице, и Амара не могла понять, какая сила поддерживает в нем жизнь.

"Одгер, боги...", - вздохнула она. 'Постарайся не... Позову на помощь, я...'

Она ничего не могла сделать. Она не смела прикоснуться к нему, не зная, какие новые муки может причинить. Его рука, похожая на обгоревшие палки, потянулась к горлу. Лохмотья рубашки упали в стороны, и на шее показался кулон-молот, подаренный Баффин.

Он был нетронут. Там, где все остальное было вытравлено кислотами едкого варева, символ Сигмара сиял, как полированное золото. Цепочка была свежей, как в день еековки, а кулон светился почти внутренним светом.

‘Возьми’, - прошептал Одгер. Он постучал по кулону обожженными пальцами. ‘Тебе... Тебе он нужен больше, чем мне сейчас...’

"Одгер’, - зарыдала она, - ‘я не могу, я...’

Она слышала влажный хруст топора Готрека, с которым он рубил демона по ту сторону ямы. Даже в пятидесяти футах от нее, среди извивающейся и шуршащей листвы, она слышала, как он тяжело дышит. Он затухал. Его кожа была почти такой же бледно-зеленой, как и плоть Внука, а рубцы на спине вздымались, как белые змеи.

‘Глупый дуардин’, - прорычал демон. Его голос пронесся по поляне, как землетрясение, и так глубоко, что Амара почувствовала его в груди и в животе. От этого голоса ей захотелось блевать. ‘Истребитель из давно исчезнувшего мира, последний из своего рода. В тебе есть сила, правда. Я чувствую ее, вижу ее нити, запутавшиеся в твоей душе, но ты не понимаешь и доли этого, дитя”.

Одгер застонал рядом с ней. Он снова потянулся к кулону.

‘Амара’, - еле дыша прошептал он. ‘Пожалуйста, возьми его! Призови... Сигмара на помощь. Он дал тебе эту силу, ты знаешь это. Он никогда не оставлял тебя, он... Он никогда не оставлял меня”.

Он застонал от боли, пронзившей его исхудавшее тело. Амара быстро сняла цепь с его шеи.

‘Брось меня туда’, - прошептал он. ‘Пожалуйста... позволь мне быть с ними, в последний раз...’

Она сжала его руку, кивнула, хотя он и не видел ее. Амара намотала цепочку на костяшки пальцев и сжала кулон, а затем поцеловала Одгера в лоб.

‘Будь снова со своей семьей’, - сказала она. ‘И если Сигмар не даст вам совместного мира в посмертии, то, клянусь, я пойду к нему и потребую ответа, почему”.

Жизнь покинула его. Амара опрокинула его тело в яму, и через несколько мгновений оно погрузилось в жижу. Она встала и сжала кулон-молот с такой силой, что прорвала кожу на ладони.

На другой стороне ямы Внук, громко хохоча, спихнул Готрека на землю. Огромный демон с тремя огромными глазами, пляшущими в глазницах, вдавил в грязь огромный бронзовый колокол. Готрек чудом успел вовремя откатиться в сторону.

‘Ай, дуардин’, - прорычал демон, - ‘ты как ребенок, который смотрит на картину, которую не понимаешь. Источник того, что в тебе, совершенно непостижим... А теперь иди сюда! Проглочу тебя и покончил с этим!’

Готрек поднялся на ноги, опираясь на топор.

‘Тогда приступай, гнилой комок!’ - закричал он. ‘Чего ты ждешь? Проглоти меня и посмотрим, не встану ли я тебе поперек горла!’

Оранжевый ирокез ошетинился. Чего стоило ему держаться на ногах, Амара даже представить себе не могла. Он выглядел уже полумертвым.

Внук рванулся вперед, и земля под ним задрожала. Готрек стоял на месте, опустив топор в траву, скрестив руки и опираясь на рукоять. Он обратил свой сверкающий кабий глаз на демона, и на мгновение Амара не смогла бы сказать, какое зрелище было более ужасающим.

Смех демона потряс мир вокруг них. Деревья задрожали, а сами джунгли словно вспучились от усиленного роста. Полипы и узелки лопались во влажном воздухе, извергая семена, которые пускали корни, едва коснувшись плодородной земли. Цветы распускались и в одно мгновение увядали, их лепестки отрывались от стебля. В воздухе было столько мух, что Амара едва могла вдохнуть, не надышавшись ими. Повсюду росли и распространялись плоды Сада Нургла, и каменистый остров покрылся ковром из лишайников и мхов.

Внук отбросил колокольчик в сторону с таким громким звоном, что Амара схватилась за голову и упала на колени. В ужасе она смотрела на то, как демон протягивает руку и поднимает Готрека с земли. Слюнявая пасть в его животе раскрылась. Из нее высунулся язык, зеленый, как брюхо мухи. Готрек стал похож на игрушку в массивном кулаке внука, на куклу в руках чудовищного ребенка. Он задыхался от боли, когда монстр сжимал его, но взгляд его был немигающим.

‘Глотай меня, ублюдок!’ - прорычал он. ‘Готов поспорить, что я крепче, чем эти твои зубы!’

‘Очень хорошо, гном’, - промурлыкал демон. Огромный живот затрясся, и смех пробивался сквозь провисшие складки гниющей кожи. Пусть последний из твоего рода обретет покой в глубинах Сада”.

‘Готрек!’ - закричала Амара.

Это было похоже на кошмарный сон. Она не могла пошевелиться. Она лишь бессильно смотрела, как демон запихивает Готрека в зияющую пасть своего брюха. С последним раскатистым хохотом Готрек исчез в этой чудовищной пещере, отправившись на верную гибель с клятвами дуардина на устах.

Сама того не зная, Амара сложила руки вместе, словно в молитве. Сколько раз она склоняла голову, становясь на колени, восхваляя Сигмара или умоляя его о помощи? Сколько раз за все годы служения Слову ее руки вот так стремились друг к другу? Какой же была тогда воля, если инстинкт столь силен?

Подвеска-молот впилась в ее плоть. Цепочка упала между ее рук, и кованное золото засияло на этой мрачной поляне, как звездный свет на небосводе. Мухи кружились вокруг нее, ища ее глаза, рот, любое место,

где они могли отложить свои яйца. Воздух сгустился, и поляна превратилась в удушливое болото. Сама реальность казалась тонкой, словно достаточно было малейшего разрыва, чтобы прорваться туда, где все было настолько гротескно, что разрушило бы ее сознание так же быстро, как и заразило тело.

Внук, сверкая эфирным светом, залиvisto рассмеялся. Толстыми, как стволы деревьев, пальцами он подхватил бронзовый колокол с того места, где тот закатился в подлесок, и зазвонил в него ленивым, гулким звоном. Снова и снова он звонил колоколом, и бронзовый остов издавал звуковые волны, которые, казалось, мерцали в воздухе.

‘Выходите, дети плодородного пути’, - напевал Внук. ‘Выйдите из недр Дедушки и войдите в этот мир, столь богатый и созревший! Чума и эпидемии, вирусы и смута - Внук зовет вас!’

Поляна замерцала. Вокруг большого демона засияла сотня огоньков поменьше. Повсюду воздух завибрировал от напряжения. Высокий вой прорезал мир, словно миллионы голосов, возвысившихся в экстазе, но Амара знала, что звук исходит не из живого горла. Владение Хаоса было близко. Когти врага скребли по стенам мира.

Она успокоила дыхание, закрыла глаза. Она почувствовала, как кулон зажат между ладонями, и попыталась сосредоточиться на острой боли от металла, вдавливающегося в плоть. Она подумала об Одгере, уничтоженным потерей семьи, но продолжавшем бороться. Она думала о Рассветоносном походе, гибнущем в пустошах. Она подумала о Готреке, умирающем от болезни, но все еще поднимавшим свой топор для ещё одного последнего удара - ведь что такое Готрек, как не символ для всех, что борьба должна продолжаться. Если они смогут показать богам, что все еще достойны, то, возможно, боги вернутся и помогут им в трудную минуту.

Она подумала о руке, протянутой к ней, когда все было потеряно...

Пусть эта рука теперь будет твоей, - взмолилась она. Сигмар, повелитель, если я когда-либо обращалась к тебе раньше, то позволь мне обратиться к тебе и сейчас. Если понадобится, я отдам свою жизнь в этот миг. Срази меня, если потребуется, ибо я отвернула от тебя лицо в гневе и печали. Но не дай этому случиться. Услышь меня, молю тебя. Пусть мой долг перейдет к тебе, и я буду стараться

каждый день своей жизни исполнить его, клянусь. Только пусть Готрек живет. Пусть он продолжает сражаться, ибо он неодолим. Он нужен нам сейчас так, как никогда не был нужен раньше. Если ты пощадил меня, когда все вокруг погибли, то пусть это будет только ради этого момента. Пощади, чтобы услышать мою молитву сейчас, в этом страшном месте. В этот момент, пожалуйста, порази язычников. Уничтожь нечистого, я молю.

Воздух на поляне задрожал. Точки света вокруг Внука вытянулись, как хвосты умирающих звезд. Демон фыркнул и потащил свою колоссальную тушу к ней через поляну. Деревья трещали и падали, когда его массивные бока прижимались к ним. Бока ямы обрушились в бассейн застоявшейся грязи, где были принесены в жертву жители Кранзиннпорта.

‘Я чую твою молитву, жрица,’ - прорычал он. ‘Я чувствую ленты твоей веры и они слабы, как заплесневелые тряпки’.

Голос, казалось, эхом отдавался в ее сознании, пульсируя в груди. Это был голос из-за пределов материального плана. Это было сознание, сотканное из безумия Хаоса - вечное, непоследовательное. Амара впиалась взглядом в демона. Он был уже в нескольких метрах от нее, и липкий озноб его тени падал на нее.

Воздух завертелся. Демон ревел, пьянея от удовольствия, и его смех был подобен лавине. Вокруг нее мелькали его меньшие сородичи - сотни, тысячи. Желтые глаза, дикие оскалы, клыки и языки. Вонь, тлен, личинки и мухи. Плодородное безумие разливалось во все стороны поляны, и она могла только представить, как много моря было отравлено сейчас. Смотрели ли уцелевшие жители Кранзиннпорта с ужасом на эту кипящую грязь, несущуюся к ним? Знали ли мужчины и женщины Друхиэля, как близки они были к тому, чтобы быть уничтоженными?

Амара раскрыла ладонь. Она посмотрела на молот, и он засветился - но это было не просто естественное мерцание золота. Свет переливался на его поверхности, как масло. Он был похож на свет, который она видела в руне Готрека. Это был свет Порядка, чести, веры. Это был свет богов. Свет Сигмара.

‘Важна не сила моей молитвы’, - сказала она. Голос ее звучал, как ветерок, противостоящий урагану. ‘Важна сила ответа’.

Туман высоко над пологом джунглей начал рассеиваться. Чистый ветер подул со стороны моря, из глубины неба. Словно нити паутины, туман распадался. Там собрались облака, и они были темными. Амара почувствовала, как ветер проносится по джунглям, выдувая зловоние. Она подняла лицо к небу, где клубились и грохотали облака. Свет пробивался сквозь них, мерцая, как пламя инферно. Воздух словно звучали удары стального листа, снова и снова.

Внук, возвышавшийся над ней, как гора, выглядел обеспокоенным.

‘Молотодержец соизволил ответить, не так ли?’ - насмешливо произнес он. Гротескная рогатая голова откинулась назад на сгибах дряблой шеи. Клыки оскалились, глаза широко раскрылись. ‘Тогда пусть он сразит меня, если сможет! Приди, Сигмар - я жду твоей мести, если ты осмелишься!’

На поляне возбужденно жужжали мухи. Молнии потрескивали среди деревьев, проскакивая по гниющей траве. Темные тучи клубились, как вода в сточной канаве, мерцали светом - и вот небо ответило на вызов.

Вспышка была настолько яркой, что Амара подумала, что ее ослепили. Через долю секунды после этого раздался звук будто наступил конец света, такой громкий, что Амара решила, что ее оглушили. Амара закричала, но не услышала своего голоса и прикрыла глаза рукой. Полыхнуло жаром, обжегшим кожу, раздался визгливый вой, похожий на то, как будто миллиард гвоздей протащили по миллиарду кусков шифера. Земля вздыбилась и отбросила ее в подлесок, а в воздухе запахло горящими скотобойнями, кипящей блевотиной и паленым навозом.

Ползая по траве, плача и отплевываясь, Амара моргала от ожогов, оставшихся после удара молнии. В ушах стоял тонкий высокий вой, а кожу словно обожгло до хруста. В поле зрения медленно появлялись черные фигуры. Над джунглями поплыл едкий дым, пахнувший древней гнилью. Она увидела темную глыбу, дрожащую от пара. Через мгновение после ошеломляющего молчания он заговорил. Голос был невнятным, как у пьяницы, пытающегося заказать последний стаканчик.

‘Так...Так это все, Бог-Король?’ – сказал он. ‘Это... Это все, что у тебя есть?’

Когда пар постепенно рассеялся, Амара, пошатываясь, вернулась на поляну и уставилась на обугленные ошметки большого демона. Если бы

у нее еще оставалось хоть что-то в желудке, то от этого зрелища ее бы вывернуло в грязь.

Каждый дюйм его кожи был покрыт ожогами. Выступающие петли кишечника были выжжены до черноты. Глаза расплавились и превратились в ручеек розовой жидкости, стекающей по лицу, а подкожный жир под отвисшим животом был зажарен до золотистой корочки. Ручка бронзового колокольчика сплавилась с его кулаком, а вокруг него воздух мерцал от сгоревшей плоти журчащих мух и мелких демонов, которые на один короткий миг встали на твердую землю. И все же, несмотря на все это, чудовище еще жило.

В глубине его обугленного брюха раздался хохот. Пошатнувшись, демон попытался поднять покрытые волдырями руки.

'Это все, что у тебя есть, Сигмар? Я презираю твои слабые труды, Бог-Король! Я принесу тебе объятия Нургла, когда возьму Азир. Я - Внук, присутствие Дедушки во Владениях Смертных! Я - бич и я - жизнь. Я - гниль и разложение, и я - зеленый росток нового начала. Я...'

Он попятился, слова застыли на его растрескавшихся губах. Хотя глаза были уже не более чем жидкостью, стекавшей в разинутый рот, демон повернул голову, словно вглядываясь в каждый уголок поляны. Амара отступила назад, инстинкты кричали ей, что надо бежать.

Боль пронзила ошпаренное лицо демона. Вокруг чудовищной массы демона заискрились лучи света. Амара моргнула. Она увидела красное свечение на груди демона, и чем больше она смотрела на него, тем сильнее оно становилось.

'Я - священный вирус...' - прохрипело чудище, задыхаясь в агонии. 'Будь ты проклята, жрица, что это такое? Что ты сделала?'

Свечение всё усиливалось. То тут, то там обугленная кожа начинала трескаться и кровоточить. Красное свечение разгоралось все ярче, будто пламя, пробивающееся сквозь сухую горючую смесь.

Амара усмехнулась, поняв, что происходит.

'Больно, да?' - воскликнула она. Она издала резкий смешок. 'Кажется, то, что ты съел, тебе не понравится!'

Демон пронзительно закричал. Из его груди вырвалось пламя, и, когда чудовище закричало голосом, донесшимся с другой стороны реальности, Готрек выскочил на поляну. Бешено пробивая путь сквозь эфирную плоть демона, лезвие его топора пылало огнем, Истребитель пылал, как какой-нибудь дуардинский бог войны. Разбрызгивая гниющие внутренности, он спрыгнул на землю, когда Внук распался позади него, и боевой клич, который он кричал, заставил бы отступить любую армию во Владениях Смертных.

Амара упала на колени, закрывая лицо. Мастер-руна ярко пылала и выжигала всю мерзость вокруг. Пламя, пробивавшиеся в волосах и бороде Готрека, напоминало потоки лавы, а его топор больше походил на осколок молнии, чем на смертоносное оружие. Его глаза - а она видела, что глаз у него сейчас было два - были точками ослепительного света, пылающими в глубинах пустоты. Он был Гримниром. Он был Грунгни Создателем, благословением Азира. Он был душой каждого из когда-либо живших дуардинов, нацеленной на войну и жаждущей крови врагов, непобедимой.

И вот, когда демоническая форма Внука с громopodobным треском и титаническим воплем ужаса исчезла, растворившись в скрытых переплетениях реальности, а поляна задымилась от его исчезающих кишок, Амара увидела, что Истребитель не был ни тем, ни другим. Он был Готреком Гурниссоном - самым жестоким, свирепым и смертоносным из всех, кого она когда-либо встречала, но при всем том смертным. Свет покинул его, и боль от ран вернулась. Противоестественная болезнь, которая была так близка к тому, чтобы убить его, удвоила свои усилия. Готрек перевернулся на спину и рухнул, его кожа окрасилась в тот же зараженный зеленый цвет.

Амара бросилась к нему. Она опустилась на колени перед ним, прижав ладони к его вздымающейся груди. Руна снова была тусклой, как медь, а дыхание едва вырывалось из легких. Его глаз дергался, полузакрытый. Его рука ослабила хватку на топоре.

‘Готрек!’ - крикнула она. Она чувствовала, как его сердце бьется под ребрами, прерывисто и слабо. Он едва дышал. Темная зараза ползла по его венам, окрашивая их в цвет кожи. Он умирал. ‘Готрек, ты меня слышишь?’

Она ударила его кулаком в грудь. Она дала ему пощечину и попыталась поднять его в сидячее положение, но дуардин был слишком тяжел. Его тело было слишком слабо. Он был изможден.

Кулон все еще был в ее руке. Молот Сигмара, знак его справедливости и милосердия. Амара, плача, подняла его к небу. Там, в небе, едва различимо, пробивалась синева, по мере того, как испарения из ямы рассеивались. Земля содрогнулась. Дымящаяся яма, в которой призывали Внука, раскололась, и брызги морской воды взлетели в воздух на десятки футов. Остров Увядания разрывался на части.

"Когда-то я была жрицей, ' - прошептала Амара. 'И я могу стать снова". Она снова положила руки на грудь Готрека. Она остановила дыхание, пытаясь почувствовать, как течет его жизнь, где она замирает. 'Воином во имя Сигмара. Но исцелять - значит сражаться, просто по-другому".

Она пробормотала молитву, которую в последний раз произносила, стоя на коленях над телом своего сына. Когда сгустились сумерки и боль от ран почти затмила горе, она молила Сигмара вернуть его - ее мальчика, погибшего в долине, когда вокруг них умирал Рассветоносный поход. Рука, протянувшаяся к ней из палатки в то последнее утро, когда спустились гедонисты. Сигмар не услышал ее тогда; или услышал, но знал, что впереди ее ждут еще большие испытания.

Слезы хлынули по ее лицу. Она почувствовала, как сердце Готрека остановилось под ее пальцами.

'Верни его,' - рыдала она. 'Пожалуйста, верни его, за все, что он сделал".

Еще один фонтан морской воды, еще одна дрожь в земле. Деревья джунглей превратились в зловонное месиво. Камни и скалы острова Увядания рушились в океан.

Амара почувствовала, как дрожит остров, и тут же поняла, что это не остров, а слабое биение сердца Готрека.

Амара затаила дыхание. Глаз Готрека открылся. Из ее рук исчезло мерцание света. Мастер-руна вспыхнула сиянием. Готрек застонал, его кожа покраснела и стала румяной. Зеленый оттенок исчез.

'Боги небесные и подземные,' - проворчал он. Он прижал корявые пальцы ко лбу. 'У меня во рту вкус набедренной повязки оррука. Клянусь, я больше никогда не буду пить такое".

‘Готрек, ты... Ты живой?’

Она старалась не выдать своего благоговения, но ничего не могла с собой поделать. Она посмотрела на свои руки. Перешло ли исцеление от нее к Готреку, или какая-то скрытая сила в руне, заряженной молнией Сигмара, вернула его с порога смерти? Руки целительницы. Руки воина.

‘Конечно, я жив, черт возьми’, - прорычал он. ‘Хотя я бы отдал все сокровища Караз-а-Карака за то, чтобы быть мертвым, лишь бы избавиться от этой чертовой головной боли’.

Что бы ни случилось, думать об этом сейчас было некогда. Остров вокруг них содрогался. Амара пристегнула к поясу багор Одгера и обхватила Готрека за плечи. Она попыталась поднять его.

‘Двигайся’, - сказала она. ‘Нам нужно выбираться отсюда. Если повезет, лодка еще пришвартована на берегу’.

Готрек снова застонал, поднимая топор. Он потряс головой. Он был весь в слизи и засохшей крови, а половина его лица выглядела сырым мясом, но, по крайней мере, он мог идти самостоятельно. Амара не думала, что смогла бы его тащить.

‘Почему? Что случилось?’

‘Остров Увядания,’ - сказала она, переходя на бег. ‘Он вот-вот утонет туда, откуда явился!’

Лодка покачивалась на волнах прилива, ударяясь о скалы. Вся галька на пляже вздрогнула, песок пошел рябью, как жидкость, и поверхность острова начала трескаться. Земля прогибалась под ногами, сбивая их с ног, а позади них деревья и заросли вырывались с корнями. Амара снова потянула Готрека, но прямо на глазах к нему возвращалось все больше сил.

‘Все это проклятое место рушится на глазах’, - сказал он. ‘То ли молния Сигмара пробила его дно, то ли чародейство колдуна - единственное, что его удерживало’.

Амара зашла в море, ухватила за киль лодки и потащила ее по песку. Налет водорослей уже сошел и превратился в маслянистое пятно на поверхности воды. Там, где линия джунглей пересекалась с пляжем,

заросли гнилого кустарника начали таять. Растворяющаяся жидкость стекала на песок, шипя, как кислота.

Она плюхнулась в лодку, Готрек рухнул рядом с ней. Она потянулась к веслам, которые были прикреплены к уключинам, но у нее не хватило сил освободить их. Пальцы онемели, а перед глазами поплыла темная тень. Казалось, все силы покинули ее после всего, что произошло с того утра, когда они очнулись в Кранзиннпорте. Туннели к гавани, борьба с пиратами, страшное столкновение с Внуком. И молитва, которую она вознесла Сигмару, молитва, которая в какой-то мере была услышана...

‘Отдохни, девчуля,’ - услышала она слова Готрека. ‘Я займусь этим.’

Она откинулась назад, когда Готрек взялся за весла, и, погрузилась в изнуряющий сон, не перестав удивляться, как у него хватало сил продолжать путь. После всего, что произошло, он должен быть как минимум без сознания. Вода забурлила вокруг них, когда лопасти весел прорезали поверхность моря. По мере того как они отплывали от острова Увядания, она слышала, как с ревом вздымается океан и уносит его обратно, надежно пряча в глубинах, где, по воле Сигмара, никто и никогда его не найдет.

Когда они вышли в открытое море, она услышала тонкий, высокий вой, похожий на крик птицы. Она знала, что это воет нечто по ту сторону реальности, всего на волосок от неё.

Звук гнева и ярости. Звук поражения.

ГЛАВА 27

Последний поход

Равнины Тирии... Рассветоносный поход в пустоши, долина впереди... Она дремала и вспоминала.

Накануне вечером они разбили лагерь на равнине: повозки и телеги стояли кольцом вокруг лагеря. Утром они затушили костры и собрали вещи. Рассвет был потрясающим, как первая заря нового мира, поднимающаяся над зубчатыми горами вдали, их вершины скрежетали друг о друга, как зубы. Небо было голубым полотном, тронутым огненно-красными и оранжевыми красками, и простиралось от края до края бесконечного горизонта. Далеко-далеко, за сотню миль, виднелись кочующие подушечки равнинных лилий и стремительно разбегающихся в стороны вельд-луз, каждая из которых была больше самого Даголета. Каждая травинка была зеленой, как изумруд, толщиной с человеческое запястье, и нефритовый ковер простирался на тысячи миль.

Амара проснулась рано и стояла у входа в палатку, вдыхая свежий ароматный воздух. Все вокруг пахло чистотой и непорочностью, не запятнанной даже дымом первых костров или насыщенной вонью из уборной, которую они вырыли на западной окраине лагеря прошлой ночью. Тирианский воздух, подумала она. Самый лучший воздух во всем Вечновесенье. Это был запах обещаний и новой жизни. В этой широкой и бескрайней дали виднелась новая цивилизация, только ожидающая своего часа, созданная храбрыми сердцами и сильными руками Рассветоносцев, покинувших Даголет на время похода.

Она опустила на колени и взяла в руку горсть земли, плодородной и урожайной. Она знала, что все обязательства уже оплачены. Все долги в Даголете, большие и малые, были погашены. Обязательства были выполнены, и каждый мужчина, женщина и ребенок, выходящий из ворот города, делал это с именем Сигмара на устах. Они несли надежду в пустоши.

Все больше людей просыпалось, выходило из палаток и заваривало на кострах первый ксинтилийский чай. Маркитанты начали укладывать сухие дрова вокруг котелков, варить оставшихся каменных червей, которых они собрали у Багровых скал. Ограждение лагеря было разобрано, солдаты

выстроились в походный строй. Некоторые биваки и укрытия были разобраны и упакованы. После того как все поели, повозки снова привязывали к волам. Сотни людей готовились к движению, к последнему рывку на пути. Сотни людей уже погибли, но как только они окажутся в долине, начнется настоящая работа. Они будут трудиться, расчищать и строить, и вскоре появится место, которое стоит защищать своими жизнями, - новое поселение, вырванное у неумолимой земли, кусочек цивилизации, посеянный в диких землях.

Амара присела у входа в палатку и тихонько позвала его по имени. Впереди был такой день. Перед отъездом она произнесет проповедь, вложит последний штрих мужества в сердца, которые и так были почти полны им.

Она услышала, как он зовет ее. Она улыбнулась и протянула руку, и он потянулся к ней; и хотя она не знала этого, к концу дня он будет мертв. Они все будут мертвы, и Сигмар отвернет от них свое лицо.

Сначала вдалеке слышался слабый гул, словно в горах назревала буря. Затем она почувствовала дрожь под ногами, слышался стук копыт. Раздался взрывной шум, звук пронесся по лугам. Амара встала. Она нащупала на поясе молот.

‘Арнза,’ - сказала она сыну. ‘Оставайся в палатке.’

Раздались крики маркитантов. Она услышала выстрел из порохового ружья. Грохот стал глубже, настойчивее, и за шумом она услышала возглас, дикий, язвительный призыв, от которого царапало в голове и леденело в животе. В воздухе внезапно появился запах, резкий и тошнотворный, смесь мускуса и мертвых цветов.

Амара побежала на запад между палатками, перепрыгивая через веревки и снимая с пояса молот, пересекая поляну в центре лагеря, где уже горели костры. На дальней стороне выстроились отряды Свободной гильдии, другие солдаты бежали от маркитантов с окровавленными лицами и рванной формой. В воздухе раздавались крики и лязг стали. И все тот же проклятый, неистовый, пронзительный вопль.

Она увидела, как один из сержантов Вольной гильдии, крупный мужчина с торчащими русыми усами и бараньими усами, отдает приказы своим людям. Он указывал мечом, кричал, призывал.

"Посадите их в оружейные повозки", - крикнул он, когда она проходила мимо. Охраняйте припасы и разместите войска в госпитальных палатках".

Сержант повернулся - и упал навзничь со стрелой, вылетевшей из глаза.

Солдаты сбились в кучу: одни достали мечи, другие - пистолеты, ища цели. С другой стороны поляны слышались крики, громкий лязг оружия. Амара увидела бегущих мужчин и женщин, шатающихся между палаток, с залитыми кровью лицами. Стрелы сыпались как град, осыпая поляну. Сразу трое воинов Вольной Гильдии упали, пронзенные древками с переливающимися пурпурными перьями. Земля задрожала - и тут враг нахлынул на них, как прилив.

Через несколько мгновений поляна превратилась в хаотичную схватку, наполненную смазанной сталбю, кровью и яростными криками. Это были гедонисты - развратные, распущенные последователи Темного Принца. Перед ее мысленным взором предстали бритые черепа, вытатуированные тошнотворными глифами, жестокие пирсинги, рассчитанные на максимальную агонию, дикари, увешанные перьями и побрякушками, насквозь пропахшие мускусами и духами. Они бежали и прыгали с шипастыми клинками и плетью в руках, вонзая в людей сверкающие копья, с которых капала медовая смазка. Некоторые ехали на гротескных рептилоидных существах в сверкающих серебряных доспехах, их шипы и шпоры разрывали плоть, отрубали руки и ноги, когда они проносились мимо.

В считанные мгновения поляна была переполнена. Насколько Амара могла судить, весь проклятый лагерь был переполнен. Она била своим молотом, проламывая черепа и ломая конечности, и кричала, чтобы рассветоносцы держались стойко.

'Держать строй!' - прорычала она. 'Сигмар желает этого! Вознесите свои голоса в священной молитве, чтобы он укрепил наши руки в этот день!'

С момента выхода из Даголета Рассветоносный поход сражался со всем, что могла бросить в него Тирия. Племя орруков, уродливые лица которых были вымазаны белой краской, пытались проникнуть в лагерь однажды ночью; их кости до сих пор украшают повозки. Стая костяных грифов - существ, редко встречающихся за пределами Шайша, - преследовала их несколько дней, пока пистольеры Свободной гильдии не устроили засаду и не перебили их. Поле огромного, почти разумного гриба пыталось

засосать крестовый поход в свою прожорливую пасть, и они сражались с большим количеством разбойников и бродячих гаргантов, чем Амара могла даже припомнить. Но даже сражаясь на поляне, она понимала, что это совсем другое. Сокрушая кости своим молотом, выкрикивая молитвы Сигмару, она не понимала, как разворачивается битва. Все происходило слишком быстро.

Гедонисты нахлынули на их лагерь, как лавина, стекая с гор, пользуясь тем, что их осталось совсем немного после долгих месяцев пребывания в пустошах. Они двигались так быстро, что невозможно было организовать слаженную оборону. Амара видела, как рубят последних воинов Свободной гильдии на поляне, и чувствовала, как стрела прочертила по ее лбу кровавую полосу. Она попятилась назад, парировала удар скимитара, уже испачканного кровью, размахнулась и увидела, как под ударом ее молота смялось оскаленное лицо. Вокруг нее мерцал свет, жаркое утро изгибалось и скручивалось в странные, неестественные формы - демоны, вызванные нечистой похотью гедонистов, с воплями врывались в реальность из своего страшного Владения. Она увернулась от хлыста и попятилась назад, к рядам палаток и биваков, половина из которых была уже разорвана и дымилась, а полотна покраснели от крови.

Крики вокруг стали еще более дикими. Не крики ярости или боевого безумия, а паника. Куда бы она ни посмотрела, повсюду мелькали серебряные клинки, блестела промасленная кожа, обнаженная плоть и обнаженные нервы культистов, настолько обезумевших, что даже собственные страшные раны вызывали у них экстаз. Там, где стояли повозки с оружием, вспыхнули костры. Раздался сильный, ровный взрыв, повалил дым - загорелись склады с черным порохом.

Она бежала дальше, сражаясь, где могла, пытаясь собрать оставшихся в живых. Она старалась выкинуть из головы все мысли о сыне. От их силы, от их единства зависело, будет он жить или умрет. Если Рассветоносцев действительно разобьют, то все будет потеряно.

'Повернитесь и сражайтесь, будьте вы прокляты!' - кричала она. 'Сигмар видит все, и ваша трусость повлечет за собой его наказание!'

Испуганные глаза, обезумевшие от паники, устремились на нее. Люди гоготали, плакали и бежали, не заинтересованные ничем, кроме собственного выживания.

‘Только вместе наша сила восторжествует!’ - крикнула она. Она подняла свой молот. ‘Идите на смерть с радостью в сердце и молитвой на устах, ибо Сигмар просит лишь о том, чтобы мы умерли во имя его!’

Стрела вонзилась ей в бедро. Она вскрикнула от боли. Из клубящегося дыма вылетело копье, и ей оставалось только парировать его рукоятью своего молота. Она отвела острие копья и отбросила его в сторону, дико размахнувшись и почувствовав, как под ударом хрустнула кость, а затем она упала навзничь в залитую кровью траву.

‘Сигмар, пожалуйста,’ - прошептала она. Она начала ползти, волоча за собой раненую ногу. Кровь запеклась на ее лице. Она чувствовала жар пламени, ощущала запах пролитой крови, даже превышающий вонь духов культистов. ‘Услышь мою молитву. Пошли своих чемпионов, чтобы они защитили нас, Бог-Король! Пошли Грозорожденных Вечных, чтобы избавить нас от этого зла, умоляю тебя!’

Она ползла дальше, и когда услышала его крик, почувствовала, как внутри у нее что-то оборвалось.

‘Арнза! Арнза, беги, мой мальчик, беги!’

Перебирая руками, она ползла. Она попыталась встать на ноги, но нога подогнулась. Она снова услышала его крик, затем злобный смех на вонючем ветру.

Палатка, которую она покинула всего несколько минут назад, была рваной тряпкой, замаранной кровью. Она услышала крик, разнесшийся по горящему лагерю, и на мгновение задумалась, кто же мог испытывать такую боль, прежде чем поняла, что крик исходит от нее. Она сжала в объятиях то, что от него осталось. Она посмотрела на небо - оно было пустым. Сигмар отвернул от них свое лицо, и когда раздался последний удар, она его не почувствовала. Вокруг нее была только тьма и тело ее сына на руках, и когда она очнулась, единственная выжившая, оставленная умирать, тьма все еще была рядом. И она знала, что тьма уже никогда не исчезнет.

Побег

Когда она проснулась, было уже темно. Ночное небо было пронизано нитями фиолетовых облаков, и все сферы Владений парили над ними в небе. По поверхности моря плясал странный бледный свет, но через мгновение она поняла, что это всего лишь естественное свечение планктона, растущего в этой части побережья. Воздух был неподвижен, и она почувствовала далекий запах лесного дыма. Это был запах костра, запах родного, смертного мира.

Готрек сидел на другом конце лодки, сложив весла в уключины. Скрестив руки на груди, он задумчиво уставился куда-то вдаль.

‘Ты не гребешь?’ - спросила Амара, глядя на поверхность моря.

‘Идет прилив. Я позволяю морю делать работу за меня’.

В темноте она увидела блеск огней где-то справа от себя, черную линию далекого побережья.

‘Кранзинпорт?’

‘Нет’, - сказал Готрек. ‘По крайней мере, насколько я могу судить. Мы прошли значительное расстояние по побережью. Это какое-то другое поселение, может быть, городок или небольшой поселок’.

Амара поморщилась, потянувшись, - все мышцы ее тела затекли. Готрек ничего не сказал, хотя она почувствовала, как на него навалилось уныние, странная апатия.

‘Значит, твоя молитва была услышана’, - сказал он. ‘Я думаю об этом’. Он посмотрел на ночное небо, на сверкающие звезды. ‘Кто-то там, в Азире... Сигмар ли это или Грунгни, но я это почувствовал. Молния, руна... Похоже, у меня нет выбора, использовать ее или нет. Если я её не использую, то они воспользуются ей вместо меня’.

Она чувствовала, как от него волнами исходит гнев. Ссутулившийся в темноте, приземистый и мускулистый, он был похож на высеченного из камня идола, бога более древней и грубой эпохи.

‘Я молилась, и о твоём исцелении’, - сказала она. ‘Кто-то хочет сохранить тебе жизнь, Готрек Гурниссон’.

"Моя жизнь принадлежит мне," - сердито сказал он. "И смерть моя - тоже. И я не позволю... чтобы они совали свой нос, куда не надо. И вообще," - сказал он, и мрак улетучился из него так же внезапно, как и появился, - "это ты меня исцелила, а не боги. Прими мою благодарность".

Амара сжала руки в кулаки. Она поняла, что все еще держит в кулаке кулон-молот.

"Разве сила не исходит от богов в любом случае?" - спросила она. Она посмотрела на свои пальцы, на темной коже которых появились синяки и волдыри.

"Я не знаю", - признался Готрек. "Но все, что я знаю, так это то, что она ничего не стоит, если за ней не стоит смертное сердце. Вот что важно. Боги могут скакать вверх и вниз сколько, черт побери, угодно, но им все равно нужна честная плоть и кровь, чтобы добиться чего-нибудь".

Амара провела большим пальцем по кулону. Она сняла с пояса багор и надела цепочку через голову. Она подумала об Одгере и понадеялась, что после всего пережитого он наконец-то обрел покой.

"Ты кого-то потеряла, не так ли?" сказал Готрек. "Я увидел это в твоих глазах, когда мы впервые встретились. Почувствовал это в молитве, которую ты произнесла. Боль, горечь утраты".

Амара кивнула. Через мгновение она сказала: "Мой сын. Когда Рассветоносный поход попал в засаду в Тирии. Я могла бы оставить его в Даголете, послать за ним позже, когда... Но нет, дело в том, что мы собирались построить новую цивилизацию в пустошах. Я собиралась подарить ему новую жизнь. Вместо этого я дала ему только смерть".

"Как звали парня?"

Она не произносила его имя уже несколько месяцев, и сейчас ей потребовались все усилия, чтобы сказать это слово.

"Его звали Арнза", - сказала она. "Ему было семь лет."

"Я сожалею твоей утрате. Но ты не приносила ему смерть. Знай это. Это не твоя вина. Ты сделала для него все, что могла".

"Я знаю." Она покачала головой. "Я боролась изо всех своих сил, как только могла. Я выжила, и так долго винила Сигмара за то, что он оставил меня в живых, когда я хотела лишь умереть вместе со своим сыном. Но

он пощадил меня. Он пощадил меня ради этого момента, чтобы спасти тебя. Похоже, у меня тоже не было выбора".

Они сидели в тишине, пока прилив нес их все дальше. Ветерок рябил воду, и через некоторое время Амара услышала, очень слабо, звуки голосов, переходящих в смех. В поселке на берегу моря сверкали огни. Ночь была прохладной и ясной.

'Так что твой долг передо мной возвращен,' - сказал Готрек. 'Чертовски вовремя.'

Амара улыбнулась. 'Долг уплачен. Я свободна от обязательств'.

'Хорошо. Не уверен, что мне нравится, когда люди чувствуют себя настолько обязанными мне. А что насчет Сигмара?'

'Что с ним?'

'Ты снова собираешься размахивать молотом от его имени?'

'Я не знаю,' - призналась Амара. 'Многое для меня еще неясно, многое мне еще предстоит обдумать. Я не могу сказать, что полностью верю ему'.

Готрек недоверчиво хмыкнул. 'У тебя что, помутнение в голове, девчуля? Честно говоря, мне он нравится не больше, чем тебе, позолоченный великий *умги*-дурачок, но я все равно знаю, что он на самом деле есть!'

'Я не это имела в виду, - сказала она. "Я полагаю, Готрек Гурниссон, что ты считаешь боевых жрецов Храма Сигмара упертыми и лишенными воображения людьми, но...'

'Ха! Это даже не половина'.

'Но,' - продолжала она, - 'в наших битвах мы должны владеть теологией не хуже, чем боевым молотом. *Верить* во что-то - не значит слепо принимать его истинность. Вера может означать и доверие". Она посмотрела на него, ссутулившегося в лодке, со сложенными массивными руками. "Я верю в тебя, Готрек. Я доверяю тебе". Она посмотрела на небо. 'Я верю, что Сигмар там, в Азире, но я не уверена, что полностью доверяю ему. Еще нет. Боюсь, мне предстоит пройти долгий путь, прежде чем я снова почувствую это". Она посмотрела на него, на его хмурое лицо. 'Но я сделала первый шаг.'

'Боги,' - проговорил Готрек, как будто больше ничего не нужно было говорить.

Амара беспокойно устроилась в лодке. Она думала о каждом своем слове, но не могла не вспомнить свою молитву, когда Внук надвигался на нее, а Готрек болтался в его брюхе.

Пусть мой долг перейдет к тебе, - молила она, - и я буду стараться каждый день своей жизни исполнить его, клянусь...

Об этом можно будет подумать позже. Она снова пролила кровь, нарушив свою клятву, данную при смерти сына, но сделала это не во имя Сигмара. Если уж на то пошло, она сделала это во имя Готрека.

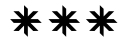
Амара закрыла глаза и легла на спину. Прилив потихоньку толкал лодку, и звуки города становились все ближе. Пусть боги борются между собой за веру и доверие; все, чего она хотела, - это отдохнуть.

'Вот что я тебе скажу', - сказал Готрек. Она слышала, как он почесывает свою матовую бороду. Он встал в лодке, и, открыв глаза, Амара увидела, как он вглядывается во мрак своим единственным здоровым глазом. 'Нам повезло. Клянусь, я чую запах таверны за этими стенами'. Он усмехнулся и взялся за весла. 'В конце концов, все получилось, да?' - сказал он. 'Нельзя назвать день потраченным впустую, если в конце наливают хороший эль!'

Амара, возможно, и согласилась бы с ним, но она слишком устала, чтобы сказать об этом. Дорога впереди казалась ей очень длинной, неожиданной, опасной и непонятной, но она знала, что все равно должна по ней идти. Свет веры вновь открылся ей, после того как она так долго блуждала в темноте. Она пыталась представить себе грядущие дни в обществе этого странного, неразговорчивого дуардина, склонного к столь бурным, задумчивым настроениям, но знала, что теперь ее судьба связана с судьбой Готрека. Каким бы ни было ее место во Владениях Смертных, она найдет его только рядом с ним.

Она перевернулась на спину и погрузилась в сон, пока Готрек греб к берегу.

Во сне она почувствовала, что к ней протянулась рука и коснулась ее. Она крепко сжала ее. Все-таки утро было прекрасным. Рассвет был потрясающим, подумала она. Первый рассвет нового мира.

По дороге из Друхиэля было достаточно легко идти. Люди не могли говорить ни о чем другом, кроме того, куда они отправились потом. Бармен в "Янтарном соке" жаловался на сломанную мебель, похоже, ожидая компенсации. Он окинул его взглядом и дал понять, что такой компенсации не будет. По крайней мере, не от него.

Он остановился, чтобы посмотреть на гниющий пенёк в центре города. Выглядел он не более чем труп, выкопанный из торфяного болота. Воняло тоже, солоноватый запах застоявшейся воды. Люди говорили, что сожгли большую часть, но оставили корни в надежде, что они вырастут снова, больше и лучше, чем прежде.

Глупо, подумал он, но оставил их. Не его это проблема. Богиня, Аларизэль... Что ж, он догадывался, что она может быть разной. Лучше, чем большинство богов, которых они могли бы выбрать.

За несколько дней он дошел по пересеченной местности до побережья. По пути он не нашел ничего особенного: пара прогоревших костров, и все. Было ощущение, что они не успевают, как будто торопятся. Он не мог этого понять. Как будто они что-то искали или отвечали на призыв.

Вблизи Кранзиннпорта он обнаружил сгоревшие хутора и заброшенные дома. Поля были заброшены, город выглядел не лучше. Приблизившись к воротам, он достал пистолет.

Улицы были пусты. Здания выглядели так, словно пережили осаду. Грязь в сточных канавах, на дорогах, на стенах. Ничего живого. Выглядело так, словно джунгли заполонили это место, а потом отступили, забрав с собой всех жителей. Любопытно. Придется докладывать, и эта мысль испортила ему настроение на весь остаток дня. Что здесь произошло? Куда они делись?

Он стоял на обрыве и смотрел вниз, на вход в какие-то туннели, уходящие в скалы. Там, внизу, пахло дурно, и он не хотел бы исследовать их без какой-либо пищи в животе. Когда свет померк, он встал у перил на краю обрыва и стал смотреть на море. Там было темно, на воде виднелось пятно, похожее на нефть. В Друхиэле говорили об острове Увядания, о какой-то земле, поднимающейся из глубин, но он ничего не

видел. Несомненно, деревенщины перевозбудились из-за чего-то непонятного. Это было в порядке вещей.

Он развел костер в комнате заброшенного дома, заббарикадировал обе двери и убедился, что у него есть путь отхода на крышу. Зарядил пистолеты и положил их под рукой. Сварил овса, купленного в Друхиэле, и при свете костра перечитал свои бумаги, ожидая, пока остынет приготовленный ужин.

Он не мог понять, что это за женщина. Некоторые говорили, что она жрица, но он не мог понять и этого. В конце концов, это не так важно. Главное - дуардин.

Он съел свой овес, свернул плащ и использовал его в качестве подушки, пытаясь отдохнуть. Но не мог перестать размышлять о нем. Он думал, что Истребитель приведет его прямо к аэльфу, но, возможно, дуардин ничего и не знал. А может, в нем вообще ничего особенного и не было? Сообщение поступило от Куригара из Хамона, а Куригару нельзя было доверять ни на йоту. А он был большим человеком.

Он задвинул эту мысль на второй план и улегся спать. Завтра он отправится в путь по прибрежной дороге. В конце концов, он их найдет. Он всегда находил. И тогда он получит те ответы, которые так ищет.

ЭПИЛОГ

Перед самым рассветом болото потемнело. Луна, казалось, стыдилась самой себя, катясь по западной части неба и скрываясь за горизонтом, оставляя на траве серебристый след.

Мертвые деревья хрустели сухими костями. Болото дрожало от холодного, как могила, ветра. По темной воде поползли нити тумана и закружились вокруг башни, и внутри тени испуганно отступили.

В камере чернее ночи, во мраке порхало множество мотыльков. Некоторые из них были огромными, как птицы, их крылья напоминали листы пергамента, скребущие воздух. Другие были не более чем пылинками серого света, летающими от луча к лучу. Одни были цвета выгоревшей земли, серовато-коричневые, другие – украшены золотыми и бронзовыми прожилками, а на их сложенных крыльях виднелись янтарные глаза хищников. Каждые несколько мгновений один из них проскальзывал в лучах угасающей луны к окнам в виде наконечников стрел и исчезал, а другой прилетал из внешнего мира. Из всех уголков мира слетались они, принося вести обо всем, что видели.

От камеры тянулись туннели и проходы, уходящие глубоко в черную землю под трясинной. Через каждые несколько метров мерцали факелы, освещающие двери из черного железного дуба, окованного бронзой. Некоторые из этих дверей не открывались уже много лет, другие же встретили вновь прибывших всего несколько дней назад. За каждой из них витал запах страха и отчаяния, дикий ужас обреченных на смерть существ. Иногда, в исключительных случаях, из-за этих дверей доносился крик, но он никогда не длился долго. Двери открывались только тогда, когда он этого хотел, и ни на секунду раньше.

За этими проходами находилась еще одна камера – более темная и древняя, погребенная глубоко в фундаменте утопающего замка. Когда-то это была парадная комната, где по случаю визита знатных гостей оказывались почести. Иногда – и то очень редко – таких гостей принимали и сейчас, но, к его облегчению, вот уже много лет никто из его дальних родственников не соизволял приехать сюда. Он был в полном одиночестве.

На пустых окнах висели бархатные шторы, покрытые пылью. На стенах висели гобелены, запятнанные временем, с нечитаемыми рисунками. В углу стояла кровать с балдахином, завешанная шторами из черного атласа, хотя, конечно, сейчас она была ему не нужна. Занавески были изрешечены дырками, в которые мотыльки отложили свои яйца, а по камням были разбросаны выброшенные шелухи от хризалид личинок. У одной из стен стоял дубовый стол длиной в десять футов. Легенды гласили, что когда-то он принадлежал смертному королю, правившему империей, простиравшейся от гор до моря. Легенды также гласили, что именно в этом замке когда-то находилась его резиденция, откуда он управлял своим королевством. Единственным, кто мог подтвердить это, была фигура, сидящая сейчас за столом, но он уже не мог вспомнить, что там было на самом деле. Так давно это было.

На столе были разбросаны клочки пергамента: карты, счета, книги по истории и мифологии, трактаты, рассуждения, прокламации. Фигура провела по ним когтями в поисках информации. Мотыльки принесли новости о Кранзиннпорте, и он с большим удовлетворением узнал о неудаче колдуна. Все шло по плану. Все было выстроено и приведено в движение, и дуардин Готрек поверг приспешников Хаоса в полное смятение. Достаточно было пустить слух здесь, домысл там, и фигуры двинулись туда, куда он хотел. Даже сейчас был оставлен еще один след. Глупец из Азира метался по земле, и вскоре его пути пересекутся с Истребителем. И тогда...

Наконец он нашел то, что искал. Серые когти подцепили лист пергамента. Он начал читать, а когда дочитал, начал смеяться. Этот звук напоминал холодный ветер, проносящийся по разрушенному городу, как смерть на ветру.

Да, подумал он. Очень подходящий звук, а ведь прошло столько времени с тех пор, как он побывал во Владении Света.

Тени в комнате словно раздвинулись. Свет факелов померк и угас, и вдруг там, где раньше была только тьма, взметнулся шквал серебристой пыли.

Камера была пуста. Проходы и коридоры были пусты. Крики за черными железными дверями остались неслышанными, а над трясинной пронеслась страшная черная тень, мрачнее ночи.